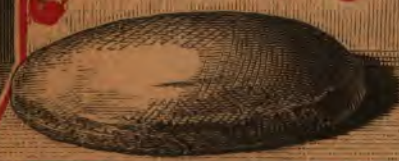

1196

УСКРАМ РЪЧЪ.

РУССКАЯ РѢЧЬ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И НАУКИ.

М а й, 1882.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Редакція „Русской Рѣчи“ и Главная Контора журнала:
Средняя Подъячская, № 1.

1882.

Δ
P Slav 605.15 ($\frac{1882}{5}$)
✓

Средняя Подъёмная, д. № 1.
2347.

Keller Ed

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Вслѣдствіе моей полной денежной несостоятельности, настоящая книжка журнала «Русская Рѣчь» есть послѣдняя, и журналъ болѣе выходить не будетъ.

Прекращая изданіе журнала, я считаю необходимымъ изложить подробно весь ходъ веденія мною этого дѣла, дабы читатели могли убѣдиться, какимъ путемъ я дошелъ до печальной необходимости собственными руками похоронить мною же созданное дѣтище, которому я посвятилъ три съ половиною года своей жизни.

Издавать литературный органъ, въ которомъ я, при содѣйствіи одномыслящихъ со мною людей, могъ бы проводить, поддерживать и развивать идеи, считаемыя мною не только истинными, но и наиболѣе пригодными въ настоящее время для блага и интересовъ моей родной страны—было моею задушевною мечтою съ давнихъ поръ. Но во первыхъ, для этого у меня не было средствъ; а во вторыхъ, не было и той необходимой подготовки, которая для редактора серьезнаго политическаго журнала безусловно необходима.

Только пять лѣтъ тому назадъ, я, по собственному убѣжденію и по мнѣнію уважаемыхъ мною лицъ, призналъ возможнымъ приступить къ осуществленію давно уже задуманнаго и лелѣяннаго мною дѣла, тѣмъ болѣе, что въ тому времени я получилъ и необходимыя для того средства.

Мои собственные средства для этого было недостаточно; но мнѣ удалось составить компанію изъ трехъ лицъ, изъ которыхъ я внесъ все, что имѣлъ, т. е. 20 тысячъ, а каждый изъ

нихъ—по 15 тысячъ, и такимъ образомъ составилъ капиталъ въ 50 тысячъ рублей, которыхъ, по мнѣнію свѣдущихъ въ издательскомъ дѣлѣ людей, было вполне достаточно для успѣшнаго изданія журнала.

Разсчетъ, который я имѣлъ въ виду, заключался въ слѣдующемъ.

Всякое періодическое изданіе въ первые годы своего существованія непремѣнно должно нести значительные убытки, такъ какъ деньги, получаемыя съ недостаточнаго числа подписчиковъ, не могутъ покрыть расходы на изданіе журнала.

Главный расходъ въ этомъ дѣлѣ заключается: 1) въ платѣ сотрудникамъ и 2) въ типографскомъ расходѣ по набору статей. Эти расходы остаются почти неизмѣнными при всякомъ числѣ подписчиковъ, будетъ ли ихъ одинъ человекъ или нѣсколько тысячъ и даже десятковъ тысячъ человекъ, такъ какъ сотрудникамъ платится обыкновенно съ печатнаго листа, безъ всякаго соотношенія къ числу подписчиковъ, а смотря по таланту писателя и существующему, выражаясь языкомъ политической экономіи, спросу и предложенію литературныхъ произведеній въ области печати. А спросъ этотъ въ послѣдніе годы весьма увеличился, и теперь, вслѣдствіе увеличенія числа періодическихъ изданій, при скудномъ числѣ талантливыхъ писателей, многимъ изъ нихъ, главнымъ образомъ конечно белетристамъ, приходилось платить по 150, 200 и 250 р. за печатный листъ (16 страницъ). О первоючислахъ писателяхъ я уже и не говорю. Такимъ авторамъ, какъ Тургеневъ, Гончаровъ, графъ Л. Н. Толстой, платятъ за листъ 400 и болѣе рублей.

Разсчетъ состава книги журнала основывался мною на томъ, чтобы средняя цѣна каждаго печатнаго листа по возможности не превышала 60 р. Это достигалось тѣмъ, что хотя, съ одной стороны, платилось за статьи 150 и болѣе рублей за листъ, за то, съ другой стороны, помѣщались переводныя статьи, за которыя платилось по 15 р. за листъ съ польскаго и по 20 р. со всѣхъ остальныхъ европейскихъ языковъ, кромѣ англійскаго, за который платилось по 25 р. съ листа.

За наборъ (безъ исправленія вѣректуръ) платилось мною типографіи Балашева по 13 р. съ листа крупнаго шрифта (цицеро) и по 14 р. съ листа болѣе мелкаго шрифта (корпусъ).

Такъ какъ, повторяю, плата сотрудникамъ и плата за наборъ остаются почти неизмѣнными и составляютъ главный расходъ по изданію журнала, то и выходитъ, что если журналъ будетъ давать убытки до тѣхъ поръ, пока число подписчиковъ

достигнетъ известной цифры, при которой расходы покроются подписными деньгами, то затѣмъ уже, всякое прибавленіе числа подписчиковъ будетъ приносить журналу весьма значительныя выгоды, потому что придется приплачивать только за бумагу, печатаніе, брошюровку и другіе незначительныя расходы, оставляющіе отъ подписной цѣны каждаго подписчика значительный остатокъ или барышъ.

Число подписчиковъ, при которомъ расходъ приблизительно могъ покрываться доходомъ, я опредѣлилъ въ 3,000, и надѣялся достигнуть этого числа втеченіи 3-хъ лѣтъ, т. е. къ подпискѣ на нынѣшній, 1882 годъ; затѣмъ уже, при послѣдующемъ увеличеніи подписчиковъ, я могъ бы постепенно погашать сдѣланныя затраты, а впоследствии получать за свои труды и доходъ.

На этихъ соображеніяхъ, я приступилъ къ изданію журнала «Русская Рѣчь», которое и началъ съ января 1879 года.

Я не буду касаться здѣсь, на сколько издаваемый мною втеченіи 3½ лѣтъ журналъ удовлетворялъ, по своему содержанію, требованіямъ и вкусамъ читателей, а также и цѣли, которой я руководился. Во первыхъ, это не подлежитъ моей оцѣнкѣ; а во вторыхъ, журналъ, конечно, былъ въ этомъ отношеніи неудовлетворителенъ, такъ какъ, иначе, трудно объяснить медленное возрастаніе числа его подписчиковъ. Я только изложу финансовую сторону изданія, которая можетъ быть вполне точно объяснена.

При указанной мною выше и въ общемъ оправдавшейся на дѣлѣ платы сотрудникамъ, среднимъ числомъ, по 60 р. за листъ, плата эта каждый мѣсяцъ составляла около 1,800 р.; типографскіе расходы составляли каждый мѣсяцъ около 600 р.; затѣмъ, если взять расходы на корректуру, бумагу, брошюровку и обандероливаніе, печатаніе обложки, экспедицію, объявленія, содержаніе конторы, выписки журналовъ и газетъ, покупку книгъ, даровые и обмѣнные экземпляры журнала, и прочіе случайныя расходы, что, съ возрастаніемъ числа подписчиковъ, ежегодно увеличивалось, то и оказалось, что каждая книга журнала стоила среднимъ числомъ: въ 1879 году около 3,000 р., въ 1880 году около 3,500 р. и въ 1881-1882 гг.—около 4,000 р.

По книгѣ расхода за всѣ эти года у меня оказалось:

Въ 1879 году.	37,053 р. 82 к.
» 1880 »	45,721 » 68 »
» 1881 »	48,576 » 36 »

Всего. . . 131,351 р. 86 к.

А по книгѣ прихода значится:

Въ 1879 году	23,936 р. 88 к.
» 1880 »	34,256 » 65 »
» 1881 »	36,391 » 58 »

Всего. 94,585 р. 11 к.

Такимъ образомъ, къ 1 января нынѣшняго года убытка отъ изданія было 36,766 р. 75 к.

Число платныхъ подписчиковъ было ¹⁾:

	Городскихъ.	Иногородн.	Всего ²⁾ .
Въ 1879 году	300	1,132	1,432
» 1880 »	420	1,621	2,041
» 1881 »	399	1,828	2,227
» 1882 » (къ 20 апрѣлю) .	274	1,754	2,028

Изъ послѣдней таблицы видно, что число подписчиковъ ежегодно возрастало, кромѣ нынѣшняго года, когда оно оказалось противъ прошлаго года менѣе на 200 человекъ. Я приписываю это пониженіе главнымъ образомъ слѣдующимъ обстоятельствамъ. Въ первый же годъ изданія я, къ сожалѣнію, по измѣнившимся денежнымъ обстоятельствамъ одного изъ моихъ компаньоновъ по изданію журнала, долженъ былъ возвратить ему его часть, т. е. 15 тысячъ рублей; это, понятно, сильно подорвало мои расчеты и соображенія и вынудило меня обратить главное вниманіе на экономію и бережливость, что, конечно, имѣло значительное вліяніе и на достоинство статей.

Въ прошломъ 1881 г., я вынужденъ былъ выдѣлить и весь вкладъ втораго компаньона, очутился, такимъ образомъ, въ долгу, и продолжать далѣе изданіе являлось уже весьма затруднительнымъ.

Но я надѣялся, что если подписка увеличится въ текущемъ 1882 году пропорціонально прежнимъ годамъ, то, при 2,500 под-

¹⁾ Такъ какъ многіе иногородные подписчики получали журналъ за номерами, значительно превышающими указанное число подписчиковъ, то я считаю долгомъ объяснить, что каждый годъ, передъ приѣмомъ подписки, для удобства веденія подписныхъ книгъ, оставлялись: первые пятьсотъ номеровъ—для городскихъ подписчиковъ безъ доставки, вторые пятьсотъ номеровъ (отъ 501 до 1,000) для городскихъ подписчиковъ съ доставкой, а иногородные подписчики начинались съ 1,001 номера, такъ что подписчикъ, имѣющій напримѣръ номеръ билета 2,800, въ сущности состоялъ 1,800 подписчиковъ. Сверхъ того, каждый годъ было болѣе сотни даровыхъ и обмѣнныхъ экземпляровъ.

²⁾ Изъ нихъ подписавшіеся не все внесли всю подписную сумму.

писчикахъ, я кое-какъ сведу концы съ концами въ этомъ году, а въ будущемъ году, при дальнѣйшемъ увеличеніи подписки, можетъ быть, изданіе не только окупить себя, но и дать нѣкоторыя средства на уплату долговъ. Однако, затруднительныя денежныя обстоятельства не давали мнѣ возможности сдѣлать въ концѣ прошлаго года необходимый и значительный расходъ на объявленія, а также на улучшеніе и, такъ сказать, казовый составъ первыхъ книжекъ журнала, всегда имѣющихъ весьма существенное вліяніе на увеличеніе подписки. Къ тому же мое семейное горе, медленная смерть, на моихъ глазахъ, дорогаго и близкаго мнѣ ребенка, происходившая какъ разъ въ декабрѣ прошлаго и въ январѣ текущаго года, вынудили меня отнестись весьма небрежно къ составу этихъ первыхъ книжекъ, что несомнѣнно также повліяло на уменьшеніе подписки.

Еще въ началѣ прошлаго года, видя невозможность, за отсутствіемъ денежныхъ средствъ, вести успѣшно изданіе журнала, я сталъ заботиться о продажѣ журнала, или о привлеченіи компаньоновъ къ его изданію. Мнѣ удалось начать переговоры о продажѣ журнала съ покойнымъ княземъ Александромъ Илларионовичемъ Васильчиковымъ, который имѣлъ намѣреніе приобрести его и продолжать изданіе подъ моимъ редакторствомъ; но ужасное событіе 1-го марта такъ потрясло и безъ того слабое здоровье почтеннаго князя, что онъ отказался отъ всякой мысли объ участіи въ какомъ либо литературномъ предпріятіи и уѣхалъ въ деревню, гдѣ, какъ извѣстно, и умеръ въ октябрѣ прошлаго года.

Въ теченіи нынѣшней зимы я велъ переговоры съ 4-мя капиталистами, изъявившими желаніе приобрести журналъ; послѣдній изъ нихъ, г. Д., переговоры съ которымъ шли очень успѣшно и, казалось, были уже близки къ благополучному исходу, окончательно отказался только въ половинѣ апрѣля мѣсяца, и тогда мнѣ уже не оставалось ничего болѣе, какъ прекратить дальнѣйшее изданіе журнала, такъ какъ надежды на благопріятный исходъ уже не представлялось никакой, а средствъ на доведеніе изданія до конца года не было.

Приступая теперь къ ликвидаціи дѣла, я имѣю честь сообщить, что, вслѣдствіе условія, заключеннаго мною съ редакторомъ-издателемъ ежемѣсячнаго журнала «Наблюдатель» А. П. Пятковскимъ, послѣдній обязался удовлетворить всѣхъ сполна оплаченныхъ подписчиковъ «Русской Рѣчи» высылкою имъ своего журнала за весь 1882 годъ съ № 1 по № 12 включительно.

Такимъ образомъ, подписчики «Русской Рѣчи» получили въ нынѣшнемъ году первыя пять книгъ журнала «Русская Рѣчь» и получаютъ еще 12 книгъ журнала «Наблюдатель», стоющаго съ пересылкой 14 рублей ¹⁾, слѣдовательно, всего 17 книгъ. Подписчики, внесшіе только часть подписной цѣны, благоволятъ внести остальную плату, до семнадцати рублей, отсылая ее въ тѣ же сроки, на имя редакціи журнала «Наблюдатель» (С.-Петербургъ, Поварской пер., 5) и съ указаніемъ, что плата эта вносится отъ подписчика «Русской Рѣчи», что необходимо для моихъ денежныхъ расчетовъ съ редакціею «Наблюдателя».

Затѣмъ, за закрытіемъ конторы редакціи журнала «Русская Рѣчь» съ 15 мая сего года и за выѣздомъ моимъ изъ Петербурга, всѣ претензіи и требованія гг. подписчиковъ «Русской Рѣчи» по отношенію къ первымъ пяти книгамъ «Русской Рѣчи» за нынѣшній годъ, а также относительно высылки имъ, въ случаѣ надобности, книжекъ за прошлые годы, я прошу адресовать на мое, Александра Александровича Навроцкаго, имя въ г. С.-Петербургъ, до востребованія.

Удовлетвореніе же претензій гг. подписчиковъ по неполученію ими книгъ журнала «Наблюдатель» до меня не относится и обращаться за симъ слѣдуетъ въ редакцію означеннаго журнала.

Нивакииъ инымъ способомъ удовлетворить гг. подписчиковъ «Русской Рѣчи», за недосланные семь книгъ журнала «Русская Рѣчь» кромѣ высылки имъ взаи́мнѣ 12-ти книгъ журнала «Наблюдатель», я не могу и полагаю, что такимъ способомъ гг. подписчики получаютъ за 17 рублей гораздо больше, чѣмъ если-бы имъ возвратили часть подписныхъ денегъ по расчету.

Высылку гг. подписчикамъ «Русской Рѣчи» первыхъ пяти уже вышедшихъ книгъ журнала «Наблюдатель» редакція этого журнала обязалась начать немедленно и окончить не позже 1 іюля сего года, а съ 6-й іюньской книги, журналъ «Наблюдатель» будетъ доставляться гг. подписчикамъ «Русской Рѣчи» одновременно съ доставкой его всѣмъ остальнымъ подписчикамъ «Наблюдателя».

Въ случаѣ, если-бы, по какииъ либо неожиданнымъ причинамъ, журналъ «Наблюдатель» прекратился ранѣе конца нынѣшняго года, то редакція «Наблюдателя» обязалась удовлетворить гг. подписчиковъ «Русской Рѣчи» тѣмъ же порядкомъ,

¹⁾ См. ниже въ объявленіи.

какъ и остальныхъ своихъ подписчиковъ, и это до меня уже не относится.

Всѣ рукописи и статьи, не востребованныя до 1 января 1883 года, будутъ мною уничтожены ¹⁾.

Изъ числа неоконченныхъ печатаніемъ статей въ нынѣшнемъ году, окончаніе повѣсти Яна Ляма «Идеалисты» желающіе могутъ прочесть въ модномъ журналѣ «Ваза», гдѣ повѣсть эти уже закончена печатаніемъ въ выпедшихъ номерахъ за этотъ годъ. Англійскій романъ Давида Кристи Мюррея «Потерянный документъ» (Joseph's Coat) напечатанъ въ англійскомъ журналѣ «Belgravia» за прошлый годъ и, сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ еще переведенъ не былъ. Статьею «О возможности лечиться по гомеопатическому способу въ отсутствіе врача», помѣщенной въ апрѣльской книгѣ, авторъ ея, докторъ медицины В. фонъ-Дитманъ, закончилъ первый отдѣлъ своего почтеннаго труда. Сколько мнѣ извѣстно, онъ надѣется къ концу нынѣшняго года издать весь свой гомеопатическій лечебникъ отдѣльною книгою, о выходѣ которой своевременно будетъ имъ объявлено въ газетахъ.

Изъ всѣхъ имѣющихся у меня продолженій неоконченныхъ печатаніемъ статей, я считалъ своею обязанностью помѣстить въ майской книгѣ все окончаніе перевода книги Тэна «Революція», такъ какъ переводъ этотъ уже находился весь въ моихъ рукахъ и къ тому же сочиненіе это, по моему мнѣнію, имѣетъ весьма глубокое и поучительное значеніе при оцѣнкѣ французской революціи 1789 года, и до сихъ поръ переводъ его на русскій языкъ еще не появлялся въ печати. Продолженіе весьма интересной статьи г. Морозова «Русское дѣло въ Литовской Руси», равно какъ и продолженіе статьи почтеннаго постояннаго сотрудника журнала по отдѣлу естествознанія Л. К. Попова: «Механическія основы процессовъ размноженія», какъ составляющія рядъ самостоятельныхъ очерковъ, вѣроятно появятся въ какомъ нибудь періодическомъ изданіи; что же касается до остальныхъ неоконченныхъ оригинальныхъ статей почтенныхъ постоянныхъ сотрудниковъ журнала, а именно: романа г-жи А. Львовой «Наслѣдство», повѣсти г. Круглова «Мытарства упрянца», историческаго романа г. Шар-

¹⁾ Всѣ рукописи, полученные въ с.-петербургскомъ почтамтѣ на имя Редакціи или конторы «Русской Рѣчи» послѣ 20 апрѣля, мною прнниматься не будутъ и потому должны быть возвращены почтамтомъ отправителю.

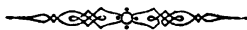
дина «На рубежѣ двухъ столѣтій» и статьи знатока исторіи донскаго казачества Н. И. Краснова «Историческіе очерки Дона», то хотя я и предупреждалъ авторовъ о возможности скорого прекращенія изданія журнала, но я все таки считаю своею обязанностью еще разъ и публично извиниться передъ ними въ томъ, что моя несостоятельность поставила ихъ въ весьма непріятное положеніе не видѣть печатаніе своего, уже обдуманнаго и даже болѣе или менѣе близкаго къ окончанію литературнаго труда въ томъ же журналѣ, въ которомъ онѣ начаты; печатаніе же конца статей въ другомъ періодическомъ изданіи для нихъ, конечно, весьма трудно. Что же касается поэмы г-жи Александры Львовой «Марина Мнишекъ», то дальнѣйшее продолженіе ея, въ виду самостоятельности каждой части этой поэмы, не представитъ затрудненія для помѣщенія его въ другомъ періодическомъ изданіи, и я увѣренъ, что ни одно изъ нихъ не откажется отъ приѣма этого, по моему мнѣнію, талантливаго и дѣйствительно глубоко поэтическаго литературнаго труда.

Наконецъ, почтенные ежемѣсячныя труды нашего постоянного сотрудника, хорошо и давно уже извѣстнаго всему русскому читающему обществу, какъ белетриста, критика и публициста, Евгенія Львовича Маркова, безъ сомнѣнія, не окончатся съ прекращеніемъ журнала «Русская Рѣчь» и будутъ продолжаться въ тѣхъ органахъ печати, въ которыхъ г. Марковъ участвовалъ и до сихъ поръ, одновременно съ работами для «Русской Рѣчи».

Прекращая изданіе журнала «Русская Рѣчь» и такимъ образомъ разставаясь навсегда съ мною же созданнымъ дѣломъ, которое стоило мнѣ много и здоровья, и тяжкихъ, порою даже непосильныхъ заботъ, я не могу, по горькому опыту, не признать, что въ наше время изданіе толстаго ежемѣсячнаго журнала есть дѣло весьма трудное, и мнѣ остается только пожелать полного успѣха почтенному редактору-издателю журнала «Наблюдатель» А. П. Пятковскому, помогшему мнѣ удовлетворить моихъ подписчиковъ, и сохранить увѣренность, что гг. подписчики, познакомившіеся съ этимъ журналомъ, останутся его подписчиками и на будущее время.

Прощайте!..

Редакторъ-издатель А. А. Навроцкій.

НАЧАЛА СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ.

СОЧИНЕНІЕ ИПОЛИТА ТЭНА.

РЕВОЛЮЦІЯ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Торжество якобинцевъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

I.

Худшее въ анархіи не столько отсутствіе низложеннаго правленія, сколько нарожденіе новыхъ и низшаго калибра. Въ каждомъ разложившемся государствѣ образуются неминуемо могущественныя, всеильныя шайки. Такъ было въ Галліи послѣ паденія римской имперіи и при послѣднихъ потомкахъ Карла Великаго; тоже происходило недавно и въ Мексикѣ. Авантюристы, злоумышленники, люди заклейменные и отверженные, промотавшіеся и обезчещенные, бродяги, дезертиры и праздношатающіеся, всѣ прирожденные враги труда, подчиненія и закона сплачиваются для того, чтобы общими усиліями сбросить тѣ перегнившія преграды, которыя еще кое-какъ удерживаютъ всю стадную массу, и, не стѣсняясь ничѣмъ, убиваютъ направо и налево. Вотъ на какомъ основаніи повоюютъ ихъ

Кн. V.—Май, 1882.

1

власть: они царятъ, каждый поочередно, въ своемъ округѣ, и все правленіе ихъ настолько же первобытно-грубое, насколько груба сама ихъ натура, заключается лишь въ грабежѣ и въ убійствѣ; чего же и ждать инаго отъ варваровъ и разбойниковъ.

Но ничто не можетъ быть опаснѣе ихъ въ большомъ, только что распавшемся государствѣ, гдѣ внезапная революція предоставила имъ центральную власть; тогда они считаютъ себя законными наслѣдниками павшаго правительства и, въ качествѣ таковыхъ, берутъ на себя веденіе общественнаго дѣла. А между тѣмъ, во время анархіи, власть исходитъ не свыше, а снизу, и вожди, для того, чтобы остаться вождями, обязаны подчиняться побужденію ослѣпленной толпы. Вотъ почему главнѣйшія и вліятельнѣйшія личности, убѣжденія которыхъ превосходятъ надъ другими, истинные наслѣдники Ришелье и Людовика XIV — это второстепенные якобинцы, клубный ораторъ, подстрекатель волненій, возбудитель уличнаго бунта, Панисъ, Сержанъ, Геберъ, Варле, Генрію, Мальяръ, Фурнье, Лазовскій или, еще того ниже, первый встрѣчный изъ ихъ команды, марсельскій избиватель (*tape-dur*), пригородный канониръ, ньяный рыночный носильщикъ, изрыгающій между двумя припадками икоты свои политическія воззрѣнія. Приэтомъ онъ исключительно руководится завоулочными толками, указывающими ему измѣнниковъ въ каждомъ домѣ, и всѣ его познанія ограничиваются нѣсколькими клубными фразами, указывающими ему, какъ управлять этимъ огромнымъ механизмомъ. Механизмъ этотъ такъ обширенъ и такъ сложенъ, въ немъ такое огромное количество приборовъ и приспособленій, переплетенныхъ одинъ съ другимъ и развѣтвленныхъ по безчисленнымъ направленіямъ, столько специальнѣйшихъ аппаратовъ, самыхъ тонкихъ, которые безпрестанно приходится примѣнять къ измѣняющимся обстоятельствамъ, что все это выступаетъ далеко за предѣлы его, крайне ограниченнаго умозрѣнія: вѣдь нельзя же помѣстить въ бутылкѣ содержимое цѣлой бочки ¹⁾. Въ его узкомъ, искаженномъ мозгу, окончательно разстроенномъ вслѣдствіе громаднаго, совершенно несоразмѣрнаго прилива неумѣщающихся въ немъ понятій, пре-

¹⁾ 19 марта 1871 года, я встрѣтилъ въ Варенской улицѣ федералиста, принимавшаго участіе въ разграбленіи школы главнаго штаба и возвращавшагося съ парой ружей на плечѣ; я сказалъ ему: «Вы затѣваете междуособную войну, слѣдствіемъ которой будетъ занятіе Парижа пруссаками». — «Я предпочитаю пруссаковъ Тьеру, отвѣчалъ онъ; — Тьеръ — это свой, внутренній прусакъ».

обладаетъ лишь одно несложное понятіе, вполне соответствующее его грубымъ наклонностямъ и инстинктамъ, а именно желаніе убивать своихъ враговъ, которые, въ то же время, враги государства, каковы бы они ни были, открытые ли, тайные, настоящіе, будущіе, предполагаемые, или хотя возможные. Онъ вноситъ въ политику свою неукротимую грубость и свое изступленіе, и вотъ почему его захватъ такъ ужасно зловреденъ. Будь онъ обыкновенный разбойникъ, онъ убивалъ бы лишь съ цѣлю грабежа, и это ограничило бы его убійства. Будучи же представителемъ правительства, онъ предпринимаетъ избиеніе массами, имѣя на то достаточныя средства. Онъ не имѣлъ еще времени разнести до основанія всѣ старыя административныя орудія и приборы; существуютъ еще, по крайней мѣрѣ, мелкія, второстепенныя части общаго механизма въ видѣ жандармовъ, тюремщиковъ, мелкихъ чиновниковъ, писцовъ и отвѣтственныхъ служителей, по большей части удержавшихъ свои мѣста и могущихъ служить при надобности.

Что касается людей арестуемыхъ, то они не оказываютъ никакого сопротивленія; привыкшіе къ мягкости нравовъ и къ покровительству законовъ, они, конечно, никогда не рассчитывали на необходимость прибѣгать къ вооруженной самозащитѣ и не воображаютъ, что ихъ собираются перебить безъ суда и допроса. Что же касается толпы, то она, лишенная всякой инициативы вслѣдствіе старинной укоренившейся централизаціи, неподвижна, пассивна и неспособна на какое бы то ни было вмѣшательство. Вотъ почему, втеченіи многихъ послѣдовательныхъ долгихъ дней, будетъ совершаться неспѣшно и безпрятственно, со всѣми должными записями, счетами и формальностями, общее избиеніе, сущая живодерня, и все будетъ происходить такъ же безнаказанно и методично, какъ будто дѣло касается уборки нечистотъ или убоя бродячихъ собакъ.

II.

Прослѣдимъ въ общемъ, главномъ составѣ партіи весь ходъ развитія идеи объ убійствѣ. Она составляетъ всю суть революціоннаго догмата, и, два мѣсяца спустя, Колло-д'Эрбуа совершенно правильно возгласитъ съ трибуны якобинцевъ слѣдующее: «Второе сентября есть главнѣйшій членъ символа вѣры нашей свободы». Черта, присущая якобинцу — это возведеніе себя на степенъ законнаго владыки и обращеніе съ своими про-

тивниками не какъ съ воюющей стороны, а какъ съ преступниками. Они преступны въ оскорбленіи націи, поэтому стоятъ внѣ закона, подлежатъ избиенію всегда и вездѣ, и достойны казни даже и тогда, когда не въ состояніи вредить. Вотъ почему 10 августа были перебиты всѣ, сдавшіеся безъ сопротивленія швейцарцы, всѣ раненые, лежавшіе на землѣ, всѣ ихъ хирурги, всѣ придворные лакеи; лучше того, люди, подобно де-Клернонъ-Тоннеру, случайно проходившіе по улицѣ,—и это на ихъ официальномъ языкѣ называется теперь народнымъ судомъ. 11 сентября, швейцарскіе солдаты, запертые въ зданіи фельянтинцевъ, едва избѣгаютъ смерти; чернь неистово требуетъ ихъ головъ; «составляютъ проектъ, заключающійся въ томъ, чтобы разомъ проникнуть во всѣ парижскія тюрьмы, извлечь изъ нихъ всѣхъ заключенныхъ и избить ихъ поголовно». 12 сентября, въ центральномъ рынкѣ (Halles), въ нѣсколькихъ собравшихся группахъ черни кричатъ, что Петіонъ злодѣй; «онъ спасъ швейцарцевъ въ бурбонскомъ дворцѣ» и потому «слѣдуетъ, сегодня же, повѣсить и его, и швейцарцевъ». Въ этихъ взбаломученныхъ умахъ существенная и осязаемая истина уступаетъ мѣсто какому-то искаженному представленію: «не они произвели нападеніе, а изъ самаго дворца вышелъ приказъ забить въ набатъ; дворецъ осадилъ націю, а не нація дворецъ». Побѣжденные—«убійцы народа», пойманные на мѣстѣ преступленія, и вотъ, 14 августа, федералисты являются съ требованіемъ военнаго суда, «чтобы отомстить за кровь своихъ братьевъ»; однако находятъ, что военнаго суда недостаточно. «Они не довольствуются тѣмъ, что караютъ за преступленія, совершенныя 10 августа; они хотятъ распространить свою месть на всѣхъ заговорщиковъ», на этого «Лафайэта, который, быть можетъ, и не находился въ Парижѣ, но могъ бы и быть тамъ»; на министровъ, на генераловъ, на судей и другихъ агентовъ, виновныхъ въ поддержаніи законнаго порядка, когда тотъ еще держался, и въ непризнаніи яacobинскаго правленія, когда то еще не существовало. Пусть ихъ судятъ не въ обыкновенныхъ судахъ, уже потому подозрительныхъ, что они составляютъ часть упраздненнаго режима, но совершенно исключительнымъ уголовнымъ судомъ, назначеннымъ секціями, т. е. яacobинскимъ меньшинствомъ; пусть эти импровизованные судьи, съ давно предвзятымъ убѣжденіемъ, рѣшаютъ окончательно и безапелляционно; ненужно никакихъ предварительныхъ допросовъ, никакихъ промежутковъ отъ приговора до приведенія его въ исполненіе, никакихъ промедлительныхъ и некровительственныхъ мѣръ. А главное, пусть собраніе поспѣ-

шить изданиемъ декрета, «а иначе, говоритъ ему одинъ изъ делегатовъ новаго городского правленія, — сегодня же въ полночь раздастся набатъ, забьетъ тревога; народъ давно уже жаждетъ мести: онъ самъ добьется правосудія». Минуту спустя, новыя угрозы, съ опредѣленіемъ еще болѣе кратковременнаго срока. «Если черезъ два или три часа... присяжные не будутъ въ состояніи дѣйствовать, то большія несчастія разразятся надъ Парижемъ».

Новое судилище, немедленно учрежденное, тщетно торопится по мѣрѣ возможности и гильотинируетъ въ пять дней троихъ невинныхъ; его дѣйствія признаютъ слишкомъ медленными, и 23 августа, одна изъ секцій объявляетъ городскому правленію въ самыхъ яростныхъ выраженіяхъ, что народъ, «утомленный и негодующій» на подобныя промедленія, самъ ворвется въ тюрьмы и перебьетъ заключенныхъ; депутація отъ городского правленія и отъ федералистовъ требуетъ отъ собранія «чтобы орлеанскіе преступники были переведены въ Парижъ, дабы здѣсь подвергнуться казни за свои преступленія»; иначе, говоритъ ораторъ, «мы не ручаемся за народъ, возбужденный въ мести». Затѣмъ раздается, еще болѣе повелительнымъ тономъ: «и такъ вы слышали наши требованія, и вамъ хорошо извѣстно, что возстаніе есть священная обязанность», священнѣйшая обязанность относительно всѣхъ и противъ всѣхъ, относительно собранія, если оно отказывается, относительно суда, если онъ оправдываетъ. Они бросаются на свою добычу черезъ посредство законодательныхъ или судейскихъ формулъ, какъ коршунъ черезъ какія либо паутины, и ничто не отвлекаетъ ихъ отъ разъ взятой идеи. Такимъ образомъ по случаю оправданія Люса де-Монморена, грубая толпа, смѣшивающая его съ его двоюроднымъ братомъ, бывшимъ министромъ Людовика XVI, раздражается угрозами. Предсѣдатель пытается принудить ихъ замолчать, но крики усиливаются и де-Монморену угрожаетъ сильнѣйшая опасность. Тогда предсѣдатель, чтобы какъ нибудь вывернуться, объявляетъ, что быть можетъ одинъ изъ присяжныхъ въ родствѣ съ подсудимымъ, и что въ такомъ случаѣ слѣдуетъ назначить новый составъ присяжныхъ и подвергнуть дѣло вторичному разсмотрѣнію; что это разслѣдуютъ, а подсудимаго отправятъ пока обратно въ Консьержери. Засимъ онъ беретъ де-Монморена за руку и выводитъ его посреди всеобщаго рева, не безъ опасности для самого себя: одинъ національный гвардеецъ, стоявшій на паружномъ дворѣ, ударяетъ подсудимаго саблей, а на слѣдующій день восемь делегатовъ отъ присут-

ствовавшихъ требуютъ отъ суда дозволенія убѣдиться на дѣлѣ, дѣйствительно ли де-Монморенъ отведенъ въ тюрьму.

Въ ту самую минуту, какъ произносили его оправданіе, раздалось трагическое восклицаніе: «Вы его освобождаете сегодня, а черезъ двѣ недѣли онъ прикажетъ перерѣзать всѣхъ насъ!» Такимъ образомъ, въ ненависти присоединился еще страхъ. Якобинцы смутно сознаютъ свою малочисленность, свой захватъ, и опасность, все увеличивающуюся по мѣрѣ того, какъ приближается герцогъ брауншвейгскій. Они чувствуютъ, что расположились на минѣ; ну а если мина взорвется! Такъ какъ противники ихъ злодѣи, то они несомнѣнно способны на всевозможныя злоумышленія, заговоры и избіенія; якобинцы не допускаютъ ничего другаго, такъ какъ сами занимаютъ исключительно подобными дѣлами, и, въ силу неизбежнаго умственного перемѣщенія, они приписываютъ своимъ врагамъ то самое стремленіе къ убійству, которое смутно перерабатывается въ глубинѣ ихъ отуманеннаго мозга. 27 августа, послѣ погребальной процесіи, намѣренно придуманной Сержаномъ съ цѣлю еще сильнѣе распалить истинныя ненависти въ народѣ, подозрѣнія ихъ, какъ бы опредѣлившіяся и направленные, начинаютъ превращаться въ увѣренность; десять «вспоминательныхъ» знаменъ, несомыхъ десяти всадниками, наглядно указали имъ на длинный списокъ уже совершившихся избіеній «по наущенію двора и его агентовъ»: избіеніе въ Нанси, избіеніе въ Нимѣ, избіеніе въ Монтанѣ, избіеніе въ Авиньонѣ, избіеніе на Марсовомъ полѣ, и т. д. Въ виду подобной процесіи исчезаетъ послѣдняя нерѣшительность; теперь для женщинъ, посѣщающихъ трибуны, для клубныхъ завсегдатаевъ, для пикетеровъ предметій не остается и малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что аристократамъ избіенія эти дѣло привычное.

А съ другой стороны, для нихъ далеко неуспокоительно, что «эта мрачная, траурная церемонія, имѣвшая цѣлю возбудить сожалѣніе и негодованіе»... не на всѣхъ произвела подобное впечатлѣніе. «Національные гвардейцы, явившіеся въ полной формѣ, «вѣроятно съ намѣреніемъ вознаграждать себя за неявку въ день побоища», не держались, какъ подобаетъ хорошимъ патріотамъ, а наоборотъ «казались или безучастными, или даже выказывали громкую веселость»; они пришли лишь въ качествѣ любопытныхъ зѣваекъ, парижанъ, а между тѣмъ они были несравненно многочисленнѣе санкюлотовъ - пикетеровъ. Послѣднихъ можно было перечестъ; вотъ почему они ясно видятъ, что представляютъ лишь меньшинство, да къ тому же

самое незначительное меньшинство, и что ихъ ярость не находитъ достаточныхъ отголосковъ; ускорителями судопроизводства и требователями казни являются лишь участники и устроители праздника. Одинъ иностранецъ, тонкій наблюдатель, выспрашивавшій лавочниковъ, у которыхъ онъ покупалъ, торговцевъ, съ которыми имѣлъ дѣло, людей, встрѣчавшихся ему въ кофейняхъ, пишетъ, что не замѣчаетъ нигдѣ кровожадныхъ стремлений, за исключеніемъ лишь галерей національнаго собранія и якобинскаго клуба. Въ галереяхъ толпятся продажные крикуны, «въ особенности женщины, еще болѣе шумливыя и стоящія дешевле»; въ клубъ якобинцевъ выезжаютъ ихъ «вожаки, опасующіеся новаго переворота или стремящіеся удовлетворить какой-либо личной мести»; такимъ образомъ, единственными изступленными являются вожаки и пригородная чернь. Потерянные въ этомъ громадномъ городѣ, имѣя передъ глазами еще вооруженную и втрое многочисленнѣйшую національную гвардію и недовольную или безучастную буржуазію, патриоты приходятъ въ ужасъ. Снѣдаемое непрерывными опасеніями, ихъ горячее воображеніе, раздраженное долговременнымъ ожиданіемъ, невольно рождаетъ мечтанія, страстно принимаемыя ими за непреложнѣйшія истины, и теперь достаточно какой-либо случайности, чтобы окончательно убѣдить ихъ въ дѣйствительномъ существованіи той легенды, зародышъ которой развился въ нихъ, безсознательно для нихъ самихъ.

Одного ломоваго извожика, по имени Жанъ Жюльенъ, приговариваютъ 1 сентября въ двѣнадцатилѣтнему заточенію и выставляютъ къ позорному столбу; по истеченіи двухъ часовъ, онъ приходитъ въ ярость, вѣроятно вслѣдствіе насмѣшекъ и шутокъ присутствующихъ. Съ обычною грубостью подобныхъ людей, онъ изрыгаетъ въ самыхъ ужасныхъ ругательствахъ свою безсильную злобу, разстегиваетъ платье, обнажается передъ публикой и, естественнымъ образомъ, выскрываетъ самыя оскорбительныя слова для народа, какъ то: «да здравствуетъ король! да здравствуетъ королева! да здравствуетъ Лафайетъ! къ чорту націю!» Естественно, что его едва не изрубаютъ въ куски, поскорѣе уводятъ въ Консьержери, немедленно приговариваютъ къ смертной казни и сейчасъ же гильотинируютъ, какъ возбудителя мятежа и участника заговора 10 августа. И такъ заговоръ все еще продолжается; судъ заявляетъ объ этомъ, имѣя на то достаточныя доказательства. Несомнѣнно, что Жана Жюльенъ принудили къ признанію: что же онъ открылъ? И на другой же день, подобно цѣлой жатвѣ ядовитыхъ грибовъ, выросшихъ въ

одну ночь, сказка эта увореняется во всѣхъ мозгахъ. «Жанъ Жюльенъ будто бы сказалъ: что всѣ рѣшительно заключенные въ парижскихъ тюрьмахъ раздѣляютъ его мнѣніе; что скоро праздникъ будетъ на ихъ улицѣ; что они хорошо вооружены и выйдутъ на свободу, лишь только уйдутъ волонтеры». На улицахъ встрѣчаются все встревоженные лица; «одинъ изъ прохожихъ говорить, что Верденъ передали предательствомъ подобно Лонгви; другіе, покачивая головою, утверждаютъ, что слѣдуетъ опасаться измѣнниковъ внутреннихъ, находящихся въ Парижѣ, а не открытыхъ враговъ, стоящихъ на границѣ». На слѣдующій день сказка еще болѣе разрастается. «Разсказываютъ что въ Парижѣ и въ окрестностяхъ его скрываются роялистскія войска и ихъ предводители; они отероютъ всѣ тюрьмы, вооружать заключенныхъ, освободятъ короля и его семейство, умертвятъ всѣхъ парижскихъ патриотовъ, женъ и дѣтей всѣхъ ушедшихъ въ армію. Не естественно ли всеобщее желаніе солдатъ позаботиться о безопасности своихъ женъ и дѣтей, и прибѣгнуть притомъ къ единственному дѣйствительному средству, чтобы удержать винжалъ убійцъ». Народный востеръ уже подожженъ; теперь дѣло поставщиковъ общественнаго пожара, какъ направить пламя и дать ему разгорѣться поярче.

III.

Они давно и старательно раздуваютъ его. Уже 11 августа, новое городское правленіе объявило въ прокламаціи, что «всѣ виновные погибнуть на эшафотѣ», и оно же вынудило у національнаго собранія, помощью своихъ угрожающихъ депутацій, немедленное учрежденіе кроваваго судилища. Облеченное властью при содѣйствіи грубаго насилія, оно погибнетъ, если не удержитъ ее за собою; а удержать ее можетъ только посредствомъ террора. И дѣйствительно, обратите вниманіе на его неестественное положеніе. Какая-то сотня неизвѣстныхъ, даже темныхъ личностей, утвердившаяся въ городской думѣ при помощи ночнаго захвата и воображающая себя или выдающая себя за представителей народа, свергнула одну изъ верховныхъ властей государства, подчинила себѣ и изувѣчила другую, и царить въ столицѣ съ 700,000 населеніемъ, благодаря содѣйствію и поддержкѣ восьми или десяти тысячъ фанатиковъ и головорѣзовъ. Нивогда еще такой быстрый переворотъ не выдвигалъ на первый планъ людей, такъ непомѣрно низко стояв-

шихъ. Ничтожнѣйшіе публицисты, грязные писаки, кабачные ораторы, разстриженные монахи и священники, весь сбродъ, весь соръ литературы, адвокатуры и духовенства, столяры, токари, мелкіе торгаши, слесаря, башмачники, простые рабочіе, множество неимѣющихъ никакой професіи или ремесла, странствующие политики и уличные горлодеры, подобно площаднымъ лекарямъ и закоулочнымъ шарлатанамъ эксплуатирующіе уже втеченіи трехъ лѣтъ общественное легковѣріе; между ними немалое количество людей съ запятаною репутаціею, съ сомнительною честностію, или съ вполне доказанною безчестностію; павшіе уже въ молодости, и еще несмывшіе своей прежней грязи, выброшенные, благодаря своимъ порокамъ, изъ среды полезныхъ дѣятелей и работниковъ, выгнанные метлою изъ второстепенныхъ должностей и занимающіеся ремеслами недозволенными, неостанавливающимися ни передъ чѣмъ, съ совѣстью, изломанною на подобіе членовъ канатнаго плясуна, и которые, не будь революціи, еще ползали бы въ своей прирожденной грязи, въ ожиданіи Бисетра или каторги, которымъ они принадлежатъ по праву,—можете себѣ вообразить ихъ возрастающее опьяненіе по мѣрѣ того, какъ они все болѣе и болѣе упиваются изъ неисчерпаемаго кубка неограниченной власти. А они стремятся не менѣе какъ къ власти неограниченной, которую они и отправляютъ въ дѣйствительности ¹⁾). Возведенные, въ силу особаго избранія, надъ правильно установленными властями, они терпятъ ихъ лишь въ качествѣ подчиненныхъ, и не допускаютъ ихъ существованія, если стануть подозрѣвать въ нихъ будущихъ возможныхъ соперниковъ. Вслѣдствіе этого, они превратили законодательный корпусъ въ составителя и распространителя сво-

¹⁾ Протоколъ новаго городского правленія отъ 21 августа. «Общій совѣтъ городского правленія, принявъ въ соображеніе, что для обезпеченія общественной безопасности и свободы, ему необходимо оставить за собою всю власть, предоставленную ему народомъ, и будучи принужденъ приступать къ немедленному отправленію своихъ правъ», посылаетъ депутацію въ національное собраніе съ требованіемъ, чтобы новое департаментское правленіе было обращено исключительно въ комисію податей».—Мортимеръ-Герно, III, 25. Речь Робеспьера отъ имени городского правленія: «Разъ, какъ народъ спасъ отечество, разъ какъ вы учредили національный конвентъ, долженствующій замѣнить васъ, вамъ остается лишь одно—покориться его желаніямъ... Народъ, принужденный пещись о своей собственной безопасности, избралъ для этой цѣли изъ своей среды делегатовъ... Необходимо, чтобы тѣ, кого онъ самъ назначалъ своими руководителями, были облечены неограниченными полномочіемъ, подобающимъ монарху».

ихъ же декретовъ; они принудили новыхъ представителей департаментской власти «отказаться отъ своихъ правъ и настоящихъ званій», и ограничиться лишь распредѣленіемъ налоговъ, сами же безпрестанно запускаютъ свои невѣжественныя руки въ дѣла общественнаго правленія финансами, арміею, въ администрацію, судопроизводство, рискуя такимъ образомъ повредить весь механизмъ и окончательно остановить его ходъ.

Сегодня, напримѣръ, они требуютъ къ себѣ для отчета военнаго министра, или, за отсутствіемъ его, его главнаго помощника; завтра они держатъ у себя втеченіи цѣлыхъ двухъ часовъ весь персоналъ его министерства, подъ предлогомъ разсказать какого-то подозрительнаго типографщика. То они опечатаваютъ кассу экстраординарныхъ расходовъ; то они разкассировываютъ продовольственную комисію; то они вмѣшиваются въ судопроизводство, иногда съ цѣлью усложнить процедуру, а иногда съ цѣлью помѣшать исполненію уже произнесенныхъ судебныхъ рѣшеній. Не существуетъ ни принципа, ни закона, ни постановленія, ни приговора, ни учрежденія или общественнаго дѣятеля, не подлежащаго ихъ безграничному произволу. Захвативъ въ свои руки власть, они захватываютъ и деньги. Они не только вынудили собраніе уплачивать имъ 850,000 франковъ ежемѣсячно и всѣ недоимки отъ 1 января 1792 года, всего на сумму болѣе 6.000,000, для содержанія своей военной полиціи, т. е. своихъ шаекъ; но, помимо того, «облекшись въ муниципальный шарфъ, они забираютъ изъ всѣхъ зданій, принадлежащихъ націи, мебель и все, что находятъ тамъ цѣннаго». «Въ одномъ только домѣ они набираютъ имущества на 100,000 экю». Затѣмъ они отнимаютъ у казначея королевскихъ доходовъ шкатулку съ драгоценностями, много иныхъ цѣнныхъ предметовъ и 340,000 ливровъ. Ихъ комисары привозятъ изъ Шантильи три фуры, запряженныя каждая тройкою лошадей «и нагруженныя добычею изъ замка Конде»; наконецъ, они рѣшаются поочистить дома всѣхъ эмигрантовъ. Въ парижскихъ церквахъ они конфискуютъ «распятія, налон, колокола, рѣшетки, всю бронзу и желѣзо, канделябры, потиры, вазы, чаши, ковчеги для мощей, статуи, все серебро съ престоловъ и изъ ризницъ»; можно вообразить какъ велика была добыча: для увозки серебра изъ одной только церкви Маделанъ-ля-Виль-д'Эвекъ потребовалась фура, запряженная четверею. И всѣми этими богатствами они распоряжаются такъ же свободно, какъ самою властью. Одинъ, напримѣръ, хозяйничалъ въ тюльерійскомъ дворцѣ и набивалъ тамъ себѣ карманы; другой, въ Гардъ-Меблѣ, обыскиваетъ шкафы и

уносить одинъ изъ нихъ, набитый вещами; уже выше было говорено о томъ, какъ въ складахъ городского правленія, «большая часть печатей была сорвана» и исчезло серебра, драгоценностей и чеканной монеты на огромныя суммы; послѣдующіе допросы и отчеты обвиняютъ комитетъ общественнаго надзора «въ похищеніи, расточеніи, злоупотребленіи суммами и лихоимствѣ», короче, въ цѣломъ рядѣ злоупотребленій и злоумышленій. Когда царяшь, да еще торопишься царить, невозможно строго придерживаться установленныхъ формъ, и нетрудно перепутать ящикъ, въ который положишь государственныя деньги, съ тѣмъ, въ которомъ лежатъ свои собственныя.

Къ несчастію, это неограниченное обладаніе властью и общественнымъ достояніемъ очень непрочно. Лишь только вытѣсненное и насилуемое большинство осмѣлится, какъ въ послѣдствіи въ Ліонѣ, Марсели и Тулонѣ, вернуться въ секціонныя собранія и отмѣнить то неправильное полномочіе, которое якобинцы присвоили себѣ обманомъ и насиліемъ; въ ту же минуту, по волѣ народа-владыки, и во имя своего же собственнаго догмата, они снова становятся тѣмъ, что они и есть въ дѣйствительности,—узурпаторами, грабителями и ворами; для нихъ не существуетъ середины между диктатурой и галерами. Въ виду подобнаго выбора, всякій умъ, если онъ не одаренъ особымъ равновѣсіемъ, заходитъ за разумъ; они безъ труда создаютъ себѣ всевозможныя иллюзіи; воображаютъ, что въ лицѣ ихъ угрожаютъ самому государству; твердо вѣрятъ, что имъ дозволено все, даже избіенія масами. Вѣдь сказалъ же Базиръ съ трибуны, что противъ враговъ націи «всѣ средства хороши и справедливы». А другой депутатъ, Жанъ-Дебри, предлагалъ составить отрядъ изъ 1,200 волонтеровъ, которые, какъ бывало у арабовъ убійцы и разбойники Шейхъ-иль-Джебала (старца горы), «посвятили бы себя на то, чтобы каждому отдѣльно нападать на тирановъ и на военачальниковъ». Не предлагалъ ли Мерланъ-де-Тюневиль, чтобы женъ и дѣтей эмигрантовъ, нападающихъ на границу, «удержать, какъ заложниковъ», и объявить отвѣтственными; другими словами—присудить къ смерти, если ихъ мужья и отцы не остановятъ своего вторженія.

Остается лишь предпринять вышесказанное, такъ какъ прежнихъ мѣръ оказалось недостаточно. Тщетно городское правленіе объявляетъ подлежащимъ аресту журналистовъ противной партіи и раздастъ ихъ станки типографщикамъ патріотамъ. Тщетно оно объявляетъ неспособными занять какую бы то ни было государственную должность членовъ клуба Сентъ-Шапель, національныхъ

гвардейцевъ, принесшихъ присягу Лафайету; всѣхъ подписавшихся на такъ называемыхъ петиціяхъ 8,000 и 20,000. Тщетно усиливаетъ оно домашніе обыски, не щадя даже отеля и экипажей венеціанскаго посланника. Тщетно удерживаетъ оно передъ своими перилами, подвергая ихъ самымъ оскорбительнымъ и подробнымъ допросамъ и неумоляемымъ свисткамъ и угрозамъ смертью съ трибунъ, достойнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ людей, каковы: Лавуазье, Дюпонъ де-Немуръ, знаменитаго хирурга Десб, ничѣмъ не повинныхъ и изящнѣйшихъ женщинъ, подобныхъ мадамъ де-Турзель, ея дочери и принцессѣ Ламбаль. Тщетно, послѣ цѣлыхъ двадцати дней безпрерывныхъ арестовъ, оно опутываетъ весь Парижъ одною сплошною сѣтью, подвергая его повсемѣстному ночному обыску ¹⁾, назначивъ ко всѣмъ заставамъ двойной караулъ, разставляя караульныхъ по всѣмъ набережнымъ и покрывъ Сену дозорными судами, чтобы сдѣлать невозможнымъ бѣгство водою, предварительно раздѣливъ весь городъ на отдѣльныя части, раздавъ каждой секціи списки подозрительныхъ личностей, запретивъ движеніе экипажей и принудивъ всѣхъ гражданъ оставаться по домамъ. Съ шести часовъ вечера водворяется гробовое молчаніе; затѣмъ появляется на каждой улицѣ патруль изъ шестидесяти пикенеровъ, семьсотъ отрядовъ санюлотовъ, дѣйствующихъ одновременно и съ своимъ обычнымъ звѣрствомъ, выламывая двери прикладами, заставляя слесарей отмыкать шкафы, каменщиковъ изслѣдовать стѣны, роаясь въ подвалахъ и погребяхъ, захватывая бумаги, конфискація оружіе, арестуя и уводя съ собою три тысячи челоувѣкъ, священниковъ, стариковъ, дряхлыхъ и больныхъ. Съ десяти часовъ вечера до пяти утра, какъ въ городѣ взятомъ приступомъ, раздаются вопли женщинъ, крики плѣнниковъ, ругательства солдатъ, останавливающихся, чтобы выпить у каждаго ка-

¹⁾ «Бюше и Ру, XVII, 215». Разказъ Пельтье.—Не взирая на запрещеніе національнаго собранія, операція эта возобновилась на слѣдующій день и продолжалась отъ 19 августа до вечера 31 августа.—Муръ, 31 августа. Здѣсь отлично очерчено глупое и стадное тщеславіе буржуа, завербованнаго для жандармской должности въ пользу санюлота. Хозяинъ гостиницы Мерпсъ, гдѣ помѣщались Муръ и лордъ Ладердаль, былъ прошлую ночь на дежурствѣ. «Онъ много распространялся о своемъ утомленіи и не разъ намекалъ на опасности, которымъ подвергался при исполненіи этой тяжелой обязанности. Его спросили: посчастливилось ли ему при розыскѣ подозрительныхъ лицъ?—«Да, милордъ, отвѣчалъ онъ,—и даже очень: нашъ баталіонъ поймалъ четырехъ священниковъ». Возьми онъ въ плѣнъ самого герцога брауншвейгскаго, онъ бы не могъ выказать больше гордости».

бака; никогда еще не происходило такой всеобщей, методичной экзекуции, такъ успѣшно парализовавшей всякое поползновение въ сопротивленію, посреди всеобщаго ужаса и оцѣпенѣнія. А между тѣмъ, въ эту самую минуту, въ секціяхъ и въ собраніи, благомыслящіе люди негодуютъ на то, что приходится подчиняться подобнымъ вождямъ. Двѣ депутаціи, одна отъ Ломбардовъ (Lombards), другая съ хлѣбнаго рынка (Halle-au-Blé), приходятъ въ собраніе съ жалобами на узурпацію и насилія новаго городского правленія. Монтаньяръ Шудье заявляетъ протестъ противъ этого вопіющаго вѣроломства. Камбонъ, строгій финансистъ, не желаетъ больше подвергать своихъ отчетовъ вмѣшательству и пересмотру грязныхъ мошенниковъ. Собраніе словно пробуждается къ сознанію своего значенія; оно беретъ подъ свое покровительство журналиста Жире, котораго новые паши дали уже приказъ арестовать; оно вызываетъ составителей этого приказа и приказываетъ имъ впредь не выходить, изъ границъ закона, которыя они осмѣливаются преступать. Лучше того, оно уничтожаетъ втершійся и противозакононый совѣтъ и замѣняетъ его девяносто шестью делегатами, которыхъ секціи обязаны выбрать втеченіи однихъ сутокъ. Еще лучше, оно приказываетъ правленію въ втеченіи двухдневнаго срока отдать полнѣйшій отчетъ относительно всего имъ захваченнаго и вернуть въ государственное казначейство все похищенное золото и серебро. Кассированные, принуждаемые вернуть свою добычу, самодержцы городской думы тщетно являются на слѣдующій день въ собраніе, въ полномъ вооруженіи, пытаясь принудить его отмѣнить свои декреты; собраніе остается непреклоннымъ, не взирая на ихъ угрозы и на угрозы ихъ спутниковъ. Тѣмъ хуже для упрямцевъ; если они не боятся блеска сабли, то имъ придется ощутить на себѣ ея лезвіе. Новое городское правленіе рѣшаетъ, вслѣдствіе предложенія Манюэля, что оно продлитъ свое существованіе до тѣхъ поръ, пока народу грозитъ опасность; оно руководится адресомъ Робеспьера «и вручаетъ народу верховную власть», т. е. другими словами, наводняетъ улицы вооруженными шайками и привлекаетъ на свою сторону всѣхъ разбойниковъ, предоставляя имъ все украденное ими 10 августа.

Засѣданіе, продолженное и ночью, кончается лишь въ часъ съ половиною утра. Наступаетъ воскресенье и надо поторопиться, такъ какъ черезъ нѣсколько часовъ въ конвентъ соберутся избиратели для выбора депутатовъ; черезъ нѣсколько часовъ въ силу декрета національнаго собранія, секціи, слѣдуя примѣру

тампльской, данному имъ лишь наканунѣ, отмѣнять, быть можетъ, своихъ мнимыхъ уполномоченныхъ городской думы; для того, чтобы ихъ выбрали въ конвентъ, вожакамъ необходимо взяться немедленно за дѣло и совершить нѣчто блистательное и неожиданное. И день для этого уже насталь—2 сентября.

IV.

Впрочемъ у нихъ уже съ 23 августа рѣшено было, какимъ образомъ дѣйствовать; въ ихъ умахъ уже вполне выяснился весь планъ избиенія, и, мало-по-малу, каждый изъ нихъ, совершенно добровольно и соразмѣрно своимъ способностямъ, берется за роль, выбранную ли имъ самимъ, или назначенную ему другими.

Первый предложилъ и проповѣдывалъ подобную операцію Маратъ, и, съ его точки зрѣнія, эта самая естественная и необходимая мѣра. Къ этому сводится вся его политика: диктаторъ или трибунъ, уполномоченный убивать и одинъ обладающій подобною властью, затѣмъ хорошей головой въ главѣ, отвѣтственный, и скованный по ногамъ цѣпами, вотъ какова съ 14 іюля 1789 года его програма правленія, и онъ ея нисколько не стыдится: «тѣмъ хуже для тѣхъ кто неспособенъ подняться до его уровня и понять его». Онъ съ самаго начала понималъ характеръ революціи, и не вслѣдствіе геніальности, а единственно по симпатіи къ ней. Будучи самъ такъ же ограниченъ и чудовищенъ, какъ она; одержимый уже втеченіи трехъ лѣтъ истушленіемъ подозрительности и мономаніей убійства; доведенный, вслѣдствіе умственного истощенія, до одной идеи, идеи объ убійствѣ; утратившій способность самаго первобытно грубаго разсужденія; ничтожнѣйшій изъ журналистовъ, излюбленный лишь рыбными торговками и пикенерами; невѣроятно монотонный вслѣдствіе своего непрерывающагося пароксизма¹⁾,

¹⁾ Просмотрите оба его журнала, «l'Ami du peuple» и «le Journal de la République française», въ особенности же нумера отъ іюля до октября 1792 года.—Заглавіе нумера отъ 16 августа: «Развитіе злодѣйскаго заговора двора, имѣвшаго цѣлью извести огнемъ и мечомъ всѣхъ патріотовъ».—Заглавіе нумера отъ 19 августа: «Гнусные сенаторы манежа, предающіе народъ и старающіеся промедлить судъ надъ изчѣнниками до прихода Моттье, идущаго съ своею арміею на Парижъ, чтобы умертвить всѣхъ патріотовъ».—Заглавіе нумера отъ 21 августа: «Прокаженные собранія, сообщники предателя Моттье,

такъ что, читая послѣдовательно нумера его газеты, какъ бы слышишь лишь одинъ непрерывный и дивный вопль, вылетающій изъ дома умалишенныхъ, — онъ уже съ 19 августа наталкивалъ народъ на тюремныя избіенія. «Ничто не можетъ быть благороднѣе, какъ, вооружившись, отправиться въ Аббеи, извлечь оттуда измѣнниковъ, въ особенности же швейцарскихъ офицеровъ и ихъ сообщниковъ, и всѣхъ ихъ перерѣзать. Одна мысль о томъ, чтобы судить ихъ — совершенное безуміе. Судъ надъ ними уже произнесенъ. — Вы перебили солдатъ; зачѣмъ же щадить офицеровъ, несравненно болѣе виновныхъ? И, два дня спустя, онъ настаиваетъ на сказанномъ, все болѣе и болѣе увлекаемый своимъ воображеніемъ палача. «Солдаты заслужили тысячу смертей... Что же касается офицеровъ, то ихъ бы слѣдовало четвертовать вмѣстѣ съ Людовиковъ Капетомъ и всѣми его сподвижниками, засѣдающими въ манежѣ». Вслѣдствіе этого, новое городское правленіе назначаетъ его своимъ официальнымъ журналистомъ, предоставляетъ ему трибуну въ залѣ своихъ засѣданій, вручаетъ ему письменный отчетъ своихъ поступковъ, и сегодня-завтра назначить его членомъ комитета общаго надзора или исполнительнаго.

Но подобный бѣсноватый долженъ несомнѣнно удовольствоваться ролью подстрекателя или распространителя новостей; развѣ въ самую послѣднюю минуту ему придется фигурировать между второстепенными распорядителями. Главный же распорядитель, совсѣмъ инаго рода и иныхъ размѣровъ, это Дантовъ, являющійся дѣйствительнымъ руководителемъ; онъ заранѣе приспособленъ къ своему грозному положенію, благодаря своему прошлому, своему простонародному цинизму, своему обращенію и разговору, своей прирожденной способности дать первый толчекъ и властвовать, чрезмѣрной силѣ своего тѣлеснаго и нравственнаго сложенія, физическому вліянію своей неуправляемой и всепоглощающей воли. Онъ одинъ изъ всего новаго городского правленія сдѣлался министромъ, и онъ одинъ сумѣлъ прикрыть муниципальное покушеніе покровительствомъ или бездѣйствіемъ центральной власти.

Онъ единственно во всемъ городскомъ правленіи и министерствѣ способенъ былъ пустить въ ходъ дѣло и привести его въ

приготовляютъ ему средства къ побѣгу. — Римскіе сенаторы, убійцы патриотовъ во время избіеній въ Нанси, на марсовомъ полѣ и въ Тюльери», и т. д. — Все это съ острѣвненіемъ выкрикивалось каждое угро на улицахъ всевозможными газетчиками.

порядокъ посреди всей неурядицы и всего революціоннаго хаоса, и теперь онъ одинъ властвуетъ въ совѣтѣ министровъ, какъ прежде властвовалъ и первенствовалъ въ городской думѣ. «Его громовой голосъ, его жесты атлета, его ужасныя угрозы укрощаютъ его новыхъ сослуживцевъ, въ этой безпрерывной сумятицѣ безсвязныхъ совѣщаній и споровъ, посреди всѣхъ этихъ внезапныхъ, неожиданныхъ предложеній, криковъ, проклятій, прихода и ухода бесчисленныхъ петиціонеровъ; онъ сзумѣлъ присвоить себѣ права остальныхъ, диктуетъ имъ свои приказы, уже заранѣе составленные, распоряжается всѣмъ», создаетъ постановленія, прокламаціи, раздаетъ привилегіи и, забравъ миліоны изъ общественной казны, бросаетъ подачки своимъ псамъ, членамъ клуба кордельеровъ, и нѣкоторымъ представителямъ городского правленія, «одному, напимѣръ, 20,000 ливровъ, другому 10,000, за революцію и въ награду за ихъ патріотизмъ»; вотъ и весь его отчетъ. Насыщаемая такимъ образомъ, свора голодныхъ «горлодеровъ» и алчныхъ «интригановъ», т. е. весь дѣйствующій персоналъ секцій и клубовъ, въ его рукахъ. Во время анархіи подобная свита составляетъ несомнѣнную силу. И дѣйствительно, Дантонъ царитъ самовластно втеченіи августа и сентября, а позднѣе онъ скажетъ про 2-е сентября, также какъ и про 10 августа: «это дѣло моихъ рукъ»¹⁾.

¹⁾ Личность, рассказавшая мнѣ слѣдующій еякъ, слышала о немъ отъ самаго короля Людовика-Филиппа, бывшаго тогда оеицеромъ въ корпусъ Келлермана. Вечеромъ послѣ сраженія при Вальми, молодого оеицера посылаютъ въ Парижъ съ этимъ извѣстіемъ. Пріѣхавъ (22 или 23 сентября 1792 года) онъ узнаетъ, что его уже замѣнили въ арміи и назначили губернаторомъ Страсбурга. Онъ отправляется къ военному министру Сервану; сперва его не пускаютъ: Серванъ боленъ и лежитъ въ постелѣ, окруженный всѣми остальными министрами. Онъ заявляетъ, что пріѣхалъ изъ арміи съ извѣстіями—его допускаютъ; онъ дѣйствительно находитъ Сервана въ постелѣ, окруженнымъ нѣсколькими личностями, и объявляетъ ему о побѣдѣ. Его спрашиваютъ; онъ сообщаетъ подробности. Затѣмъ онъ жалуется на то, что его смѣнили; утверждаетъ, что онъ слишкомъ молодъ, чтобы командовать Страсбургомъ, и проситъ возвратитъ ему его постъ въ дѣйствующей арміи. «Это невозможно, отвѣчаетъ Серванъ:—мѣсто отдано, другой уже назначенъ». Тогда одинъ изъ присутствующихъ, человекъ съ странною наружностью и съ грубымъ голосомъ, уводитъ его въ сторону со словами: «Серванъ дуракъ, приходите ко мнѣ завтра и я улажу ваше дѣло.—Кто вы такой? спросилъ оеицеръ.—Я министръ юстиціи Дантонъ.—На слѣдующій день онъ является къ Дантону, который говоритъ ему: «Дѣло улажено, и вы отправляетесь на тотъ же постъ, только не къ Келлерману, а къ Дюмурье. Довольны-ли вы этимъ?». Молодой человекъ въ восторгѣ и горичо благодаритъ.

Впрочемъ отъ природы онъ далеко не мстителенъ и не кровожаденъ: одаренный темпераментомъ мясника, онъ въ то же время обладаетъ чувствительнымъ сердцемъ, и вскорѣ, рискуя погубить себя, дѣйствуя противъ воли Марата и Робеспьера, онъ спасетъ своихъ политическихъ противниковъ, Дюпора, Бриссо, жирондистовъ, бывшую правую сторону ¹⁾).

Къ тому же онъ не ослѣвленъ ни страхомъ, ни ненавистью, ни теоріей; въ немъ горячность клубиста идетъ рука объ руку съ прозорливостью и дальновидностью политика; онъ самъ не увлекается своими же трескучими угрозами и хорошо знаетъ цѣну негодьямъ, которыхъ употребляетъ въ дѣло; онъ не обольщается ни относительно людей, ни вещей, ни относительно другихъ, ни себя; если онъ убиваетъ, то дѣлаетъ это съ полнымъ сознаниемъ своего поступка, для интересовъ своей партіи, своего положенія и революціи, и грубыя слова, которыя онъ бросаетъ мимоходомъ своимъ бычачьимъ голосомъ, лишь живая форма самой непреложной истины: «всѣ мы сволочь, всѣ мы вышли изъ грязи»; существуя обыденные человѣческіе принципы, «и насъ бы скоро опять втоптали въ эту же грязь; мы можемъ властвовать лишь съ помощью внушаемаго нами страха».

«Парижане подлая сволочь, слѣдуетъ пролить цѣлую рѣву крови между ними и эмигрантами. «Набатъ, звонъ котораго скоро раздастся, не есть призывъ къ тревогѣ, а призывъ къ нападенію на враговъ отечества... А что нужно для того, чтобы побѣдить

Дантонъ отвѣчаетъ: Вотъ вамъ мой совѣтъ на дорогу. Вы человѣкъ талантливый и сдѣлаете карьеру, только постарайтесь отдѣлаться отъ одного недостатка: вы слишкомъ много говорите; вы въ Парижѣ всего только сутки, а между тѣмъ вы успѣли уже не разъ порицать сентябрьское дѣло. Мнѣ это хорошо извѣстно; мнѣ сообщили объ этомъ.—Но вѣдь это заблужденіе; развѣ возможно не находить его ужаснымъ?—Это дѣло рукъ моихъ. Всѣ Парижане подлая сволочь, слѣдовало пролить цѣлую рѣву крови между ними и эмигрантами. Вы слишкомъ молоды, чтобы понять подобныя вещи. Вернитесь къ арміи, теперь это единственный доступный постъ человѣку съ вашими понятіями и съ вашимъ положеніемъ. Васъ ожидаетъ блестящая будущность; только не забывайте, что слѣдуетъ побольше молчать.

¹⁾ Гюа, 167. Разсказъ его домохозяина доктора Ламбри, закадычнаго друга Дантона, ярого санатика и члена комитета, въ которомъ разсматривала вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли убить всѣхъ членовъ правой стороны. Дантонъ съ негодованиемъ отвергъ это кровожадное предложеніе. «Всѣмъ извѣстно, сказалъ онъ,—что я не останавливаюсь передъ преступленіемъ, если оно необходимо; но я его презираю, когда оно бесполезно».

ихъ? Смѣлости, еще смѣлости и только одной смѣлости»¹⁾. «Я выписалъ сюда свою мать, которой 70 лѣтъ; своихъ двухъ дѣтей, прѣбывавшихъ вчера вечеромъ. Я хочу, чтобы семейство мое погубило вмѣстѣ со мною раньше, нежели пруссаки войдутъ въ Парижъ; я хочу, чтобы двадцать тысячъ факеловъ моментально превратили Парижъ въ груды пепла». «Надо употребить всѣ мѣры, чтобы удержаться въ Парижѣ. Республиканцевъ незначительное меньшинство, а въ случаѣ осады мы можемъ считать лишь на нихъ; вся остальная Франція привержена королевской власти. Слѣдуетъ устрашить роялистов!»²⁾.

Это онъ, 28 августа, вымогаетъ у собранія разрѣшеніе прозвѣсти всеобщій обыскъ, вслѣдствіе котораго городское правленіе наполняетъ всѣ тюрьмы. Это онъ, 2 сентября, съ цѣлью парализовать сопротивленіе честныхъ людей, заставляетъ объявить смертный приговоръ противъ каждаго, кто «прямо или косвенно откажется исполнить, или помѣшаетъ какимъ бы то ни было образомъ исполненію отданныхъ приказаній или мѣръ, принятыхъ исполнительною властью». Въ тотъ же самый день онъ сообщаетъ журналисту Прюдому о вымышленномъ заговорѣ тюремъ и, день спустя, посылаетъ къ нему своего секретаря Камилла Демулэна, съ цѣлью поддѣлать и измѣнить отчетъ объ избіеніяхъ³⁾. Онъ же опять, 3 сентября, въ

¹⁾ Бюше и Ру, XVII, 347. Слова Дантона, обращенныя къ національному собранію, 2 сентября, за нѣсколько минутъ до двухъ часовъ, когда звонъ набата и пушечный выстрѣлъ подавали условленный сигналъ къ тревогѣ. Уже 31 августа, его вѣрный помощникъ Тальенъ говорилъ національному собранію: «Мы арестовали священниковъ-возмутителей; они заперты въ одномъ частномъ домѣ, и черезъ нѣсколько дней почва свободы будетъ очищена отъ ихъ присутствія».

²⁾ Робини, «Процессъ дантонистовъ», 39, 45. (Слова Дантона въ комитетѣ общественной безопасности.—Мадамъ Роланъ, Мемуары, II, 30. 2 сентября, Гранпрё, которому поручено отдать отчетъ министру внутреннихъ дѣлъ о состояніи тюремъ, поджидаетъ Дантона у входа въ совѣтъ и выражаетъ ему свои опасенія. «Дантонъ, недовольный подобными увѣщаніями, восклицаетъ своимъ грубымъ голосомъ, сопровождая свои слова самымъ подходящимъ жестомъ: «Къ чорту всѣхъ заключенныхъ; какое мнѣ до нихъ дѣло!» И затѣмъ идетъ далѣе, видимо разсерженный. Это происходило въ одной изъ переднихъ комнатъ, въ присутствіи двадцати человекъ».—Арно, II, 101. Во время сентябрьскихъ избіеній, «Дантонъ, въ присутствіи одного изъ моихъ друзей, отвѣтилъ кому-то, умолявшему его прибѣгнуть къ своей власти, чтобы остановить кровопролитіе:—Мнѣ кажется, что пора дать народу возможность отмстить за все зло, ему сдѣланное».

³⁾ Прюдомъ, «Crimes de la Révolution», IV, 90.—2-го сентября, въ то самое время какъ зазвучалъ набатъ и раздался первый пушечный выстрѣлъ, вѣстникъ тревоги, Прюдомъ отправляется къ Дантону, чтобы узнать въ чемъ дѣло. Дантонъ

министерствъ юстиціи, въ присутствіи батальонныхъ командировъ и всѣхъ дежурныхъ начальниковъ, въ присутствіи президента національнаго собранія Лякруа, парижскаго мера Петіона, Клявъера, Сервана, Монжа, Лебрена и всего исполнительнаго совѣта, за исключеніемъ Ролана, однимъ только жестомъ принуждаетъ главныхъ государственныхъ представителей обратиться въ пассивныхъ сообщниковъ и отвѣчаетъ одному частному челобѣцу, убѣждающему остановить убійства: «молчи, это было необходимо»¹⁾. И опять, въ тотъ же самый день, онъ разсылаетъ циркуляръ, скрѣпленный своею подписью, въ которомъ комитетъ общественнаго надзора объявляетъ объ избіеніяхъ и приглашаетъ своихъ братьевъ во всѣхъ остальныхъ департаментахъ, послѣдовать примѣру Парижа²⁾. Наконецъ, 10 сентября, онъ не въ качествѣ министра юстиціи, а какъ министръ народа «поздравить и поблагодарить версальскихъ избивателей»³⁾. Съ 10 августа

разсказываетъ ему условленную басню и прибавляетъ: «Народъ, во-время предупрежденный и сильно озлобленный, хочетъ самъ расправиться съ негодями, наполняющими тюрьмы». Въ это время входитъ Камилль Демуланъ. «Послушайка, говорить ему Дантонъ,—Прюдомъ пришелъ спросить, что мы намѣреваемся сдѣлать». Да развѣ ты не сказалъ ему, возразилъ Камилль, — что невинныхъ не смѣшаютъ съ виновными? Всѣхъ тѣхъ отпустить на свободу, за которыхъ поручится ихъ секція.—4-го сентября, Демуланъ приходитъ въ редакцію журнала и говоритъ редакторамъ: И такъ все произошло въ строжайшемъ порядкѣ. Народъ даже освободилъ множество аристократовъ, противъ которыхъ не было прямыхъ доказательствъ... Надюсь, что вы отдадите обо всемъ этомъ точнѣйшій отчетъ, такъ какъ «Журналъ революціи» есть какъ-бы компасъ общественнаго мнѣнія».

¹⁾ Ibid., 123. Согласно разсказу Теофила Мандара, вице-президента секціи, свидѣтеля и даже дѣйствующаго лица въ случившемся, и который уполномочилъ Прюдома указать на него. Затѣмъ, выйдя въ слѣдующую комнату, Мандаръ предлагаетъ Петіону и Робеспьеру явиться на слѣдующій день въ собраніе съ заявленіемъ противъ убійствъ; онъ предлагаетъ также, чтобы собраніе, въ случаѣ надобности, назначило на сутки диктатора. «Петіонъ упорно молчитъ. Очевидно, что всѣ министры были совершенно согласны относительно продолженія избіеній».

²⁾ Мадамъ Роланъ, II, 37.—«Анжеръ и департаментъ Мэны и Луары съ 1787 по 1830 г.», сочиненіе Блорье-Дангла. Къ циркуляру былъ присоединенъ напечатанный адресъ, озаглавленный слѣдующимъ образомъ: «О отчетѣ царственному народу, контрастированный министромъ юстиціи, скрѣпленный хранителемъ печати и адресованный на имя департаментскихъ яковинскихъ обществъ, приглашая ихъ къ избіеніямъ».

³⁾ Мортимеръ-Терно, III, 398, 391. Дантонъ, предувѣдомленный Алькье, председателемъ версальскаго уголовного суда, объ опасности, какой подвергались орлеанскіе узники, сказалъ ему:—«Какое вамъ до этого дѣло? Судьба этихъ людей нисколько васъ не касается. Исполняйте ваши обязанности и не вѣшайтесь

онъ присутствуетъ, въ лицѣ своего бывшаго секретаря Бильо-Варенна, своего секретаря печати Фабра д'Эглантина и, наконецъ, секретаря правленія комуны и своего вѣрнѣйшаго клеврета Тальена, на всѣхъ совѣщаніяхъ въ городской думѣ, и въ рѣшительную минуту заботится о томъ, чтобы ввести въ комитетъ общественнаго надзора исполнѣ преданнаго ему человѣка, правителя канцеляріи Дефоржа. Косильная машина не только была построена на его глазахъ и съ его согласія, но еще, въ ту самую минуту какъ она приводится въ движеніе, онъ хватается за рукоятку, чтобы лучше направить косу. И онъ совершенно правъ; не тормози онъ ее время отъ времени, машина бы навѣрное сломалась, вслѣдствіе своего же усиленнаго движенія. Маратъ, введенный въ комитетъ въ качествѣ профессора политическаго кровоупусканія, съ узкостью и непреклонностью своей предвзятой мысли, рубилъ съ плеча далеко за предѣлы начертанной линіи; уже дали приказъ арестовать тридцать депутатовъ, рылись въ бумагахъ Бриссо, окружили домъ Ролана, захватили въ сосѣднемъ департаментѣ Дюпора и везли его на бойню. Спасти послѣдняго было крайне затруднительно; понадобились неимоверныя усилія, чтобы вырвать его изъ рукъ маньяка, требовавшаго его смерти. Съ хирургомъ, подобнымъ Марату, и съ цирюльниками, подобными пяти или шести вожакамъ комуны и секцій, нѣтъ никакой надобности подталкивать размахи ножа; напередъ хорошо извѣстно, что ампутація произойдетъ въ обширнѣйшихъ размѣрахъ. Одни имена ихъ уже достаточно свидѣтельствуютъ за себя; въ коммунѣ—главный прокуроръ Манюэль, его помощники Геберъ и Бильо-Вареннъ, Гюиненъ, Люлье, Мари Шенье, Одуэпъ, Леонаръ Бурдонъ, Була и Трюшонъ—все послѣдовательно выбираются въ предсѣдатели; въ коммунѣ и въ секціяхъ—Пани, Сержанъ, Тальенъ, Росиньоль, Шометь, Фабри д'Эглантинъ, Пашъ, Гассенфроцъ, башмачникъ Симонъ, типографщикъ Моморо; въ національной гвардіи—самъ командующій Сантеръ, баталіонный командиръ Генріо, а за ними вся свора мѣстныхъ демагоговъ, орудій Дантона, Гебера, или Робеспьера, впоследствии гильотинированныхъ вмѣстѣ съ своими

въ чужія дѣла».—«Однако, самъ законъ предписываетъ намъ пещись о безопасности заключенныхъ».—«Такъ что-жъ въ томъ? Между ними есть люди въ высшей степени преступные; еще неизвѣстно, какъ народъ посмотритъ на нихъ и до чего дойдетъ его негодованіе». Альлье пытался настаивать; однако, Дантонъ повернулся къ нему спиною.

предводителями¹⁾, короче, весь цвѣтъ будущихъ террористовъ. Они дѣлали первый шагъ на пути убійства, каждый изъ нихъ сообразно своимъ внутреннимъ побужденіямъ и страстямъ; Шенье, котораго обвиняютъ въ томъ, что онъ членъ клуба Сѣнтъ-Шапель, тѣмъ болѣе преувеличиваетъ свое негодование и свою ярость, что самъ находится подъ подозрѣніемъ; Манюэль, безхарактерный, легко возбуждаемый, растерянный, увлеченный другими, который, увидѣвъ свое твореніе, ужаснется ему; Сантеръ, опытный и крайне осторожный актеръ, который 2 сентября, подъ предлогомъ охраны багажа, садится на возы остановленной кареты и остается тамъ цѣлыхъ два часа только для того, чтобы не исполнять своей должности главнаго командира; Пани, предсѣдатель комитета общественнаго надзора, исправный исполнитель, способный лишь на второстепенную роль ученика и прислужника, поклонникъ Робеспьера, котораго онъ предлагалъ въ диктаторы, и Марата, котораго онъ превозноситъ, какъ истиннаго пророка²⁾; Генріо, Геберъ и Росиньоль — просто разбойники, облеченные въ шарфъ и въ мундиръ; Кло д'Эрбуа, балаганный актеръ, театральное воображеніе котораго съ наслажденіемъ придумываетъ всѣ ужасы мелодрамы³⁾; Билльо Вареннъ, бывшій священникъ-проповѣдникъ, человѣкъ желчный и мрачный, столь же равнодушный и спокойный передъ убій-

¹⁾ Мадамъ Роланъ, «Lettres autographes» и т. д., 5 сентября 1792 г. — «Мы всѣ здѣсь подъ ножомъ Робеспьера и Марата; люди эти употребляютъ всѣ усилія, чтобы возбудить народъ противъ національнаго собранія и совѣта. Они учредили свое уголовное судилище, на вербовали небольшое войско, которое они содержатъ при помощи всего, награбленнаго во дворцѣ и въ другихъ мѣстахъ, а также того, что даетъ имъ Дантонъ, который, втайнѣ, и есть настоящій предводитель этой орды». — Дюсо, «Мемуары», 441. «На слѣдующій день (3 сентября) я отправился къ одной изъ личностей, пользовавшихся въ то время наибольшимъ вліяніемъ. — Известно ли вамъ, спросилъ я, — о томъ, что происходитъ? — Какъ нельзя лучше. Успокойтесь, скоро все кончится; но сперва нужно пролить еще нѣсколько крови». Другіе выражались еще опредѣленнѣе.

²⁾ Приюдомъ, «Парижскія революціи», № отъ 22 сентября. На одномъ изъ послѣднихъ засѣданій коммуны Пани говорилъ о Маратѣ, какъ о пророкѣ, какъ о второмъ Симеонѣ Столпникѣ. «Маратъ, говоритъ онъ, — оставался втѣченіи цѣлыхъ шести недѣль въ темницѣ, лежа на одномъ боку». — Барбару, 64.

³⁾ Веберъ, II, 348. Колло подробно, «съ радостью и хладнокровіемъ», рассказывалъ объ убіеніи мадамъ де-Ламбаль и обо всѣхъ ужасахъ, которымъ подвергли ее трупъ. «Онъ прибавилъ, со вздохомъ сожалѣнія, что обратиться тогда къ его совѣту, онъ бы непремѣнно приказалъ подать голову мадамъ де-Ламбаль на закрытомъ блюдѣ королевѣ на ужинъ».

ствомъ, какъ инвизиторъ передъ костромъ; наконецъ, хитрый Робеспьеръ, подталкивающій другихъ, стараясь самъ оставаться въ сторонѣ, ничего не подписывающій, не раздающій никакихъ приказаній, много говорящій, постоянно совѣтующій, показывающійся вездѣ, приготовляющій свое царствованіе, и вдругъ, въ послѣднюю минуту, подобно кошкой, бросающейся на свою добычу, добивающійся средствъ умертвить своихъ соперниковъ—жирондистовъ¹⁾.

До сихъ поръ, когда они убивали или возбуждали убійства, то они дѣйствовали какъ бунтовщики, на улицѣ; теперь же они дѣлаютъ это въ тюрьмахъ, какъ судьи и государственные чиновники, составляя росписи осужденныхъ, съ подтвержденіемъ личности и краткимъ опредѣленіемъ судебного рѣшенія, посредствомъ оплаченныхъ палачей, во имя спасенія народа, методично и хладнокровно, почти такъ же правильно, какъ и впоследствии, при «революціонномъ правительствѣ». И дѣйствительно, сентябрь мѣсяцъ является его началомъ, его руководствомъ; иначе и лучше нельзя будетъ поступать даже во времена всемогущества гильотины. Вся разница въ томъ, что еще не обладаютъ достаточно усовершенствованнымъ орудіемъ и довольствуются пиками; къ тому же, въ виду того, что стыдъ еще необончательно утраченъ, предводители прячутся за мелкими исполнителями. Но ихъ нетрудно прослѣдить по пятамъ, уловить на самомъ фактѣ, указать на ихъ автографы; это они задумали самую операцію, они ее направляютъ, распоряжаются ею. Коммуна рѣшила 30 августа, что заключенныхъ будутъ судить секціи, и 2 сентября пять приверженныхъ ему секцій отвѣчаютъ указомъ объ избіеніи заключенныхъ. Въ тотъ же самый день, 2 сентября, Маратъ вступаетъ въ комитетъ общественнаго надзора. Опять въ тотъ же день Пани и Сержанъ подписываютъ указъ о назначеніи комисіи, состоящей изъ «ихъ товарищей» Мальяра и

¹⁾ О роли, какую играетъ Робеспьеръ въ новомъ городскомъ правленіи, и о постоянномъ его присутствіи тамъ, Гранье де-Кассавьякъ, II, 55.—Мортимеръ-Терно, III, 205. Рѣчь Робеспьера въ городскомъ правленіи 1 сентября: «Никто не осмѣливается назвать измѣнниковъ. Такъ я же назову ихъ, ради спасенія народа; я обвиняю свободубійцу Бриссо, всю партію Жиронды, злодѣйскую комисію двадцати, и одного члена національнаго собранія; я ихъ обвиняю въ томъ, что они продали Францію герцогу брауншвейгскому и впередъ получили награду за свою подлость». 2 сентября онъ повторяетъ свое обвиненіе, вслѣдствіе чего, въ тотъ самый день, комитетъ общественнаго надзора объявляетъ приказъ объ арестованіи 30 депутатовъ, Бриссо и Ролана (Мортимеръ-Терно, III, 216, 247).

его сообщниковъ, въ тюрьму Аббей, и «приказываютъ имъ судить», т. е. просто убивать узниковъ. И опять въ тотъ же день и въ слѣдующіе, три члена коммуны, Геберъ, Моннезъ и Росиньоль, поочередно предсѣдательствуютъ въ тюрьмѣ Форсѣ (la Force) на судѣ убійцъ. Въ тотъ же день, въ секцію санкилотовъ является комисаръ отъ комитета общественнаго надзора, съ просьбою снабдить его двѣнадцатью помощниками для избіенія сѣнь-фирменскихъ священниковъ. Въ тотъ же день комисаръ, присланный коммуною, посѣщаетъ различныя тюрьмы, въ то самое время, какъ тамъ происходятъ избіенія, и находитъ, что «вездѣ распоряжаются какъ нельзя лучше». Въ тотъ же день, часовъ въ пять вечера, помощникъ предсѣдателя коммуны Билльо-Вареннъ, «облеченный въ свое неизмѣнное темно-коричневое платье и въ черномъ парикѣ», шагая черезъ трупы, говоритъ избивателямъ Аббей: «Народъ, ты исполняешь священный долгъ, умерщвляя своихъ враговъ»; ночью онъ опять возвращается, осыпаетъ ихъ похвалами и подтверждаетъ свое обѣщаніе заплатить имъ, «согласно условію»; наконецъ, онъ еще разъ является въ двѣнадцать часовъ на слѣдующій день, опять усердно поздравляетъ ихъ, назначаетъ каждому изъ нихъ по луидору и увѣщаетъ ихъ продолжать. Между тѣмъ Сантеръ, находясь въ главномъ штабѣ, вытребованный туда Роланомъ, лицемѣрно оплачиваетъ свое намѣренное безсиліе и упорно отказывается дать приказъ національной гвардіи выступить противъ убійцъ. Въ секціяхъ, предсѣдатели Шенье, Сейра, Була, Моморо, Колло-д'Эрбуа, непрерывно отсылаютъ въ тюрьмы несчастныхъ, подъ конвоемъ свирѣпыхъ пикинеровъ. Въ коммунѣ постановляютъ взыскать съ имущества убитыхъ 12,000 ливровъ, чтобы уплатить всѣ расходы по производимымъ операціямъ¹⁾. Въ комитетѣ общественнаго надзора Маратъ и его

¹⁾ Мортимеръ-Терно, III, 277 и 299 (3 сентября).—Гранье де-Касаньякъ, II, 257. Одинъ изъ комисаровъ секціи четырехъ націй (Quatre Nations) показываетъ въ своемъ отчетѣ, что секція предоставила имъ право выплачивать расходы изъ имущества убитыхъ.—Показаніе Журдана, 151.—Лавалетъ, «Мемуары», I, 91. Починъ въ этомъ дѣлѣ коммуны ясно доказывается еще слѣдующимъ: «2 сентября, около пяти часовъ дня, чиновники муниципалитета верхомъ, съ развѣвающимися знаменами, развѣзжаютъ по улицамъ, съ криками «къ оружію!» и прибавляютъ: «Врагъ приближается, вы всѣ погибли, городъ предается огню и разграбленію! Не бойтесь немѣнниковъ и заговорщиковъ, которыхъ вы оставляете за собою; они теперь въ рукахъ патріотовъ, и судъ націи, еще до вашего ухода, порази тѣ ихъ своимъ громомъ».—Бюше и Ру, XXVIII, 105. Письмо шеваля Сѣнь-Дизье, члена перваго комитета общественнаго надзора,

помощники пишутъ о распространеніи избіенія и на департаменты. Очевидно, что вожаки и подчиненные дѣйствуютъ вполнѣ единодушно, каждый на своемъ посту и въ своемъ отдѣлѣ; вслѣдствіе добровольнаго содѣйствія всѣхъ членовъ партіи, повелѣніе свыше идетъ рука объ руку съ поощреніемъ и наущеніемъ низшихъ слоевъ; все это сливается въ одну общую жажду убійства и дѣло совершается тѣмъ болѣе основательно и точно, что не встрѣчаетъ никакихъ затрудненій. Тюремщикамъ отдавъ приказъ открывать тюрьмы и не вмѣшиваться въ остальное. Не пренебрегли даже предосторожностью отобрать у заключенныхъ столовые ножи и даже вилки. При поименной переключкѣ, они будутъ выступать одинъ за другимъ, подобно воламъ въ бойнѣ, и для совершения предпринятой работы достаточно будетъ какихъ нибудь двадцати мясниковъ на каждую тюрьму, всего двѣсти или триста человѣкъ.

V.

Весь нужный для этого контингентъ набирался изъ двухъ классовъ людей, и вотъ гдѣ именно слѣдуетъ прослѣдить дѣйствіе революціоннаго догмата на грубые, первобытные мозги. Первый классъ составляютъ федералисты юга, здоровенные молодцы, бывшіе солдаты или бандиты, дезертиры, представители богемы и негодяи всѣхъ странъ и происхожденій, сперва поработавшіе въ Марсели и Авиньонѣ и пришедшіе въ Парижъ съ цѣлю приняться за старое дѣло. «Именемъ всѣхъ чертей, восклицалъ одинъ изъ нихъ:—не даромъ же я пришелъ изъ-за 180 миль и хочу воткнуть, по меньшей мѣрѣ, 180 головъ на острие моей пика!» Для этого они сами сплотились въ специальный отрядъ, сплоченный, несмѣняемый и недопускающій ни подъ какимъ видомъ, чтобы у нихъ отняли занятіе, выбранное ими же самими. «Они не внимаютъ движенію напускнаго патриотизма» и, конечно, не пойдутъ на границу. Постъ ихъ въ самой столицѣ; «они повѣлялись защищать тамъ свободу и ихъ не вырвутъ изъ нея ни до, ни послѣ сентября. Когда, наконецъ, принудивъ

отъ 10 сентября: «Марать, Дюпланъ, Фреронъ и прочіе занимаются только, подъ видомъ общественной охраны, удовлетвореніемъ личной мести... Марать, насколько не стѣняяся, утверждаетъ, что для обезпеченія успѣха революціи необходимо (ще отрубить, по крайней мѣрѣ, 40,000 головъ».

уплатить себя изъ всевозможныхъ кассъ и подь всевозможными предложениями, они согласятся очистить Парижъ, то лишь для того, чтобы вернуться въ Марсель; они дѣйствуютъ только внутри страны и исключительно противъ враговъ политическихъ. За то они тѣмъ ревностнѣе исполняютъ свою обязанность: они первые берутся за дѣло, захватывая въ мерѣ помѣщенныхъ тамъ двадцать четыре священника и сами, еще дорогою, начинаютъ ихъ избіеніе ¹⁾. Второй классъ—это бѣсноватые парижской черни, нѣкоторые изъ коихъ прикащики или лавочники, но большинство ремесленники и всевозможные рабочіе, какъ-то: слесаря, каменщики, мясники, каретники, портные, башмачники, ломовые извозчики, въ особенности же лодочники и выгрузчики, портовые работники, рыночные носильщики и, наконецъ, огромный процентъ поденщиковъ, людей сильныхъ, привыкшихъ къ мускульной работѣ и стоящихъ на самой низшей ступени лѣстницы ремеслъ ²⁾. Между ними попадаются настоящіе хищные звѣри, убійцы по инстинкту, или обыкновенные воры и грабители. Другіе, подобно одному изъ слушателей абата Сикера, котораго они любятъ и почитаютъ, сознаются, что шли лишь по принужденію. Есть между ними и бессознательные механизмы, руководимые другими: одинъ, напримѣръ, уличный разсыльный, въ сущности очень честный человѣкъ, но увлеченный толпою, напоенный до-пьяна, дошедшій до изступленія, своею рукою убиваетъ двадцать священниковъ, вслѣдствіе чего и умираетъ, по простествіи мѣсяца, не переставая пить, окончательно утративъ сонъ, съ пѣною у рта и дрожа всѣми членами. Нѣкоторые, наконецъ, вначалѣ вполне благонамѣренные, теряютъ голову, охваченные этимъ кровавымъ вихремъ революціонной благодати, и проникаются религіею убійства; напримѣръ, нѣкій Грапенъ, посланный своею секціею для того, чтобы спасти двухъ заключенныхъ, садится рядомъ съ Мальяромъ, судить съ нимъ вмѣстѣ втеченіи шестидесяти трехъ часовъ и просить выдать ему въ этомъ свидѣтельство. Но боль-

¹⁾ Ретнеъ-де-ля-Бретонъ, «Парижскія ночи», 375: «Около трехъ часовъ утра (3 сентября), я услышалъ, какъ подь моими окнами проходилъ отрядъ людодовъ, изъ которыхъ, какъ мнѣ показалось, ни одинъ не имѣлъ парижскаго акцента; всѣ до единого были пришлецы».

²⁾ Мортгамеръ-Терно, III, 530.—Помощниками Мальяра въ Аббей были: часовщикъ изъ улицы Шильдеберъ, овощной торговецъ изъ улицы Мазаринъ, трактирщикъ изъ улицы Фуръ-Свѣтъ-Жерменъ, шляпочный мастеръ изъ улицы Свѣтъ-Маргеритъ и еще двое, ремесло которыхъ неизвѣстно.

шинство раздѣляетъ мнѣніе того повара, который, въ день взятія Бастиліи, случайно замѣшавшись въ толпу, отрѣзаетъ голову де-Лоне, вслѣдствіе чего воображаетъ, что совершилъ «патріотическій» поступокъ и заслуживаетъ «медаль за уничтоженіе чудовища». И это не обычные злоумышленники, а услужливые сосѣди, которые, завидѣвъ, что въ ихъ кварталѣ дѣйствуетъ новое общественное учрежденіе, вышли изъ своихъ домовъ съ цѣлю помочь общему дѣлу: въ нихъ еще сохранилась доза честности, какая и до сихъ поръ встрѣчается у людей ихъ общественнаго положенія.

Вначалѣ никто не помышляетъ о томъ, чтобы набивать карманы. Въ Аббей на столъ гражданскаго комитета со всѣхъ сторонъ сыплются бумажники и драгоценности убитыхъ ¹⁾. Если исполнители что либо и оставляютъ себѣ, то почти исключительно башмаки, чтобы обуть свои голыя ноги, да и то заручившись предварительно позволеніемъ. Что же касается денежнаго вознагражденія, то и этотъ трудъ, какъ и всякій другой, долженъ оплачиваться, и къ тому же, это было дѣло рѣшенное между ними и ихъ вербовщиками. Принужденные существовать работою рукъ своихъ, они не имѣютъ возможности даромъ жертвовать своимъ временемъ ²⁾, а такъ какъ работа тяжелая, то, естественнымъ образомъ, и должна оплачиваться двойною платою. Они требуютъ шесть франковъ въ день, не считая харчей и вина волю; одинъ только сосѣдній трактирщикъ поставяетъ работникамъ Аббей до 346 пинтъ въ день; и дѣйствительно, при работѣ, не прерывающейся ни днемъ, ни ночью, и схожей съ трудомъ живодеровъ и выгребателей клоакъ, одно только вино способно поддержать энергію. Нація выдаетъ и припасы, и заработную плату, въ виду того, что работаютъ для нея же, и понятно, что когда плата задерживается отъ соблюденія необходимыхъ формально-

¹⁾ Сикаръ, 86, 87, 101.—Журданъ, 123: «Президентъ комитета общественной охраны отвѣтилъ мнѣ, что все это честнѣйшіе люди, и что наканунѣ одинъ изъ нихъ, явившись въ ихъ комитетъ едва одѣтый, въ деревянныхъ башмакахъ и весь покрытый кровью, выложилъ мнѣ изъ своей шляпы 25 луидоровъ, найденныхъ имъ у одного изъ убитыхъ». — Другой примѣръ честности приводится въ протоколѣ главнаго версальскаго совѣта, 367, 371. — Но на слѣдующій день, 3 сентября, возникаютъ грабежи, возрастающіе со дня на день.

²⁾ Мортимеръ-Терно, III, 175—176. — Гранье де-Касеаньякъ, II, 84. — Журданъ, 222. — Мере, 179: «Въ полночь они возвращаются съ божбою, ругательствомъ и въ страшной злобѣ, угрожая перерѣзать горло всему комитету, если имъ немедленно не заплатятъ».

стей, то они приходятъ въ ярость, отправляются въ Ролану, къ городскому казначею, въ комитеты секцій, въ комитетъ общественнаго надзора, съ бранью, съ угрозами, и указывая на свои окровавленные пики. Послѣднiя достаточно ясное доказательство ихъ усердной работы: они хвастаются ею передъ Петіономъ, «ссылаются на справедливость, на свое вниманіе къ дѣлу», на утомительность подобнаго занятія, втеченіи столькихъ послѣдовательныхъ дней, и каждый день, втеченіи столькихъ часовъ; они ни мало не стѣсняются и не сомнѣваются въ правотѣ своего дѣла; они требуютъ «лишь должное», и когда кассиръ, передъ тѣмъ, чтобы уплатить имъ, записываетъ ихъ имена, они охотно сообщаютъ ихъ. Тѣ изъ нихъ, которые сопровождаютъ освобожденнаго, каменщики, парикмахеры, федералисты, не требуютъ никакой награды, «но только угощенія»: мы бесплатно беремъ на себя эту обязанность; вотъ мы вамъ привели вашего друга; онъ обѣщаль намъ по стакану водки, мы съ удовольствіемъ выпьемъ и вернемся къ нашему посту». Внѣ же своего ремесла они обладаютъ добродушною искренностью и чувствительностью парижскаго рабочаго. Одинъ изъ федералистовъ, узнавъ въ Аббей, что заключенныхъ, втеченіи двадцати шести часовъ, оставили безъ воды, хотѣлъ «умертвить» нерадиваго тюремщика и непременно бы это сдѣлалъ, не вступись за него сами заключенные». Когда одного изъ заключенныхъ объявляютъ невиннымъ, всѣ, и тюремщики, и избиватели, съ восторгомъ обнимаютъ его; на пространствѣ болѣе нежели ста шаговъ, Веберъ переходитъ изъ объятій въ объятія; ему аплодируютъ «до неистовства»; всѣ выражаютъ желаніе проводить его; фіакръ Матона-де-ля-Варенна весь переполняется сочувственными провожатыми; нѣкоторые влѣзаютъ на козлы, другіе прицѣпляются къ дверцамъ, карабкаются на крышу экипажа, становятся на запятки». Есть даже и такіе, которые проявляютъ странныя порывы утонченной деликатности. Двое изъ избивателей, еще покрытые кровью и выводящіе де-Бертрана, настаиваютъ на томъ, чтобы сѣсть съ нимъ въ экипажъ, для того, чтобы насладиться радостью его семейства; они чувствуютъ потребность отдохнуть отъ своей ужасной работы, вкусивъ какое-либо сладостное ощущеніе. Войдя въ домъ, они скромно ждутъ въ залѣ, пока готовятъ домъ къ ожидающей ихъ радости; радость, которой они свидѣтелями, окончательно ихъ растрогиваетъ; они долго стоятъ, отказываются отъ денегъ и уходятъ, выразивъ свою

благодарность ¹⁾. Еще страннѣе проявленія уцѣлѣвшихъ слѣдствъ врожденной вѣжливости. Одинъ, напримѣръ, рыночный посильщикъ, желая опять оправданнаго заключеннаго, спрашиваетъ на это его позволенія; «мегеры», неистово рукоплескавшія при предъидущихъ убійствахъ, «съ негодованіемъ» оставявляютъ тюремщиковъ, которые, не обращая вниманія на бѣлыя, шелковые чулки Вебера, ведутъ его по лужамъ крови: «осторожнѣе, кричатъ онѣ, вы ведете этого господина по ручьямъ крови!» Короче, въ нихъ сохранились обычныя качества ихъ расы и ихъ класса; повидимому они стоятъ не ниже и не выше общаго уровня людей себѣ подобныхъ, и, по всѣмъ вѣроятіямъ, большинство изъ нихъ никогда не покусилось бы ни на что чрезмѣрное, существуя тогда, какъ и въ обыкновенное время, правильно организованная и строгая полиція, которая могла бы удерживать ихъ въ ихъ мастерскихъ, ихъ кабакахъ, или въ ихъ скромныхъ квартирахъ.

Но въ своихъ собственныхъ глазахъ они цари; «верховная власть поручена имъ» ²⁾ и власть эта безгранична; всякій, сомнѣвающийся въ этомъ, измѣнникъ и вполнѣ заслуживаетъ лютую казнь, смерть его является необходимостью; членами же своего правленія они избрали сумасшедшихъ и негодяевъ, проповѣдующихъ имъ все это по монomanіи или изъ расчета; они находятся въ положеніи негритянскаго царя, окруженнаго бѣлыми негро-торговцами, которые уговариваютъ его предпринять опустошительныя набѣги, и черными колдунами, подталкивающими его на убійства. При подобномъ положеніи и съ по-

¹⁾ Муръ, 267.—Малуэ, II, 240. Малуэ былъ 1 сентября у своей свояченицы; въ полночь у ней производится домашній обыскъ; она падаетъ въ обморокъ лишь только появляется патруль. «Я попросилъ ихъ не входить въ гостиную, чтобы не потревожить бѣдной больной. Увидѣвъ женщину безъ чувствъ, съ симпатичною наружностью, они разстрогались и немедленно вышли, оставивъ меня съ нею».—Воль, «Очерки», 1, 108 (по поводу двоихъ извѣстителей Аббен, которыхъ онъ встрѣчаетъ у Журньяка-де-Сенъ-Меара, и которые бесѣдуютъ съ нимъ, сопровождая его домой); Меня поразило то, что сквозь ихъ звѣрскія выраженія проглядывали великодушныя чувства; это были люди, готовые на все, чтобы защитить тѣхъ, чью сторону они взяли».

²⁾ «Сикарь», 101, слова Вилльо-Варенна обращенныя къ извѣстителямъ. Ibid., 75: «Еще большей власти, отвѣчалъ одинъ изъ членовъ комитета общественнаго надзора,—да развѣ это возможно! Предоставить вамъ большую власть, значило бы ограничить ту, которой вы уже облечены. Не забывайте, что вы владыки, такъ какъ вамъ ввѣрено владычество народа, именемъ котораго вы и дѣствуете въ настоящую минуту».

добными руководителями возможно ли такому человѣку стѣсняться судебными формальностями и утонченностями правосудія? И правосудіе, и справедливость, все это выработанные продукты цивилизаціи, онъ же въ политикѣ суцій диварь. Тщетно твердятъ ему о невинныхъ: «Такъ и вы, гражданинъ, собираетесь убаюкать насъ? Да, если-бы эти подлецы прусаки и австрійцы были въ Парижѣ, неужто они стали бы отыскивать виновныхъ? Не били ли бы они направо и налево, подобно тому, какъ распорядились швейцарцы 10 августа? Самъ я не ораторъ и не стараюсь провести никого; но я отецъ семейства; у меня жена и пятеро дѣтей, которыхъ я оставляю подъ охраною моей секціи, когда самъ пойду на врага. Но я совсѣмъ не желаю того, чтобы злодѣи, находящіеся въ этой тюрьмѣ и которымъ другіе злодѣи отворятъ двери, убили въ моемъ отсутствіи мою жену и моихъ дѣтей. У меня три мальчика, которые будутъ со-временемъ, какъ я надѣюсь, полезнѣе отечеству, нежели мерзавцы, которыхъ вы стремитесь охранить. Впрочемъ, пусть ихъ выпускаютъ; мы сами дадимъ имъ оружіе и сразимся съ ними при равныхъ силахъ. Безразлично, гдѣ умирать, здѣсь ли или на границѣ; я все равно паду отъ руки злодѣевъ, но я дорого продамъ свою жизнь. Такъ или иначе, мною ли или другими, но тюрьма должна быть и будетъ очищена отъ этихъ мерзавцевъ». Поднимается одинъ общій крикъ: «Онъ правъ, не давать пощады, слѣдуетъ войти!» Все, что допускаетъ толпа, это лишь импровизированное судилище, чтеніе тюремной росписи, спѣшныя рѣшенія: пусть приговариваютъ и убиваютъ, руководясь общественною репутаціею; это упрощаетъ дѣло. Прибѣгаютъ къ еще болѣе грозному упрощенію: обвинять и убивать по категоріямъ. Швейцарцы, священники, офицеры и слуги короля, «зловредныя гусеницы, питающіяся государственными доходами», подобныхъ титуловъ достаточно за-глаза. Въ тѣхъ оградахъ, гдѣ заключены лишь священники или швейцарцы, нѣтъ надобности судить; надо рѣзать всѣхъ поголовно; сведенная на подобную степень, операція эта становится доступна операторамъ. У новаго монарха настолько же сильны и здоровы руки, насколько слабъ и ограниченъ разсудокъ, и вслѣдствіе неизбежнаго примѣненія, онъ низводитъ свое твореніе на уровень своихъ же умственныхъ способностей.

Его твореніе, въ свою очередь, развращаетъ и унижаетъ его. Человѣкъ, въ особенности же человѣкъ изъ народа, укрощенный и смягченный долговременною цивилизаціею, не можетъ безнаказанно стать владыкою и, въ то же время, палачомъ. Онъ тщетно

возбуждаетъ себя противъ своихъ жертвъ, осмыслъ ихъ ругательствами¹⁾; онъ смутно чувствуетъ, что совершаетъ ужасное дѣяніе, и душа его, подобно душѣ Макбета, «переволнена скорпіонами». При помощи страшнаго усилія, онъ борется противъ наследственной человечности, содрогавшейся въ немъ; та сопротивляется; онъ внѣ себя, и желая заглушить ее, не имѣетъ другаго средства, какъ «унижаться ужасами»²⁾, громозди убійства на убійства. А убійство, въ особености же при способѣ совершенія его холоднымъ оружіемъ и надъ людьми беззащитными, вводитъ въ его животный и въ его нравственный механизмъ два необычайныя и несоразмѣрныя ощущенія. сильно его потрясающія: во первыхъ, ощущеніе своего владчества, вполне безконтрольнаго, безпрепятственнаго и безопаснаго надъ человѣческой жизнью и надъ трепещущимъ тѣломъ³⁾; во вторыхъ, ощущеніе, испытываемое при видѣ кровавой и разнообразнѣйшей смерти, съ ея вѣчно новымъ аккомпаниментомъ судорожныхъ движеній и криковъ⁴⁾. Бывало въ римскихъ циркахъ наслаждались и увлекались подобными зрѣлищами; кто разъ его видѣлъ, тотъ стремился туда каждодневно. Теперь же каждый тюремный дворъ обращенъ въ циркъ, съ тѣмъ усовершенствованіемъ, что сами зрители превращаются въ актеровъ. Такимъ образомъ, для нихъ оба жгучіе напитка сливаются въ одно питье. Изъ нравственному оупьяненію прибавьте оупьяненіе физическое: вина вволю, непрерывныя возліянія, попойки на окровавленныхъ трупахъ; и вотъ изъ ожесточившагося существа создается самъ демонъ Дантова ада, съ инстинктами въ то же время и скотскими, и утонченными,—не только демонъ-разрушитель, но еще палачъ-изобрѣтатель, вымышляющій страданія, гордящійся своимъ твореніемъ и радующійся злу, которое онъ совершаетъ.

И какъ они веселы! Они пляшутъ и поютъ карманьолу вокругъ cadaго новаго трупа; они собираютъ любопытныхъ всего

¹⁾ Сиваръ, 81. Въ началѣ сами марсельцы стыдятся убивать безоружныхъ и говорили толпѣ: «Возьмите наши сабли и наши наки, убивайте вы этихъ чудовищ».

²⁾ Слова Макбета у Шекспира: «I have supped full with horrors».

³⁾ Подобно дѣлать, топящимъ собаку или убивающимъ ужа: упорство жизни оскорбляетъ ихъ, какъ возмущеніе противъ ихъ деспотизма, и они съ удвоенною злобою преслѣдуютъ животное.

⁴⁾ Вспомните, какое дѣйствіе производитъ бой быковъ, а то непреодолимое влеченіе, какое ощутилъ св. Августинъ къ зрѣлищамъ въ циркѣ, послѣ того, какъ онъ въ первый разъ услышалъ крикъ смертельно раненаго гладиатора.

квартала, чтобы ихъ «позабавить» и предоставить имъ нѣкоторое участіе въ этомъ «славномъ празднествѣ». Разставляютъ скамейки «для мужчинъ» и другія — «для дамъ»; послѣднія, еще болѣе любопытныя, желаютъ вдоволь насладиться зрѣлищемъ уже убитыхъ «аристократовъ», вслѣдствіе чего приносятъ за-жженные плашки и ставятъ по одной на каждый трупъ. Между тѣмъ бойня продолжается, совершенствуясь все болѣе и болѣе. «Одинъ изъ избивателей въ Аббей жалуется на то, что аристократы слишкомъ скоро умираютъ и что наносящіе имъ первые удары одни только имѣютъ удовольствіе убить ихъ», вслѣдствіе этого рѣшаютъ бить лишь рукояткой сабли и гнать несчастнаго между двумя рядами избивателей, какъ бывало гнали солдата, приговореннаго къ подобному наказанію шпицрутенами. Если дѣло идетъ объ извѣстной личности, то прибѣгаютъ въ различнымъ мѣрамъ, чтобы по возможности продлить его казнь. Федералисты, являющіеся въ Форсъ (la Forge), чтобы извлечь оттуда де-Рюльера, «божятся и клянутся, что свесутъ голову тому изъ своихъ товарищей, кто нанесетъ ему ударъ остриемъ»; они предварительно раздѣваютъ его до-гола, затѣмъ втеченіи получаса бьютъ его обухами сабель, вырывая изъ него клочки мяса и «даже части внутренностей». Всѣ чудовища, ползавшія на цѣпи въ преисподнихъ сердца, выпускаютъ разомъ изъ нѣдръ человѣка не только свои оскалившіеся инстинкты ненависти и злобы¹⁾, но также и всѣ отвратительныя и гнусныя, и эти объ соединенныя своры въ особенности остервеняются противъ женщинъ, которыхъ выдвинула впередъ ихъ прекрасная, или ихъ гнусная репутація: противъ мадамъ де-Ламбаль, подруги королевы; противъ Дерю, вдовы извѣстнаго отравителя; противъ одной палэ-рояльской цвѣточницы, два года передъ тѣмъ изувѣчившей, въ порывѣ ревности, своего любовника гвардейскаго солдата. Здѣсь къ звѣрству присоединяется похотливость, вносящая въ мученія гнуснѣйшія поруганія и посягающая на жизнь посягательствами на стыдливость. Мадамъ де-Ламбаль убиваютъ слишкомъ быстро и потому похотливыя мясники ругаются лишь надъ ея трупомъ; но относительно Дерю²⁾ и въ особенности же цвѣточницы, они, съ

¹⁾ Матонъ де-ля-Вареннъ, 154. Одинъ изъ обитателей предместья обратился къ нему съ словами (Матонъ былъ адвокатомъ): «Подожди ты, тонкокошій, и скоро угощусь стаканомъ твоей крови».

²⁾ Ретинъ де-ля-Бретонъ, «Парижскія ночи», IX ночь, р. 388. «Она испускала ужасныя крики, пока разбойники вдоволь и самымъ возмутительнымъ образомъ ругались надъ нею. Тѣло ея не пощадили и послѣ смерти. Люди эти еще и прежде слышались объ ея красотѣ».

изобрѣтательностью Нерона, додумываются до огненной кровати прокесовъ¹⁾). Не велико разстояніе отъ прокеса до людоѣда и находятся люди, переступающіе его. Въ Аббей одинъ бывшій солдатъ, по имени Дамьенъ, распарываетъ шпагою грудь генераль-лейтенанта де-Лале, погружаетъ въ отверстіе руку, вырываетъ сердце «и подноситъ его ко рту», словно съ намѣреніемъ пожрать его. «Кровь, рассказываетъ одинъ очевидецъ,—струилась съ его рта на подобіе усовъ». Въ Форсѣ (la Forge) растерзываютъ на куски мадамъ де-Ламбаль; что сдѣлалъ парикмахеръ Шарло, несшій ея голову,—передать невозможно; скажу лишь, что другой, идя по улицѣ Сэнтъ-Антуанъ, несъ ея сердце и кусалъ его».

Они рѣжутъ и напиваются; рѣжутъ опять и опять, и напиваются все сильнѣе и ужаснѣе. Является, наконецъ, утомленіе и скотское, отвратительное притупленіе. Одинъ изъ нихъ, подмастерье каретника, порѣшилъ цѣлыхъ семнадцать; другой «столько надсѣдался надъ своимъ кровавымъ товаромъ, что оставилъ въ немъ лезвіе своей сабли»; «я втеченіи двухъ часовъ рубилъ направо и налѣво человѣческіе члены, говоритъ одинъ федералистъ,—и усталъ больше каменщика, не перестававшаго толочь гипсъ втеченіи цѣлыхъ двухъ дней». Первая ярость ихъ успѣла улечься; теперь они бьютъ, какъ автоматы. Нѣкоторые спятъ, растянувшись на свамьяхъ; другіе валяются въ сторонѣ, цѣлыми вучами, просыпая свой хмѣль. Испаренія, исходящія изъ этой бойни, такъ сильны, что предсѣдатель гражданскаго комитета впадаетъ въ обморокъ, сидя на своемъ стулѣ; въ то же время поднимаются отвратительные винные пары и сливаются съ страшнымъ запахомъ живодерни. Тяжелое и пасмурное оцѣпенѣніе постепенно охватываетъ эти омраченныя мозги, и послѣдніе проблески разума потухаютъ въ нихъ одинъ за другимъ, подобно смраднымъ и нагорѣвшимъ площадкамъ, вспыхивающимъ вездѣ вокругъ на оковенѣвшей груди убитыхъ. На быстро тупѣющей фізіономіи, подъ палачомъ и людоѣдомъ, теперь ясно выступаетъ и читается—идіотъ. Это идіотъ революціи, въ которомъ окончательно заглохли всѣ понятія, всѣ идеи, за исключеніемъ двухъ, первоначальныхъ, машинальныхъ и неотступныхъ: первая—это идея объ убійствѣ, вторая—идея объ общественномъ спасеніи. Блуждая одинокими въ пустой головѣ

¹⁾ Прюдомъ, «Парижскія революціи», № отъ 8 сентября 1792 года.—«Народъ отплатилъ ужасною местию палъ-рояльской цвѣточницѣ».

его, онѣ сливаются въ силу непреодолимаго влеченія, и нетрудно понять, какой результатъ происходитъ отъ подобнаго сцѣпленія. «Кабы еще работы!» говорилъ одинъ изъ избивателей, стоя на опустѣвшемъ дворѣ.—«А если ея нѣтъ, то непременно слѣдуетъ создать ее», отвѣчаютъ двѣ женщины, стоящія у входа. И новой работы создается вдоволь.

Разъ какъ принялись за очистку тюремъ, то слѣдуетъ всѣхъ ихъ очистить и немедленно. Раздѣлялись съ швейцарцами, съ священниками, съ аристократами, со всѣми «бѣлоручками»; остаются приговоренные и заключенные обыденнымъ закономъ: воры, убійцы и каторжники Консьержери, Шателе и Сэнъ-Бернардской башни, клейменныя женщины, бродяги, старые нищія и малолѣтніе преступники, заключенные въ Бисетрѣ и въ Сальпетриерѣ. Все это ненужный хламъ, требующій прокормленія и, вѣроятно, замышляющій недоброе. Въ Сальпетриерѣ, на примѣръ, заключена жена отравителя Дерю, и она несомнѣнно «интригантка, женщина злобная и способная на все дурное»; она, по всѣмъ вѣроятіямъ, очень ожесточена тѣмъ, что ее заперли въ тюрьму; она бы навѣрное подожгла Парижъ, представься ей къ тому возможность; она, вѣроятно, это сказала... да, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что она это сказала; слѣдуетъ смести съ лица земли всю эту нечисть. И метла, употребляемая для этого грязнаго дѣла, приводится въ движеніе еще болѣе грязными руками; между тѣми, которые хватаются за ея рукоятку, немало избѣдавшихъ всю прелесть тюремнаго заключенія или вполне заслужившихъ его. Уже въ Аббей, въ особенности же подъ конецъ, избиватели крали; здѣсь же, въ Шателе и въ Консьержери, они уносятъ все, «что попадаетъ имъ подъ руку», не исключая одежды убитыхъ, тюремныхъ простынь и одѣялъ и даже небольшихъ денегъ, накопленныхъ тюремщиками; къ тому же они завербовываютъ себѣ товарищей и помощниковъ. «На 36 освобожденныхъ узниковъ приходилось немало убійцъ и воровъ; шайка избивателей включила ихъ въ свой составъ. Было тамъ до 75 женщинъ, частію посаженныхъ за воровство; «онѣ обѣщали ревностно служить своимъ освободителямъ», и дѣйствительно, онѣ впослѣдствіи, у яковинцевъ и у кордильеровъ, будутъ «вязальщицами» (les tricoteuses) трибунъ. «Всѣ содержатели публичныхъ домовъ Парижа, бывшіе шпіоны, распутные люди Франціи и остальной Европы заранѣе приготовились похозяйничать въ Сальпетриерѣ», и тамъ изнасилованія смѣняются избіе-

ниями¹⁾. Здѣсь убійство приправлялось воровствомъ и распутствомъ, но въ Бисетрѣ оно является лишь проявленіемъ кроваваго инстинкта, утоляющаго свою безграничную алчность. Тамъ, въ числѣ прочихъ заключенныхъ, было 43 человѣка дѣтей отъ двѣнадцати до семнадцати лѣтъ, которыхъ родители или хозяева отдали туда на исправленіе; довольно было взглянуть, чтобы признать въ нихъ настоящихъ парижскихъ воришекъ (*des voyous*), подмастерьевъ и учениковъ нищеты и порока, будущихъ рекрутовъ царящей шайки, а между тѣмъ шайка эта бросается на нихъ, какъ освирипѣлая. И какъ трудно ихъ убивать; въ эти годы столько живучести, столько упорной жизненной силы; приходится употреблять всѣ усилія, чтобы доканать ихъ. «Тамъ, въ одномъ углу, рассказываетъ одинъ изъ тюремщиковъ, — изъ ихъ тѣлъ сложили цѣлую гору. На слѣдующій день, когда пришлось хоронить ихъ, видъ ихъ представлялъ потрясающее зрѣлище. Одинъ изъ нихъ словно спалъ, съ такимъ спокойнымъ, ангельскимъ выраженіемъ лица; но всѣ остальные были страшно изувѣчены». На этотъ разъ спустились въ низшіе слои животнаго царства, ниже волка, такъ какъ и тотъ не загрызаетъ своихъ волчатъ.

VI.

Цѣлыхъ шесть дней и цѣлыхъ пять ночей непрерывающаго избіенія; 171 убійство въ Аббеи, 169 въ Форсѣ, 223 въ Шателе, 328 въ Консьержери, 73 въ Сэнъ-Бернардской башнѣ, 120 въ Кармѣ, 79 въ Сэнъ-Фирменѣ, 170 въ Бисетрѣ, 35 въ Сальпетриерѣ; и въ числѣ убитыхъ — 250 священниковъ, 3 епископа и архіепископа, генералы, представители магистратуры, бывшій министръ, принцеса крови, первѣйшія имена Франціи, а затѣмъ какой-то негръ, женщины изъ народа, уличные мальчишки, каторжники, старые нищія. Найдется ли теперь хоть одинъ человѣкъ, высокопоставленный, или изъ народа, который не чувствовалъ бы себя подъ ножомъ? Тѣмъ болѣе, что шайка значительно увеличилась. Фурнье, Лазовскій и Бекаръ, первѣйшіе разбойники и грабители, возвращаются изъ Орлеана,

¹⁾ Ретвезъ де-ля-Бретонъ, 388. Въ Сальпетриерѣ было два сорта женщинъ, заклеянныхъ, и молодыя дѣвушки, отданныя туда на воспитаніе. Вотъ причина двойкаго способа обращенія съ ними.

таща за собою 1,500 новыхъ разбойниковъ; они уже дорогою порѣшили де-Бриссака, Делессара, 42 человекъ обвиненныхъ въ оскорбленіи націи, которыхъ они вырвали у ихъ судей, и вдобавокъ, «по примѣру Парижа», еще 20 заключенныхъ, которыхъ они выволокли изъ версальскихъ тюремъ; теперь же, въ Парижѣ, министръ юстиціи приноситъ имъ поздравленія, городское правленіе благодаритъ ихъ, а ихъ секціи обнимаютъ ихъ и устраиваютъ въ честь ихъ празднества. Кто усомнится въ томъ, что они съ радостью возобновятъ свою работу. Въ Парижѣ и даже внѣ его не сдѣлаешь и шагу, не почувствовавъ на себѣ всю тяжесть ихъ произвола, или хоть не насладившись его зрѣлищемъ. У всѣхъ заставъ размѣщены ихъ достойные сподвижники, всѣ секціонные комитеты переполнены ими. Малюэ, приведенный въ Рувльскій комитетъ ¹⁾, застаётъ тамъ цѣлый пандемоній бѣсноватыхъ и изступленныхъ, болѣе ста человекъ въ одномъ залѣ, обвиняемыхъ, обвинителей, соучастниковъ, зрителей; посрединѣ длинный зеленый столъ, покрытый мечами и кинжалами, вокругъ него члены комитета, двадцать патриотовъ въ одномъ бѣльѣ, съ засученными рукавами, изъ которыхъ одни держатъ пистолеты, другіе перья и подписываютъ приказы объ арестованіи, посреди угрозъ и ругательствъ, обращенныхъ другъ къ другу и сопровождая все бѣшенными криками: Измѣнникъ!—Заговорщикъ!—Въ тюрьму!—На гильотину!—а за ними «буйная и ревущая толпа зрителей», словно дикіе звѣри, скученные въ одной кѣлетѣ, скалящіе зубы и собирающіеся растерзать другъ друга. «Одинъ изъ наиболѣе воодушевленныхъ, размахивавшій саблей съ цѣлью ударить своего противника, вдругъ остановился, увидѣвъ меня и вскричалъ: вотъ Малюэ! Но противникъ его, видимо менѣе занятый мною, нежели своимъ врагомъ, воспользовался этою минутой, чтобы положить его ударомъ приклада». Малюэ едва, едва былъ спасенъ: теперь, лишь благодаря подобной случайности, можно бѣжать изъ

¹⁾ Малюэ, II, 243 (2 сентября).—«Мониторъ», XIII, 48, засѣданіе 27 сентября, 1792. Изъ рѣчи Пани видно, что въ комитетѣ общественного надзора происходили подобныя же сцены. «Представьте себѣ наше положеніе: мы были окружены гражданами, сильно возмущавшимися предательствомъ двора; намъ говорили: вотъ аристократъ, собирающійся бѣжать; вы обязаны арестовать его, въ противномъ случаѣ вы сами измѣнникъ. Намъ приставляли пистолетъ ко лбу и принуждали насъ такимъ образомъ подписывать указы объ арестованіи, что мы дѣлали впрочемъ не столько въ видахъ нашей собственной безопасности, сколько въ видахъ спасенія самихъ же обвиняемыхъ».

Парижа. Остающихся тамъ преслѣдуютъ мрачныя, погребальныя картины: по всѣмъ улицамъ раздается ускоренный шагъ патрулей, ведущихъ заподозрѣнныхъ въ комитетъ или въ тюрьму; у каждой тюрьмы собирается толпа «пришедшая поглядѣть на расправу»; на дворѣ Аббеи продаютъ съ аукціона одежду убитыхъ; а по всѣмъ мостовымъ не умолкаетъ шумъ колесъ тяжелыхъ возовъ, до-верху нагруженныхъ трупами: вывозятъ ихъ 1,300; на возахъ сидятъ женщины, расплывающія пѣсни и весело бьющія тактъ по обнаженнымъ тѣламъ. Найдется ли хоть одинъ человѣкъ, который послѣ какой-нибудь изъ подобныхъ встрѣчъ, не нарисуетъ себѣ въ воображеніи такой же картины, не увидитъ и себя, стоящаго передъ зеленымъ столомъ въ секціонномъ комитетѣ, затѣмъ въ тюрьмѣ подъ градомъ сабельныхъ ударовъ и, наконецъ, на телѣгѣ въ этой массѣ окровавленныхъ и обезображенныхъ тѣлъ?

Чье мужество устоитъ передъ подобными видѣніями? Всѣ журналы или одобряютъ, или скрашиваютъ случившееся, или просто безмолвствуютъ о немъ; никто и ничему не смѣетъ противиться. И жизнь и собственность всѣхъ принадлежитъ каждому встрѣчному, желающему отнять ихъ. У заставъ, на рынкахъ, на бульварѣ Тампля, мошенники, украшенные трехцвѣтною лентою, останавливаютъ прохожихъ, обираютъ торговцевъ, и подъ предлогомъ, что всѣ драгоценности слѣдуетъ сложить на алтарь отечества, отнимаютъ кошельки, часы, кольца и всѣ подобныя предметы, и дѣлаютъ это такъ грубо, что разрываютъ уши женщинъ, не успѣвшихъ довольно скоро отцѣпить своихъ серегъ. Другіе, расположившись въ погребкахъ Тюльери, продаютъ тамъ въ свою пользу вино и масло, принадлежащее націи. Нѣкоторые, за недѣлю передъ тѣмъ освобожденные народомъ, предпринимаютъ нѣчто болѣе грандіозное, забираются въ государственный ломбардъ и крадутъ тамъ брилліантовъ на 30 миліоновъ. Парижъ, подобно человѣку ошеломленному тяжелымъ ударомъ по головѣ, остается безучастнымъ, а между тѣмъ сами возбудители избіенія вполне достигли своей цѣли: партія якобинцевъ утвердила за собой власть и некому отнять ее. Безсильныя стремленія и желанія жирондистовъ останутся безплодными и тщетными въ неравной борьбѣ съ упорнымъ захватомъ и въ законодательномъ собраніи, и въ конвентѣ. Эта партія якобинцевъ блистательнымъ примѣромъ доказала, что она ни передъ чѣмъ не остановится, и этимъ хвалится и торжествуетъ; она и не думала складывать оружія; она по-прежнему стоитъ наготовѣ, хотя и прикрытая, безыменная, но съ своимъ смертоноснымъ принципомъ,

съ своими рѣшительными мѣрами, со всѣмъ своимъ персоналомъ фанатиковъ и наемныхъ убійцъ, съ Мальяромъ и Фурнье, съ своими пиками и пушками. Все что не съ нею за одно, преступно и кое-какъ существуетъ лишь изъ милости. Всѣмъ хорошо извѣстно, что собраніе отложило всякое попеченіе относительно изгнанія людей, отвѣчающихъ на ихъ декреты цѣлымъ рядомъ избіеній; уже нѣтъ и рѣчи о томъ, чтобы провѣрить ихъ отчеты или сдержать ихъ въ границахъ закона. Диктатура ихъ неоспорима, и они смѣло продолжаютъ свои опустошительные набѣги. Втеченіи одиннадцати дней отъ четырехъ до пятисотъ новыхъ узниковъ, захваченныхъ по приказанію муниципалитета, секцій или просто какого нибудь отдѣльнаго якобинца переполняютъ тюремныя камеры, въ которыхъ не успѣла еще обсохнуть только что пролитая кровь, и распространяется слухъ, что 20 сентября снова очистить тюрьмы вторымъ избіеніемъ. Пусть конвентъ, если ему желательно, воображая себя истымъ властелиномъ, ворочаетъ свою машину, выдѣлывающую декреты, какое имъ до этого дѣло; государственное правленіе, правильно ли оно или нѣтъ, будетъ дѣлать свое дѣло, работая подъ вѣчною, смертельною угрозою. Якобинцы, при помощи своего импровизированнаго террора, сумѣли удержать свою незаконную власть; теперь-же, при помощи продолженнаго террора, они упрочатъ за собою власть законную. Въ городской думѣ, въ судахъ, въ національной гвардіи, въ секціяхъ, во всѣхъ администраціяхъ, вездѣ принудительныя голосованія предоставляютъ имъ мѣста, и они уже успѣли заставить выбрать въ члены конвента Марата, Дантона, Фабра-д'Энглантина, Камилла Демулена, Манюэля, Биллю-Варена, Пани, Сержапа, Колло-д'Ербуа, Робеспьера, Лежандра, Осселена, Фрерона, Давида, Роберта, Лявиконтери, — короче, всѣхъ возбудителей, всѣхъ руководителей и всѣхъ сообщниковъ избіенія ¹⁾). Прибѣгли ко всевозможнымъ средствамъ, чтобы принудить къ голосованію въ ихъ пользу. Сперва заставили избирательное собраніе допустить на свои засѣданія присутствіе народа и, съ этою цѣлью, перевели его

¹⁾ Луве, «Мемуары». Луве въ избирательномъ собраніи требуетъ слова, чтобы оспаривать кандидатуру Марата, и не можетъ его добиться. «Когда я вышелъ изъ собранія, меня окружила толпа людей, вооруженныхъ толстыми дубинами и саблями, все обычные спутники будущаго диктатора, тѣлохранители Робеспьера. Они осыпали меня угрозами, даже прямо говорили мнѣ: «скоро придетъ и твоя очередь». И еще называютъ свободнымъ это собраніе, гдѣ отбираютъ голоса подъ угрозою направленныхъ пистолетовъ и занесенныхъ кинжаловъ.

въ большой залъ якобинцевъ, подъ самый гнетъ якобинскихъ же галерей. Прибѣгли также къ предосторожности лишить права голоса всѣхъ представителей противныхъ партій, всѣхъ конституціоналистовъ, бывшихъ членовъ монархическаго клуба, клуба Сэнтъ-Шапель, клуба фельянтинцевъ, всѣхъ подписавшихся на петиціи 20,000 и на петиціи 8,000; а когда секціи заявили протестъ, то послѣдній былъ немедленно отвергнутъ, какъ слѣдствіе интриги. Произвели, наконецъ, поименную пере-кличку и каждый избиратель долженъ былъ вотировать громко; согласіемъ же его заручались, при этомъ способѣ, уже заранѣе, такъ какъ предостереженія, дѣлаемая ему, были слишкомъ очевидны. 2 сентября, въ то самое время, какъ избирательное собраніе засѣдало въ первый разъ въ епископскомъ дворцѣ, марсельцы въ пятистахъ шагахъ оттуда забирали двадцать четыре священника изъ меріи и, уже дорогой, переходя мостъ Пон-нефъ (Pont-Neuf) осыпали ихъ сабельными ударами. Работники муниципалитета трудятся весь вечеръ и всю ночь въ Аббеи, въ Кармѣ (Carmes), въ Форсѣ (la Forge), и 3 сентября, когда избирательное собраніе переносится къ якобинцамъ, оно проходитъ по мосту Понт-о-шанжъ (Pont-au-Change) между двойною цѣпью растерзанныхъ труповъ, которыхъ избавители выносятъ изъ Шателё и изъ Консьержери.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Во всѣхъ почти департаментахъ дней, схожихъ съ 20 іюнемъ, 10 августомъ и 2 сентябремъ, насчитываютъ много; подобно тѣлеснымъ эпидемическимъ болѣзнямъ, существуютъ и нравственные, и одна изъ таковыхъ, несомнѣнно, болѣзнь революціонная. Она встрѣчается въ одно время на всѣхъ пунктахъ територии и каждый зараженный пунктъ способствуетъ зараженію остальныхъ. Вездѣ, въ городахъ и въ пригородахъ, клубъ является воспаляющимъ, разжигающимъ центромъ, растрavляющимъ всѣ здоровыя части организма, и каждый разложившійся центръ распространяетъ свои примѣры, подобно зловреднымъ міазмамъ. Вездѣ та же горячка, тотъ же болѣзненный бредъ, тѣ же конвульсіи, ясно указывающія на присутствіе того же злокачественнаго гноя, а гной этотъ не что иное, какъ якобинскій догматъ; благодаря ему, узурпація, насиліе, грабежъ, убійство, — все

это прикрывается политической философией, и ужаснейшія посягательства и преступления противъ личности и собственности, общественной или частной, становятся дозволенными и даже законными, такъ какъ онѣ являются дѣйствіями законнаго владыки, облеченнаго верховною властью во имя общественнаго спасенія.

I.

Пусть каждый якобинскій отрядъ въ своемъ округѣ будетъ облеченъ мѣстной диктатурою, что, по ихъ мнѣнію, ихъ неотъемлемое и естественное право, а съ тѣхъ поръ, какъ національное собраніе объявило отечество въ опасности, и право, окончательно за ними утвержденное. «Съ этого времени, говоритъ одинъ изъ ихъ главныхъ органовъ («Les Révolutions de Paris», par Prudhomme)—и въ силу подобной деклараціи, народъ Франціи собрался, поднялся. Онъ взялъ въ свои руки верховное владычество». Всѣ его чиновники, депутаты, всѣ учрежденныя власти, возвращаются къ тому ничтожеству, къ тому небытію, которое составляетъ всю суть ихъ существа. Временные и смѣняемые представители, «вы лишь предсѣдатели народа; ваше дѣло выслушивать его волю и объявлять ее, когда онъ торжественно вамъ ее заявитъ». И это не только якобинская теорія, но и официальная. Национальное собраніе одобряетъ возмущеніе, признаетъ новое городское правленіе, ступенчато вывадается, по возможности слагаетъ съ себя власть и въ сущности само остается лишь временно, пока другіе не займутъ его мѣста. Оно воздерживается отъ какихъ бы то ни было приказаній, даже относительно выборовъ своихъ преемниковъ; оно лишь «приглашаетъ французскій народъ собрать національный конвентъ»; оно само признаетъ, «что не имѣетъ права подчинять настоятельнымъ предписаніямъ отправленія верховной власти»; оно ограничивается тѣмъ, что «указываетъ гражданамъ на правила, которыми слѣдуетъ руководиться при избраніяхъ, и совѣтуетъ придерживаться ихъ». А пока оно безпрекословно повинуется всякому проявленію воли того, кого называютъ въ то время народомъ—владыкою; оно не смѣетъ противиться его преступленіямъ и обращается къ избивателямъ исключительно лишь съ просьбами. Болѣе того: оно, вслѣдствіе поддержки ихъ своими министрами, какъ-бы побуждаетъ ихъ продолжать начатое и въ другихъ мѣстностяхъ. Роланъ подписалъ указъ объ отправкѣ Фурнье въ Орлеанъ; Дантонъ разослалъ по всей Фран-

ціи циркуляръ Марата; совѣтъ министровъ назначаетъ въ различные департаменты всѣхъ самыхъ яростныхъ представителей городского правленія и партіи—Шомета, Фрерона, Вестермана, Андюэна, Гюгененса, Моморо, Кутона, Билль-Варенна и многихъ другихъ еще болѣе запятанныхъ и грубыхъ, проповѣдующихъ якобинскій догматъ во всей его наготѣ. «Они открыто объявляютъ, что не существуетъ болѣе законовъ; что каждый самовластенъ, такъ какъ владыкою самъ народъ; что каждая отдѣльная, незначительная часть націи имѣетъ право прибѣгнуть къ необходимому для нея мѣрамъ во имя спасенія отечества; что всѣ имѣютъ право опредѣлять цѣну на зерно, забирать его въ общественную пользу въ самыхъ житницахъ землепашцевъ, казнить мызниковъ, отказывающихся отъ продажи своего хлѣба». Въ Лизье, Дюфуръ и Моморо проповѣдываютъ аграрный законъ. Въ Дуэ, иные парижскіе проповѣдники говорятъ народному обществу: «Воздвигайте эшафоты; пусть крѣпостные валы города покроются цѣлымъ рядомъ висѣлицъ, на которыя повѣсятъ всѣхъ тѣхъ; кто не раздѣляетъ нашего мнѣнія». Ничто не можетъ быть правильнѣе, сообразнѣе съ данными принципами, и всѣ газеты, выводя свои заключенія, объясняютъ народу, какое употребленіе онъ обязанъ сдѣлать изъ своего, возвращеннаго ему всемогущества ¹⁾: «При существующихъ обстоятельствахъ, общность состояній и собственности вещь вполнѣ справедливая: все принадлежитъ всѣмъ». Къ тому же «необходимо уравнивать всѣ состоянія, произвести нивелировку, способную уничтожить зловредный и пагубный принципъ преобладанія богатыхъ надъ бѣдными». Это тѣмъ болѣе нужно, что «народъ, настоящій народъ—владыка, имѣетъ почти столько же враговъ, сколько во Франціи помѣщиковъ, крупныхъ торговцевъ, финансистовъ и вообще богатыхъ».

Всѣ люди, имѣющіе избытокъ, должны считаться во время революціи врагами, тайными или явными, народнаго правленія.

¹⁾ «Гильонъ-де-Монлеонъ», I, 144. Принципы, заявленные ліонскими якобинскими вождями: Шалье, Лосель, Кюссе, Рульо и другими: «Настало время совершиться этому пророчеству; богатые станутъ бѣдными, а бѣдные богатыми». «Богатые сочтутъ себя очень счастливыми, если имъ оставить половину ихъ состоянія». «Если ліонскіе рабочіе будутъ нуждаться въ работѣ и въ хлѣбѣ, то пусть они воспользуются этими бѣдствіями, завладѣвъ тѣми богатствами, которыя находятся у нихъ подъ рукою». «Кто же захочетъ умирать съ голоду, если рядомъ съ нимъ лежитъ мѣшокъ съ хлѣбомъ. Вотъ слова, которыя заплатятъ за все, въ чемъ вы нуждаетесь. Убивайте, если не хотите умирать сами».

«И потому, пусть жители каждой общины, передъ тѣмъ, чтобы покинуть свои семьи и отправиться въ армию, отдадутъ подъ присмотръ и покровительство закона всѣхъ тѣхъ, кто подозрѣвается въ нерасположеніи къ свободѣ; пусть ихъ запрутъ на все время войны; пусть ихъ сторожатъ люди вооруженные пиками», и пусть каждому изъ ихъ сторожей выдаютъ по тридцати су въ день. Что же касается сторонниковъ павшаго правленія, членовъ парижской директоріи, «съ Редереромъ и Блонделемъ во главѣ», генераловъ, «съ Лафайетомъ и д'Аффри во главѣ», депутатовъ-ревизоровъ учредительнаго собранія, съ Барнавомъ и Ламэтомъ во главѣ, депутатовъ-фелъянтинцевъ законодательнаго собранія, съ Ромономъ и Жокурромъ во главѣ, «всѣхъ тѣхъ, кто рѣшился осквернить свои руки, прикасаясь къ *liste civile*», 40,000 наемныхъ убійцъ, собравшихся во дворцѣ въ ночь съ 9 на 10 августа, — то это бѣшенныя чудовища, которыхъ слѣдуетъ задушить всѣхъ до послѣдняго. «Ты воспрянулъ народъ, такъ держись же, пока существуетъ хотя одинъ изъ заговорщиковъ! Ты обязанъ изъ челоуѣколюбія показать себя хоть разъ непреклоннымъ. Порази нечистивыхъ всею тяжестью своего негодования; справедливая кара, первѣйшій долгъ твой и священнѣйшій гнѣвъ отчизны!» Нѣтъ больше возможности заблуждаться: это грозный звонъ набата, бьющій тревогу противъ всѣхъ первенствующихъ общественныхъ учреждений, противъ администрацій, судовъ и военныхъ штабовъ, противъ священниковъ и дворянъ, противъ землевладѣльцевъ, капиталистовъ, крупныхъ собственниковъ, представителей торговли и промышленности, короче, противъ всѣхъ избранныхъ людей Франціи, старинныхъ и новыхъ. Парижскіе яacobинцы первые подають сигналъ своимъ примѣромъ, своими газетами, своими мисіонерами, а вездѣ въ департаментахъ сообщники и сторонники ихъ, проникнутые тѣми же убѣжденіями, ждуть лишь призыва, чтобы взяться за дѣло.

II.

Они во многихъ департаментахъ ¹⁾ даже предупредили призывъ и, напримѣръ, въ Варѣ уже съ мая мѣсяца начались грабежи

¹⁾ «Cf. la Révolution», I, 447. Въ десяти департаментахъ шестая жакерія переходитъ въ седьмую безъ всякаго промежутка. Какъ одно изъ доказательствъ тому можетъ служить слѣдующее письмо тарнскихъ администраторовъ, отъ 18 іюня, 1792 г.: «Многочисленные шайки наводняли городъ (Бастръ) и окрестно-

и аресты. По обыкновенію, прежде всего набрасываются на замки и на монастыри, хотя и тѣ и другіе уже сдѣлались національною собственностью, и причиною этихъ набѣговъ представляютъ или что администрація недостаточно спѣшить приведеніемъ въ исполненіе декретовъ противъ эмигрантовъ, «или же просто, что замокъ, стоящій на возвышенности, представляетъ непріятное зрѣлище для окрестныхъ жителей». Не найдется ни одной деревни во Франціи, гдѣ бы ни отыскивалось челоѣкъ сорокъ мошенниковъ и негодяевъ, охотно помышляющихъ о томъ, какъ бы набить себѣ карманы; таково именно число мерзавцевъ, грабящихъ все въ замкѣ Монтору, «мебель, разные припасы, всевозможныя вещи, не исключая даже посуды въ погребахъ». Та же операція производится тою же шайкою въ Турнонскомъ замкѣ; Ролернскій сжигаютъ, Флагазскій разрушаютъ; то же дѣлаютъ и съ Кабрійскимъ каналомъ; затѣмъ опустошаютъ картезіанскій монастырь въ Монрье, замки Грассъ, Кане, Регюсъ, Брера и другіе, и подобныя опустошенія совершаются каждодневно. Нѣтъ никакой возможности остановить эти сельскіе разбои; господствующій догматъ убиваетъ власть въ рукахъ представителей магистратуры, а клубы; «распространившіеся по всему департаменту», вездѣ успѣли посѣять сѣмена анархіи. «Администраторы, судьи, муниципальные чиновники, всѣ облеченные какою-либо властью и имѣющіе достаточно мужества, чтобы употреблять ее для поддержки закона, поочередно обвиняются передъ общественнымъ мнѣніемъ какъ враги конституціи и свободы, потому что они говорятъ лишь о законѣ, словно они не знаютъ, что воля народа создаетъ этотъ законъ и что народъ—мы»¹⁾.

сти. Онѣ силою врываются въ дома гражданъ, ломали мебель и грабили все, что попадалось имъ подъ руку. Женщинъ и дѣвушекъ подвергали самому позорному, безчеловѣчному обращенію. Комисаровъ, посланныхъ округомъ и муниципалитетомъ, съ цѣлью водворить миръ, встрѣтили ругательствами и угрозами. Грабежъ все возрасталъ, всѣ мирные граждане трепетали». «Во всякомъ случаѣ, прибавляютъ администраторы, — успѣхъ конституціи дѣлается весьма ощутительнымъ, вслѣдствіе быстрой и значительной эмиграціи ея враговъ».

¹⁾ «Національный архивъ», F⁷, 3272. Письмо варенскихъ администраторовъ отъ 27 мая. Выраженіе это какъ бы резюмируетъ въ себѣ весь революціонный духъ и встрѣчается безпрестанно.—Сf. Герцогъ Монпансье, «Мемуары», р. 11. Въ Эксѣ одинъ изъ сторожей говорилъ санкюлотамъ, врывающимся въ замокъ, который онъ оберегалъ: «Граждане, кто далъ вамъ позволеніе войти сюда и по какому праву отогнали вы стражу, поставленную у этого входа? Одинъ изъ нихъ отвѣтилъ: «Мы сдѣлали это по приказанію народа. Развѣ тебя неизвѣстно, что народъ единственный владыка?»

Таковъ ихъ основной принципъ, и здѣсь, подобно тому, какъ и въ Парижѣ, онъ немедленно рождаетъ извѣстные слѣдствія. «Во многихъ мѣстныхъ клубахъ только и идетъ рѣчь о томъ, какъ бы разорить помѣстья и снести головы аристократамъ. А кого понимаютъ подъ этимъ гнуснымъ прозвищемъ? Въ городахъ—крупныхъ негоціантовъ, богатыхъ собственниковъ; въ селахъ—тѣхъ, кого мы называемъ буржуа; вездѣ—гражданъ мирныхъ, друзей порядка, желающихъ, наконецъ, насладиться, подъ сѣнью и охраною закона, всѣми благами конституціи. Ярость и жажда обличеній такова, что въ одномъ изъ этихъ обществъ недавно обвинили въ аристократизмѣ какого-то честнаго и добраго крестьянина, весь аристократизмъ котораго заключался въ томъ, что онъ сказалъ грабившимъ замокъ бывшего владѣтели той мѣстности: «вамъ не удастся спокойно насладиться плодомъ вашего преступленія». Они спѣшатъ скорѣе выполнить всю программу парижскихъ якобинцевъ, а именно: раздѣленіе всѣхъ французовъ на два класса, ограбленіе одного и лишеніе его всего, деспотизмъ другаго; порабощеніе людей состоятельныхъ, миролюбивыхъ и честныхъ диктатурою людей, совершенно чуждыхъ этимъ качествамъ.

И здѣсь, какъ въ Парижѣ, ни на шагъ не отступаютъ отъ принятой программы.

Въ Боссе, вблизи Тулона, нѣкто по имени Видаль, капитанъ національной гвардіи, «дважды выпущенный изъ тюрьмы, вслѣдствіе двухъ послѣдовательныхъ амнистій», наказываетъ смертью не только сопротивленіе, но даже ропотъ или заявленіе какого либо неудовольствія. Вслѣдствіе жалобъ, поданныхъ на него общественному обвинителю двумя стариками, нотариусомъ и товаремъ, онъ бьетъ тревогу, собираетъ на улицѣ вооруженную толпу, которая осыпаетъ градомъ ударовъ и пуль обоихъ истцовъ и бросаетъ трупы ихъ въ колодець. Многіе изъ друзей ихъ ранены, другіе спасаются бѣгствомъ; разграблено семь домовъ, и «безпомощный или причастный въ дѣлу» муниципалитетъ вступается лишь по его окончаніи. Старшина суда присяжныхъ (*directeur de jury*), являющійся съ конвоемъ въ тысячу человекъ для производства слѣдствія, не можетъ добиться какихъ бы то ни было показаній. Муниципалитетъ объявляетъ, что ничего не слышалъ: ни звона набата, ни ружейныхъ выстрѣловъ, раздававшихся подъ его же окнами. Остальные свидѣтели безмолвствуютъ и лишь тиховько сознаются въ причинѣ своего молчанія: дай они свои показанія, то ихъ навѣрное умертвятъ, какъ только разойдется отрядъ. «Угрожаютъ самому старшинѣ,

и онъ, по прошествіи трехъ четвертей часа, приходитъ въ убѣжденію, что благоразумнѣе покинуть городъ. Вслѣдствіе этого боссетскій и сосѣдніе съ нимъ клубы, обсдренные безсиліемъ закона, раздражаются цѣлымъ потокомъ зажигательныхъ воззваній». Они, между прочимъ, объявляютъ, что вслѣдъ за выходомъ войскъ, разграбятъ еще девятнадцать домовъ; «предлагаютъ также отрубить голову всѣмъ аристократамъ, т. е. всѣмъ мѣстнымъ землевладѣльцамъ и крупнымъ собственникамъ». Многіе изъ нихъ бѣжали; однако бѣгство ихъ не удовлетворяетъ возбужденіемъ. Видаль призываетъ боссетскимъ жителямъ, искавшимъ спасенія въ Тулонѣ, вернуться немедленно, иначе дома ихъ будутъ разрушены; и дѣйствительно, въ тотъ же день, какъ бы въ видѣ предостереженія, разрушаютъ или окончательно разграбляютъ въ Боссетѣ нѣсколько домовъ и, между прочими, домъ одного нотаріуса. Вся городская сволочь и полупьяные мушкетеры и женщины «ревностно принимаются за работу»; и такъ какъ имъ предоставлено право грабить и напиваться до-сыта, то они стремятся возобновить свою работу въ главномъ городѣ департамента. Мѣстный клубъ заявилъ, что скоро произойдетъ въ Тулонѣ вторая Варооломеевская ночь; клубы всѣхъ мелкихъ сосѣднихъ городовъ пришлютъ съ этою цѣлю своихъ дѣятелей; всѣ пойдутъ подъ предводительствомъ тулонскаго клуба. Тулонскій муниципалитетъ, подобно боссетскому, не выкажетъ сопротивленія, а что же касается общественнаго обвинителя, департаментскихъ и окружныхъ администраторовъ, то съ ними, конечно, не поцеремонятся. Пусть ихъ себѣ пишутъ въ Парижъ и обвиняютъ патриотовъ передъ національнымъ собраніемъ и королемъ; клубъ отвѣтитъ дѣйствіями на ихъ бумагоманіе. Пришла и ихъ очередь; въ Тулонѣ найдется достаточно сабель и фонарей, и шайка умертвитъ ихъ всѣхъ за то, что они свидѣтельствовали противъ ея же убійствъ.

III.

Судя по тому, на что осмѣлилась партія, пока существовало еще правленіе, можно себѣ представить, на что она рѣшится во время междуцарствія. Общую картину ихъ дѣйствій можно изобразить лишь примѣрами, какъ и всегда, и для ознакомленія съ новымъ владыкою, нужно сперва прослѣдить его на ограниченномъ театрѣ дѣйствій.

По полученіи извѣстія о событіяхъ 10 августа, якобинцы

Сэнтъ - Аффрикъ, небольшого города Авейронскаго департамента ¹⁾, въ свою очередь, предприняли дѣло спасенія отечества и для этой цѣли, слѣдуя примѣру подобныхъ себѣ жителей сосѣднихъ пригородовъ, облекли себя исполнительною властью. Впрочемъ, учрежденіе это далеко не новость, въ особенности же въ южныхъ провинціяхъ: оно процвѣтало уже втеченіи восемнадцати мѣсяцевъ, отъ Ліона до Монпелье, отъ Ажена до Нима; но, съ водвореніемъ междуцарствія, оно разцвѣтаетъ во всей своей красотѣ; это тайное общество, взявшее на себя осуществить на дѣлѣ предложенія и инструкціи клуба. Они обыкновенно работаютъ ночью, въ маскахъ, или въ широкополыхъ, надвинутыхъ на лобъ, шляпахъ и съ волосами, закрывающими всю верхнюю часть лица.

Имена ихъ внесены на доску въ залѣ ихъ общественныхъ засѣданій и каждое стоитъ подѣ извѣстнымъ номеромъ. Значокъ и оружіе ихъ — это толстая трехгранная палка, украшенная трехцвѣтною лентою; вооруженный подобною дубиною, каж-

¹⁾ «Национальный архивъ», F⁷, 3193 и 3194. Въ этихъ дѣлахъ встрѣчаются подробности, предшествующія настоящимъ событіямъ; департаментъ этотъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, гдѣ седьмая жакерія является лишь продолженіемъ шестой. — F⁷, 3193. Письмо королевскаго комиссара къ милюскому уголовному суду, отъ 5 мая 1791 года: «Положеніе наше видимо ухудшается; весь административный составъ продолжаетъ пребывать въ безсиліи и немощи. Большинство его членовъ еще не имѣли возможности снова вступить въ исправляемая имъ должности, а буйтовщики, продолжая властвовать безконтрольно, умножаютъ и усиливаютъ совершаемое ими зло во всѣхъ видахъ и родахъ его проявленія. Сожженіе еще одного загороднаго дома, въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ городомъ; вторженіе въ другой, уничтоженіе всей мебели, части посуды, выломаніе дверей и оконъ; обыскъ во многихъ домахъ, подѣ предлогомъ скрытія въ нихъ оружія или пороха; отобраніе послѣдняго у всѣхъ частныхъ лицъ или торговцевъ, непривлеженныхъ къ мятежной партіи; уличныя убійства, ночныя сборища, заговоры съ цѣлю грабежа или поджигательства; беспорядки по случаю продажи хлѣба; обыски, совершаемые подѣ этимъ предлогомъ въ амбарахъ частныхъ лицъ; насильственная продажа его по произвольно пониженнымъ цѣнамъ; отобраніе сорока лудуровъ у одной дамы (отправившейся на жительство въ деревню), найденные въ ея чемоданѣ, намѣренно продавленномъ и которые, какъ говорятъ, замѣнили асигнаціями. Полиція и муниципалитетскіе чиновники, свидѣтели всѣхъ этихъ безчинствъ и буйствъ, иногда находятся принужденными поддерживать ихъ своимъ присутствіемъ; они не смѣютъ ни укрощать ихъ, ни наказывать ихъ, всѣмъ хорошо извѣстныхъ учителей. Вотъ краткій очеркъ безпорядковъ, совершившихся въ нѣскольکو дней. — Относительно Сэнтъ-Аффрика въ отдѣльности (cf., F⁷, 3194), въ числѣ прочихъ документовъ, письмо департаментскихъ администраторовъ, отъ 29 марта 1792 года.

дый изъ ихъ членовъ «имѣть право являться всюду» и дѣлать все, «что ему заблагоразсудится». Въ Сэнтъ-Аффрикѣ ихъ около восьмидесяти и къ ихъ же числу принадлежатъ всѣ негодяи седьмой тарнской роты, расквартированной, въ то время, въ самомъ городѣ; для того, чтобы заманить ихъ въ свою шайбу, не переставали проповѣдывать имъ разграбленіе и твердить, что все содержимое въ сосѣднихъ замкахъ ихъ неотъемлемая собственность. И не потому, чтобы сосѣдніе замки внушали какое либо опасеніе: большинство изъ нихъ опустѣло; приверженцы стараго порядка вещей не стремятся сплотиться или составить партію ни въ Сэнтъ-Аффрикѣ, ни въ его сосѣдствѣ; дворянство и неприсягнувшіе священники бѣжали уже за нѣсколько мѣсяцевъ до того, теперь же ищутъ спасенія въ бѣгствѣ всѣ сколько нибудь достаточные люди. Однако населеніе, въ большинствѣ случаевъ, придерживается неприсягнувшихъ священниковъ; множество лавочниковъ, ремесленниковъ и фермеровъ оказывается недовольными, а всѣхъ отсталыхъ слѣдуетъ, во что бы то ни стало, примкнуть къ общему строю. Въ видахъ этого, отдается, во первыхъ, приказъ женщинамъ всѣхъ сословій, работницамъ и служанкамъ присутствовать на обѣднѣ присягнувшихъ священниковъ, иначе имъ придется познакомиться съ дубиною. Во вторыхъ, производится общее обезоруженіе всѣхъ подозрительныхъ личностей; неожиданно и силою врываются къ нимъ ночью и уносятъ, кромѣ ихъ ружья, всякую провизію и деньги. У одного продавца колониальныхъ товаровъ, упорствующаго въ своемъ невмѣшательствѣ, производятъ вторичный обыскъ: вечеромъ семь или восемь человекъ бревномъ выламываютъ его дверь; самъ онъ спасается на крышу, осмѣливается спуститься лишь рано утромъ на слѣдующій день и находитъ въ своемъ магазинѣ все или побитымъ, или разграбленнымъ.

Въ третьихъ, наконецъ, производится «наказаніе злонамѣренныхъ»: въ девять часовъ вечера патруль стучится въ дверь одного неблагонадежнаго башмачника; ее открываетъ подмастерье; входятъ шестеро головорѣзовъ (tape-dur), и одинъ изъ нихъ, указывая на бумагу, говоритъ несчастному, совершенно потерявшему голову: — «Я пришелъ именованной исполнительной власти, приговорившей васъ къ палочнымъ побоямъ». — «За что же?» — «Если вы и не совершили зла, то помыслы ваши были, безъ сомнѣнія, намъ враждебны». И экзекуція совершается немедленно, въ присутствіи его семейства; такимъ же образомъ распоряжаются съ неограниченнымъ количествомъ людей. Что же

касается издержекъ по этой операціи, то онѣ должны, конечно, пасть на злонамѣренныхъ: одного кожевника, торгующаго скотомъ, принуждаютъ заплатить тридцать шесть ливровъ; другаго, шляпочника, семьдесятъ два; «въ случаѣ же отказа, ихъ грозятъ казнить въ девять часовъ вечера того же дня». Всѣ, не принадлежащіе къ шайкѣ, подлежатъ подобнымъ взысканіямъ. У несчастныхъ стариковъ, ничего не имѣющихъ, отнимаютъ ихъ послѣднія пятифунтовыя асигнаціи; «у жены одного землекопа», все достояніе которой заключается въ семи су съ половиною, отнимаютъ ихъ со словами: «Это заплатитъ намъ за три пинты». Впрочемъ, за неимѣніемъ денегъ, не гнушаются и натурою; хозійничаютъ въ погребѣ, въ закромахъ, въ шкафахъ, на скотномъ дворѣ; ѣдятъ, пьютъ и бьютъ вволю, и не только въ городѣ, но и во всѣхъ сосѣднихъ деревняхъ. Отрядъ, являющійся въ Брюскъ, такъ энергично принимается за дѣло, что мэръ и старшій прокуроръ спасаются бѣгствомъ черезъ поля и, втеченіи двухъ дней, не смѣютъ вернуться. Въ Версолѣ у присягнувшаго священника, въ Лалейрѣ у присягнувшаго викарія грабятъ все до-чиста; крадутъ деньги, опоражниваютъ бочки съ виномъ. У дуирскаго священника «разбиваютъ всю мебель, посуду, оконныя рамы»; напиваются его виномъ, наѣдаются его провизіею и бросаютъ то, чего не въ состояніи уничтожить; затѣмъ ищутъ священника и его брата, бывшаго картезіанца, крича, что «слѣдуетъ отрѣзать имъ головы и тѣла ихъ разрубить на сосиски». Иные, болѣе благоразумные, сколачиваютъ себѣ состояніе; напримѣръ, нѣкто Бургьеръ, конный солдатъ линейнаго войска, завладѣваетъ виноградникомъ одной дамы, вдовы доктора, бывшаго мэромъ; «онъ открыто и не стѣсняясь собираетъ виноградъ въ свою пользу», объявляетъ владѣлицѣ, что зарѣжетъ ее въ случаѣ жалобы съ ея стороны и, наконецъ, вѣроятно, въ виду послѣдовавшей жалобы, заставляетъ ее, именемъ исполнительной власти, выплатить ему 50 эку вознагражденія. Что же касается общей массы избивателей, то, помимо веселыхъ пировъ, трудъ ихъ еще оплачивается самыми наглыми насиліями. Въ домахъ, куда они врываются въ одинадцать часовъ вечера, въ то время, какъ отецъ спасается бѣгствомъ или какъ мужъ кричитъ подъ палочными ударами, одинъ изъ мерзавцевъ сторожить у двери съ обнаженною саблею, между тѣмъ, какъ жена или дочь остается въ полнѣйшемъ распоряженіи остальныхъ; они хватаютъ ее за горло и дѣлаютъ съ нею, что заблагоразсу-

дится ¹⁾). Она тщетно зоветъ на помощь; «никто во всемъ Сэнтъ-Аффрикѣ не рѣшится, въ настоящее время, выглянуть на улицу ночью»; никто не является; на слѣдующій день, мировой судья не смѣетъ дать ходъ жалобѣ, въ виду того, «что онъ самъ боится». И дѣйствительно, 23 сентября, муниципальных чиновниковъ и актуариуса, ходившихъ дозоромъ, едва не убили, осыпавъ ихъ градомъ камней и палочныхъ ударовъ; 10 октября, другаго муниципального чиновника бросили на улицѣ за-мертво; за двѣ недѣли до того, зарѣзали поручика волонтеровъ Мазера, «за то, что онъ хотѣлъ исполнить свою обязанность, его же собственные люди, когда онъ былъ еще въ постелѣ». Естественно, что при подобномъ положеніи вещей, никто не смѣетъ и пикнуть, и, спустя два мѣсяца послѣ подобнаго режима, являются всѣ основанія предполагать, что, 21 октября, на муниципальных выборахъ, избиратели окажутся вполне покорными. Во всякомъ случаѣ, не упускаютъ изъ виду предосторожности не сообщать имъ заблаговременно объ избраніяхъ, что, по закону, должно дѣлаться за недѣлю до назначеннаго дня; наконецъ, изъ избытка предосторожности, даютъ имъ знать, что если они не будутъ вотировать за исполнительную власть, то познакомятся съ трехгранною палкою. Вслѣдствіе этого, большинство воздерживается отъ выборовъ: въ городѣ, гдѣ насчитывается болѣе шестисотъ дѣйствующихъ гражданъ, дѣло рѣшается большинствомъ 40 голосовъ; обоихъ представителей исполнительной власти, Бургуньона и Сарруса, избираютъ: перваго мэромъ, втораго главнымъ прокуроромъ, и съ той поры власть, которую они захватили насиліемъ, остается за ними, врученная имъ самимъ закономъ.

IV.

Таковъ приблизительно типъ правленія, возникающій въ каждой отдѣльной общинѣ Франціи, послѣ 10 августа: вездѣ паритъ влудъ; но, согласно обстоятельствамъ, форма и способъ примѣненія его диктатуры нѣсколько различны. То онъ дѣйствуетъ непосредственно помощью исполнительной шайки, ко-

¹⁾ Показанія Жанны Тюсонъ, Маріанны Тераль, Маргариты Тома, Мартена, главнаго прокурора бриссекскаго округа, Виро, Браессе и др. Подробности слышаномъ опредѣлены и точны, и потому нѣтъ возможности ихъ передать.

торую онъ руководить, то взбунтовавшеюся чернью, которую онъ натравляетъ на своихъ противниковъ; то онъ дѣйствуетъ посредственно, черезъ избирательныя собранія, назначенныя имъ же, или муниципалитетомъ, его сообщникомъ. Если администраціи якобинскія, то онъ управляетъ черезъ нихъ; если онѣ пассивны, то помимо ихъ; если онѣ враждебны или непокорны, онъ ихъ очищаетъ, кассируетъ ихъ и доходитъ, въ видахъ ихъ усмиренія, не только до побоевъ, но до убійства, до избіеній массами. Встрѣчаются также всѣ промежуточныя инстанціи между избіеніемъ и угрозой; революціонная печать налагается на все, и вездѣ выступаетъ въ болѣе или менѣе рельефныхъ очертаніяхъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ достаточно одной угрозы. Тамъ, гдѣ жители одарены холоднымъ темпераментомъ и гдѣ не оказываютъ сопротивленія, не представляется надобности прибѣгать къ самоуправству и къ насиліямъ. Къ чему, напримѣръ, убивать въ городѣ, подобномъ Арра, гдѣ въ день гражданской присяги президентъ департамента, крайне осторожный миліонеръ, парадируетъ по улицамъ подъ руку съ старухой Дюшенъ (mère Duchesne), продающей хлѣбныя лепешки въ какомъ-то подвалѣ; гдѣ въ день избраній, вотирующие буржуа изъ трѣсоти подаютъ голоса въ пользу влѣбныхъ кандидатовъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что лучше отослать въ Парижъ «мерзавцевъ и злодѣевъ» и такимъ образомъ очистить отъ нихъ городъ. Было бы бесполезно казнить такихъ жалкихъ, ничтожныхъ людей. Партія довольствуется тѣмъ, что клеймитъ ихъ, какъ паршивыхъ собакъ, стѣсняетъ ихъ свободу, или просто держитъ ихъ на привязи, преслѣдуетъ ихъ своими взысканіями. Она выставляетъ у дверей кордегардіи списокъ всѣхъ жителей, состоящихъ въ родствѣ съ эмигрантами; она производитъ домашніе обыски; она, по своему усмотрѣнію, составляетъ списокъ подозрительныхъ, и оказывается, что въ него попадаютъ всѣ богатые. Она ругается надъ ними и обезоруживаетъ ихъ; она не позволяетъ имъ ни выѣхать, ни даже выйти пѣшкомъ изъ города; она приказываетъ имъ являться каждагодневно въ свой комитетъ общественной безопасности; она присуждаетъ ихъ выплатить въ двадцать четыре часа всѣ годовые налоги; она распечатываетъ ихъ письма; она конфискуетъ, ломаетъ или продаетъ на кладбищахъ ихъ семейныя гробницы. Все это вполне законно, наравнѣ съ религіознымъ преслѣдованіемъ, съ вторженіемъ въ частныя церкви и часовни въ самое время службы, съ ударами прикладомъ и кулакомъ, которыми надѣляютъ служащаго священника, съ принужденіемъ строго-

католическихъ родителей вкрестить своихъ дѣтей схизматическими священниками, съ изгнаніемъ монахинь, съ преслѣдованіемъ, тюремнымъ заключеніемъ и выселеніемъ неприсягнувшаго духовенства.

Но если владычество клуба не всегда ворово, то произволъ его все-таки есть насиліе вооруженнаго человѣка; прицѣлывающагося въ упоръ въ прохожихъ, которыхъ онъ останавливаетъ на большой дорогѣ; обыкновенно прохожіе становятся на колѣни, добровольно отдають свои кошельки, и этимъ самымъ предупреждаютъ выстрѣлъ. Однако выстрѣлъ этотъ всегда наготовѣ, и для удостовѣренія въ этомъ, достаточно взглянуть на судорожно сжатую руку, держащую курокъ. Стоитъ лишь припомнить все это гнилое, чужездное населеніе, расплывшееся при старомъ порядкѣ вещей: двойную цѣль контрабандистовъ, тайныхъ продавцевъ соли и ихъ укрывателей, охватывавшихъ всѣ тысячу двѣсти миль внутреннихъ таможенъ; браконьеровъ, ивоблювавшихъ на всѣхъ четырехъ стахъ миляхъ, охраняемыхъ егермейстерами; дезертировъ, столь многочисленныхъ, что въ восемь лѣтъ ихъ насчитывалось шестьдесятъ тысячъ; нищихъ, которыми были переполнены всѣ смиренныя дома; тысячи разбойниковъ и бродягъ, опустошавшихъ большія дороги; революція вооружила и натравила на мирныхъ жителей всю эту дичь объяденныхъ командъ и дичь эта, въ свою очередь, превратилась въ охотника. Бродяги съ здоровенными мускулами поставляли уже втеченіи трехъ лѣтъ весь контингентъ для мѣстныхъ жакерій; теперь же они составляютъ персоналъ всеобщей жакеріи. Въ Нимѣ, представитель исполнительной власти бывшій «танцмейстеръ». Два главныхъ тулузскихъ демагога—баимачникъ и актеръ, играющій на театрѣ роли жакенъ. Въ Тулонѣ, клубъ, самодержавнѣйшій, чѣмъ любой азіатскій деспотъ, вербуетъ въ средѣ нищихъ, матросовъ, портовыхъ работниковъ, солдатъ, «пришлыхъ бродягъ», и президентъ его, Сидвестръ, посланный въ Парижъ, изступленный самаго низшаго свойства. Главнѣйшій вожакъ Реймса, это раструженный священникъ, женатый на монахинѣ, и имѣющій помощникомъ будочника, бывшего солдата, кое-какъ избѣгшаго повѣшенія. Въ другомъ мѣстѣ, представителемъ является дезертиръ, осужденный за кражу; тамъ какой-нибудь трактирщикъ или поварь; здѣсь—бывшій лавей. Оракуль Лиона какой-то бывшій прикащикъ, соревнователь и послѣдователь Марата, по имени Шалье, изступленная жажда крови котораго осложняется болванецкимъ мистицизмомъ; сотоварищъ Шалье—цирульникъ, парикмахеръ, летонникъ, торговецъ

горнидею и уксусом, сушонникъ, теачъ, газовщикъ, и настаетъ минута, когда власть падаетъ еще ниже, въ руки женщины самаго низшаго разряда и «самыхъ грязныхъ», которыя, при помощи нѣсколькихъ повровителей и сообщниковъ, назначаютъ «комисаровъ-женщинъ», назначаютъ цѣны на съѣстные припасы и, втеченіи трехъ дней, грабятъ всѣ магазины. Въ Авиньонѣ властвуютъ разбойники Глясьера. Надъ Арлемъ тяготѣетъ прося матросовъ и гаванскихъ рабочихъ. Марсель принадлежитъ «шайкѣ злодѣевъ, поддонкамъ неоптребныхъ домовъ, не признающихъ ни законовъ, ни властей, и царящихъ въ городѣ помощью террора». Чего же удивительнаго, если подобные люди, облеченные подобною властью, употребляютъ ее согласно своей натурѣ, и если междуарствие, т. е. время ихъ царенія, охватываетъ всю Францію сплошнымъ болномъ опустошеній, грабежей и убійствъ.

Обыкновенно у центральной, непрерывающейся банды клубистовъ есть вспомогательная, странствующая, одного съ нею рода, я говорю о волонтерахъ, еще болѣе грозныхъ и зловредныхъ, такъ какъ они выступаютъ отрядами и вооружены. Многие изъ нихъ, подобно ихъ гражданскимъ собратіямъ, жалкіе оборванцы и нищіе городовъ и селеній; большинство же, не имѣя никакихъ средствъ къ существованію, польстилось на поденную плату въ пятнадцать су; они сдѣлались солдатами вслѣдствіе недостатка въ работѣ и въ пропитаніи¹⁾. Впрочемъ, каждая община, будучи обязана поставить свой контингентъ, набирала по городамъ что попадалось, уличныхъ мошенниковъ, праздношатающихся, а по деревнямъ всѣхъ безпріютныхъ, оборванныхъ и бродягъ; выбирали этихъ людей по жребію или нанимали за деньги, «и надо полагать, что администраціи рассчитывали этимъ способомъ очистить Францію». Въ негодяямъ, «гушленнымъ общинами», прибавьте людей того же сорта, нанятыхъ богатыми, въ качествѣ подставныхъ рекрутъ за своихъ сыновей. Загребали вволю лопатами въ общественномъ навозѣ, въ средѣ естественныхъ и предназначенныхъ обитателей

¹⁾ «Национальный архивъ», F², 3214. Письмо одного изъ жителей Нюанан-ле-Ротру (Эръ). «На всѣхъ 8,000 жителей по крайней мѣрѣ половина нуждается въ помощи, а двѣ трети послѣдней находятся въ ужаснѣйшей нуждѣ, и часто не имѣютъ даже соломы, которая могла бы замѣнить имъ постель». (3 декабря 1792).

смирительныхъ домовъ, въ сѣладахъ нищеты и въ госпиталяхъ, даже не обращая вниманія на качества физическія: «брали дряхлыхъ, слабоумныхъ, кривыхъ, хромыхъ», искалѣченныхъ, черезъчуръ старыхъ или молодыхъ, которымъ были совершенно не подъ силу всѣ тягости и трудности войны; были совсѣмъ юные и такіе маленькіе, что ружья приходились на цѣлый футъ выше ихъ головы; «множество дѣтей шестнадцати, четырнадцати и тринадцати лѣтъ, короче, уличные мальчишки-бродяги большихъ городовъ (воуон), какими мы видимъ ихъ и теперь, невзрачные и хилые, отъ природы дерзкіе и непокорные. По приходѣ на границу, цѣлая треть оказывается неспособною къ службѣ¹⁾. Но еще на пути своемъ туда они работаютъ какъ сущіе «пираты». Остальные здоровѣе и тѣломъ и душою; находясь подъ дисциплиною непрерывной опасности, они черезъ годъ стануть хорошими солдатами. Однако, вредъ, причиняемый ими, тѣмъ не менѣе силенъ, и если они не такіе воры какъ первые, то несравненно болѣе ихъ фанатики. Никакое учрежденіе не подвергаетъ человѣка такому количеству искушеній, какъ военное. Человѣкъ, обладающій силою, всегда склоненъ злоупотреблять ею; для того, чтобы солдатъ остался безвреденъ въ средѣ гражданскаго населенія, слѣдуетъ по мѣрѣ возможности обуз-

¹⁾ «Армія и національная гвардія», сочиненіе барона Пуассона, III, 475: «Въ апрѣлѣ 1792 года, когда была объявлена война, весь контингентъ волонтеровъ опредѣлился въ 200,000 человѣкъ. Эта вторая попытка имѣла однако лишь результатомъ неправильные и безпорядочные наборы. Полная несостоятельность войска, составленнаго изъ волонтеровъ, повлекла за собою невозможность продолжать войну въ Бельгіи, а врагамъ дала, наоборотъ, полнѣйшую возможность перейти границу». Губернаторъ Моррисъ, имѣющій точнѣйшія свѣдѣнія, пишетъ уже 27 декабря 1791 года: «Національные гвардейцы», вступившіе въ войско волонтерами, составляютъ по большей части злокачественный народъ, равнивающійся въ чрезмѣрно густомъ населеніи большихъ городовъ; они лишены физической силы, потребной для перенесенія всѣхъ трудностей войны, и съ избыткомъ одарены всеми пороками и болѣзнями, могущими сдѣлать ихъ бичемъ и заразою товарищей и посягшищемъ враговъ».—Бушѣ и Ру, XXVI, 177. Планъ администраторовъ Геро, представленный въ конвентъ 27 апрѣля 1793 года: «Слѣдуетъ откровенно сознаться, изъ какихъ именно людей состоитъ весь наборъ. Большинство изъ входящихъ въ составъ его не волонтеры, не гриздине всѣхъ общественныхъ классовъ, попавшихъ въ жребій и охотно рѣшившихся защищать республику. Большая часть изъ нихъ подставные рекруты, рѣшившіеся покинуть свои семьи, въ слѣдствіе надежды на всевозможныя выгоды и на значительное жалованье».—I. С. Руссе, 47. Письмо директоріи Сомскаго департамента, отъ 26 февраля 1792 года.

дать его, а между тѣмъ для волонтеровъ 1792 года не существовало ни наружной, ни внутренней узды.

Ремесленники, крестьяне, мелкіе мѣщане, юные энтузіасты, воспламененные господствующею доктриною,—всѣ они болѣе якобинцы, нежели патриоты. Догматъ народнаго владычества отуманилъ ихъ неопытные мозги, подобно одуряющему напитку; они увѣрили себя, «что честь быть предназначенными на защиту противъ враговъ республики даетъ имъ право все требовать и на все покушаться». Ничтожнѣйшій изъ нихъ считаетъ себя, какъ бывало Конде, выше закона и становится, въ маломъ видѣ, настоящимъ королемъ, избраннымъ самимъ собою, самодержцемъ, облеченнымъ карательною властью, отмстителемъ за обиженныхъ, поддержкою патриотовъ и бичемъ аристократовъ, распоряжающимся жизнью и собственностью и, презирая всякое промедленіе или всякую формальность, берущимъ на себя дѣло окончанія революціи по всѣмъ городамъ, лежащимъ на его пути. Ему, конечно, въ этомъ не помѣшаютъ его начальники. «Всѣ они его креатуры и онъ съ ними нимало не стѣсняется»; онъ имъ не только не повинуется, но даже презираетъ ихъ, «и это происходитъ оттого, что онъ выбралъ ихъ между себѣ подобными, нисколько не соображаясь съ воинскими талантами или съ превосходствомъ въ области нравственной»¹⁾). Избранія, естественнѣйшимъ образомъ, пали на горлодеровъ и на демагоговъ. «Людей способныхъ осилили интриганы, болтуны, въ особенности же отъявленные пьяницы». Къ тому же новый офицеръ, чтобы сохранить свою популярность, отправляется въ кабакъ, пьетъ съ своими же солдатами и обязанъ выказать въ себѣ болѣе якобинизма, нежели они; слѣдствіемъ этого происходитъ не только снисходительность къ ихъ распутству и насиліямъ, но даже подстрекательство ихъ на подобные поступки. Вотъ почему

¹⁾ Руссе, «Волонтеры», 189. Письмо къ военному министру изъ Дюнкерхена отъ 29 апрѣля 1793 года.—Национальный архивъ», ВВ, 16703. Парижская національная гвардія, главный штабъ, приказъ, письмо гражданина Фера, остендскаго коменданта, къ военному министру отъ 19 марта 1793 года: «Съ тѣхъ поръ, какъ жандармы водворились въ Остенде, буйства и шумъ не прекращаются; они нападаютъ на офицеровъ и на волонтеровъ, срываютъ съ нихъ эполеты, грозятъ рубить и рвать, и утверждаютъ, что не признаютъ никакого начальства, а признаютъ лишь одно равенство, и что въ поступкахъ своихъ будутъ руководиться исключительно своимъ произволомъ и своею фантазіею. Всѣхъ тѣхъ, кому я даю приказаніе арестовать ихъ, преслѣдуютъ сабельными ударами и пистолетными выстрѣлами».

уже съ марта 1792 года и даже раньше¹⁾ волонтеры распоряжаются во Франціи, какъ въ завоеванной странѣ. То они принимаютъ домашніе обыски и переламываютъ все у частныхъ лицъ, то они подвергаютъ дѣтей вторичному крещенію присягнувшими священниками и стрѣляютъ въ отцовъ. Здѣсь, они, по своему собственному усмотрѣнію, производятъ аресты; тамъ — они присоединяются къ мятежникамъ и захватываютъ суда съ хлѣбомъ. Въ иныхъ мѣстахъ они принуждаютъ муниципалитетъ сбавлять цѣны на хлѣбъ; далѣе, они жгутъ или грабятъ замки, и если мэръ старается имъ доказать, что замокъ принадлежитъ теперь не эмигранту, а націи, то они отвѣчаютъ ему «побоями» или угрозами снести ему голову²⁾. Но съ наступленіемъ 10 августа призракъ власти, доселѣ какъ-бы еще иногда внушавшій имъ нѣкоторое уваженіе, окончательно исчезаетъ, и теперь они совсѣмъ перестали стѣсняться и «избиваютъ» всѣхъ, кто имъ не нравится³⁾. Напередъ раздраженные тѣми опасностями, во-

¹⁾ Руссе, 47, 48. «Національный архивъ», F⁷, 3213. Письмо военного министра Сервана Ролану отъ 12 іюня 1792 года: «Я, подобно вамъ самимъ и министру юстиціи, выслушиваю неоднократно жалобы противъ національных волонтеровъ. Они позволяютъ себѣ каждодневно весьма предосудительныя безчинства въ мѣстностяхъ, гдѣ расквартированы и черезъ которыя проходятъ отпавляясь къ цѣли своего назначенія». — Письмо Дюрантона (министра юстиціи) отъ 5 мая: «Факты эти повторяются, при болѣе или менѣе серьезныхъ обстоятельствахъ, во всѣхъ рѣшительно департаментахъ».

²⁾ «Національный архивъ», F⁷, 3193. Протоколъ комиссаровъ Авейронскаго департамента отъ 4 апреля 1792 года: «Въ числѣ грабителей и поджигателей замковъ Привесакскаго, Вореельскаго, Пешенскаго и множества другихъ домовъ было много рекрутъ, проходившихъ черезъ Родезъ по дорогѣ къ своимъ полкамъ». Отъ Привесакскаго замка осталась лишь куча развалинъ; дома селенія переполнены награбленными вещами и жители раздѣлили между собою весь помѣщичій скотъ. — Грабъ Сейльгакъ, «Сцены и картины революціи въ южномъ Лимузенѣ», стр. 305. Разграбленіе замковъ Сэнъ-Жеальскаго и Сейльгакскаго, 12 апреля, 1792 года, третьимъ коррезскимъ баталіономъ, предводительствуемымъ бывшимъ слугою въ Сейльгакскомъ замкѣ.

³⁾ «Національный архивъ», F⁷, 3270. Совѣщательное засѣданіе общественнаго городского совѣта въ Роа 8 октября 1792 года (по поводу прихода двухъ дивизій парижскихъ жандармовъ): «Жители и муниципальные чиновники были поочередно игралищемъ ихъ дерзости и ихъ злѣтства, и подвергались, при малѣйшемъ отказѣ, угрозѣ быть немедленно убитыми жандармами, въ особенности же канонирами, безпрестанно размахивавшими обнаженными саблями. Болѣе всѣхъ потерпѣлъ отъ вышеназванныхъ канонировъ гражданинъ-мэръ... онъ пригласилъ его плясать на площади Дармъ, куда они пришли со скрилками и гдѣ оставались до полуночи; они грубо толкали его, обыскивали аристократомъ, принудили одѣть красный колпакъ, не переставая грозить смертью ему и всѣмъ ари-

торымъ они подвергнутся на границѣ, они еще внутри страны начинаютъ войну; съ этою цѣлю и въ видахъ предосторожности они, между прочимъ, раздѣляются по своему съ предполагаемыми аристократами; съ офицерами же, дворянами, священниками, которые имъ попадаются на дорогѣ, они поступаютъ хуже своихъ влубныхъ союзниковъ. Во первыхъ, потому, что, находясь на переходѣ, они еще болѣе увѣрены въ безнаказанности, нежели мѣстами убійцы; черезъ нѣсколько дней они присоединятся къ арміи и ихъ не станутъ же разыскивать по лагерямъ; вотъ почему они могутъ убивать, пользуясь полнѣйшею безнаказанностью. А во вторыхъ, будучи сами чуждыми мѣстности приплечами и, слѣдовательно, не имѣя возможности распознавать и опредѣлять степень достоинства личностей, подобно тамошнимъ жителямъ, они убиваютъ людей вполнѣ безвредныхъ и дѣйствительно полезныхъ, руководясь при этомъ часто однимъ лишь именемъ, костюмомъ, прозваніемъ, случайнымъ слухомъ, наружностью или какимъ-либо предположеніемъ, и убиваютъ не потому, что они знаютъ человѣка, а именно потому, что совсѣмъ не знаютъ его.

VI.

Заглянемъ въ рабочій кабинетъ министра внутреннихъ дѣлъ Ролана, спустя двѣ недѣли послѣ открытія конвента, и предположимъ, что въ одинъ изъ свободныхъ вечеровъ у него явится желаніе полюбоваться картиною положенія управляемой имъ страны. Чиновники его разложили на столѣ въ достодолжномъ порядкѣ всю корреспонденцію послѣднихъ десяти недѣль; онъ находитъ на поляхъ всѣхъ этихъ бумагъ краткое извлечение своихъ собственныхъ отвѣтовъ; передъ нимъ развернута карта Франціи и, начиная съ юга, онъ ведетъ указательнымъ пальцемъ по обычному главному пути. Остановливаясь на каждомъ этапѣ, онъ перелистываетъ соответствующія ему бумаги и, оставляя безъ вниманія безчисленныя насилія, утираетъ лишь на выдающіеся революціонные подвиги. Мадамъ Роланъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, работаетъ съ нимъ же; и вотъ супруги, нагнувшись вдвоемъ надъ лампою, предаются глубокому раздумью при видѣ

стократамъ города, казались исполнить свою угрозу на слѣдующій же день, объявивъ открыто, что они изъ числа тѣхъ, которые совершили 2 сентября избіеніе въ парижскихъ тюрьмахъ, и что убійство имъ дѣло привычное.

того, какъ распоряжается дикій звѣрь, натравленный ими и на Парижъ, и на провинцію.

Сперва они бросаютъ взоръ на южную оконечность Франціи. Тамъ, на каналѣ Двухъ Морей (des Deux-Meurgs), въ Каркасонѣ, чернь захватила три судна, нагруженные пшеницею, потребовала продовольствія, уменьшенія цѣны на хлѣбъ, затѣмъ ружей и пушекъ изъ городскаго арсенала и, наконецъ, головъ самихъ администраторовъ; ударомъ топора ранили главнаго инспектора податныхъ сборовъ, а главнаго прокурора департамента Вердье умертвили. Министръ обводитъ взоромъ дорогу изъ Каркасона въ Бордо и видитъ направо и налѣво явственныя слѣды крови. Въ Кастрѣ разнесся слухъ, что одинъ хлѣбный торговецъ намѣревается поднять цѣну на хлѣбъ; собралась толпа и кушца заперли въ кордегардію, надѣясь такимъ образомъ спасти его; однако, волонтеры выломали дверь и выбросили плѣнника изъ окна перваго этажа, затѣмъ они покончили его «ударами палокъ и гирь», волокли трупъ по улицѣ и бросили въ рѣку. Наканунѣ толпа мушкетеровъ и женщинъ преслѣдовала въ Клеракѣ Лартига-Ланга, неприсягнувшаго священника, хотѣла сорвать съ него рясу и на ослѣ возить по городу. Ему кое-какъ удалось пробраться въ свой загородный домъ, но его отыскивали, поволокли на городскую площадь и убили. Вступившихся за него обвинили въ «противогражданственности» и исколотили. Нѣтъ никакой возможности обуздать злодѣевъ; правленіе департамента докладываетъ министру, что въ настоящую минуту было бы неполитично «дать ходъ этому дѣлу». Самъ Роланъ удостовѣрился въ этомъ на опытѣ, и тамошнія письма, которыя онъ перелистываетъ, ясно доказываютъ ему, что тамъ, какъ и въ Парижѣ, убійство порождаетъ убійство; въ Неракѣ зарѣзали дворянина, по имени д'Алеспэ. «Всѣ сколько нибудь выдающіеся граждане заслоняли его своею грудью», но мерзавцы взяли верхъ и нѣтъ никакой возможности отыскать «почти никому неизвѣстныхъ» убійцъ. Палецъ министра останавливается на Бордо; тамъ празднества федераціи были ознаменованы тройнымъ убійствомъ. Де-Лангуаракъ, старшій викарій архіепископства, спасаясь отъ опасности, поселился въ полумилѣ отъ города, въ селѣ Кодеранѣ, у восьмидесятилѣтняго священника, подобно ему, никогда не вмѣшивавшагося въ общественныя дѣла. Тамошніе національные гвардейцы, возбужденные ораторствованіями предыдущаго дня, явились къ нимъ 15 іюля и забрали ихъ вмѣстѣ съ третьимъ сосѣднимъ священникомъ. Не представляется малѣйшаго предлога обвинить ихъ; и муници-

пальные чиновники, и мировой судья, въ которымъ ихъ приводятъ, принуждены объявить ихъ невиновными. Наконецъ, ихъ ведутъ въ Бордо передъ директорію департамента. Однако, наступаетъ вечеръ и буйная толпа теряетъ терпѣніе, она бросается на нихъ. «Восьмидесятилѣтняго старца избиваютъ до такой степени, что нѣтъ никакой надежды на его выздоровленіе»; абата Дюпьи избиваютъ на смерть и волочатъ на веревкѣ, привязанной къ его ногѣ; де-Лангуараку отрубаютъ голову, носятъ ее на остриѣ пика, входятъ съ нею въ его домъ и показываютъ ее служанкѣ, говоря, «что хозяйнѣ ея не придетъ ужинать». Мученія этихъ несчастныхъ священниковъ продолжались отъ пяти часовъ утра до семи вечера и муниципалитетъ предупредилъ обо всемъ; но онъ, занятый крайне важнымъ дѣломъ, не имѣлъ времени имъ помочь: онъ занимался посадкою дерева свободы.

Дорога изъ Бордо въ Каенъ. Палецъ министра поднимается по направленію сѣвера и встрѣчаетъ Лиможъ. Тамъ праздникъ федераціи былъ ознаменованъ такими же событіями, какъ и въ Бордо. На одного неприягнувшаго священника, абата Шаброля, напала толпа мушкетеровъ и женщинъ; его сперва отвели въ караульню, затѣмъ въ домъ мирового судьи; желая спасти его, отдали приказъ его арестовать и приставили къ комнатѣ, гдѣ онъ былъ заключенъ, четырехъ егерей. Но это далеко не удовлетворило толпу. Тщетно умоляли ее муниципальные чиновники; тщетно жандармы заслоняли собою плѣнника; чернь растолкала и разогнала ихъ. Между тѣмъ оконныя стекла разсыпались въ дребезги отъ цѣлаго града пущенныхъ въ нихъ камней, а дверь поддавалась подъ ударами топора; человекъ тридцать изступленныхъ вѣзали въ окна и выбросили священника, какъ какой-нибудь узель; въ ста шагахъ оттуда онъ испустилъ послѣдній вздохъ, подъ усиленными ударами палокъ и другихъ инструментовъ, съ головою; раздробленною двадцатью смертельными ударами. Выше, приближаясь къ Орлеану, Роланъ читаетъ въ донесеніяхъ изъ Луарѣ слѣдующія депеши: «Анархія достигла крайнихъ предѣловъ, пишетъ одинъ изъ округовъ директоріи департамента:—не признаютъ болѣе никакихъ властей; окружныя администраціи и муниципалитеты унижены и совершенно безсильны... Только и слышны угрозы всѣхъ умертвить, разнести дома, предать ихъ грабежу; намѣреваются разрушить всѣ замки. Муниципалитетъ амерскій съ многими изъ его жителей перебирается въ Уазонъ и въ Шосси, гдѣ все перебили, переломали, разграбили. 16 сентября шесть

вооруженныхъ частныхъ лицъ отправились къ де-Водейлю и заставили его выдать имъ сумму въ 300 ливровъ какъ-бы въ вознагражденіе за тѣ штрафы, которые имъ будто-бы пришлось заплатить. Насъ предупредили о томъ, что сегодня намъ брѣвуются съ подобною же цѣлью идти къ Деделю въ Ашеръ. Де-Лори угрожаютъ тѣмъ же... Наконецъ, всѣ эти люди говорятъ, что не хотятъ болѣе ни администрацій, ни судовъ, что они сами знаютъ законъ и заставляютъ его исполнить. Находясь въ подобной крайности, мы нашли нужнымъ придерживаться единственнаго возможнаго въ данномъ случаѣ исхода, а именно, рѣшились въ безмолвіи переносить всѣ оскорбленія, которымъ насъ подвергаютъ. Мы не хотѣли прибѣгать къ вамъ, зная, что вы сами находитесь въ затруднительномъ положеніи». И дѣйствительно, послѣ того какъ въ главномъ городѣ департамента была обезоружена лучшая часть національной гвардіи, не стало больше возможности противиться мятежу. Вслѣдствіе этого, толпа, увеличенная наплывомъ «пришельцевъ» и обычныхъ кочевниковъ, вѣшаетъ одного изъ хлѣбныхъ комисаровъ, натываетъ голову его на пику, волочить трупъ его по улицамъ, грабить пять домовъ и сжигаетъ все имущество и мебель одного изъ муниципальных чиновниковъ передъ его собственными дверями. Тогда покорный муниципалитетъ выпускаетъ на свободу захваченныхъ бунтовщиковъ и сбавляетъ на одну шестую цѣну на хлѣбъ. Дальше, надъ Луарою, депеша изъ Орва и изъ Кальвадоса достойно заканчиваютъ всеобщую картину. «Нашъ округъ, пишетъ одинъ жандармскій поручикъ, — подвергается ужаснѣйшему разбою: человекъ тридцать какихъ-то мерзавцевъ только что раззорили Домпьерскій замокъ. Къ намъ обращаются ежеминутно съ требованіями, которыхъ намъ невозможно удовлетворить, такъ какъ онѣ рѣшительно не прекращаются, а наоборотъ «возрастаютъ съ необычайною быстротою, становятся, наконецъ, совершенно безграничными». Здѣсь встрѣчаются странныя подробности, и, хотя министру хорошо извѣстны всѣ приемы народной расправы, однако онъ не можетъ пропустить безъ вниманія вынужденіе совсѣмъ новаго рода. «Сельскіе жители составляютъ отряды, идутъ въ различныхъ замкахъ, забираютъ женъ и дѣтей ихъ владѣтелей и держатъ ихъ какъ поруку въ общаніяхъ, которыя они заставляютъ помѣщиковъ подписать, относительно того, что тѣ вернуть имъ не только всѣ суммы собранныя съ нихъ въ силу феодальнаго права, но даже тѣ издержки, которымъ могло подвергнуться крестьянъ приведеніе въ исполненіе этого права» и при настоящемъ владѣтелѣ,

и при его предшественниках; между тѣмъ они поселяются у этого владѣтеля, заставляютъ его платить имъ за потерянное время, опустошаютъ его строенія или продаютъ его мебель. И все это съ сопровожденіемъ обычныхъ убійствъ. Письмо Орн-ской директоріи возвѣщаетъ министру объ убіеніи одного дворянина въ Сенскомъ округѣ, бывшаго священника въ Беллэмѣ, неприсягнувшаго священника въ Рюганжскомъ округѣ и бывшаго капуцина въ окрестностяхъ Алансона. Въ тотъ же самый день, въ Каенѣ, убиваютъ ружейными выстрѣлами и ударами штыка главнаго прокурора Кальвадоса, Байе, человѣка неоспоримѣйшаго достоинства и глубоко уважаемаго, арестованнаго мѣстными якобинцами, и убиваютъ въ ту самую минуту, когда декретъ національнаго собранія торжественно заявляетъ о его невинности и приказываетъ его освободить.

Дорога на востокъ.—Въ Руанѣ, національная гвардія, въ которую чернь болѣе часа бросаетъ камнями передъ зданіемъ городской думы, стрѣляетъ, выведенная изъ терпѣнія и убиваетъ четверыхъ; въ департаментѣ цовсемѣстно буйства и насилія по поводу продажи пшеницы; на хлѣбъ назначаютъ произвольную цѣну и насильно его уносятъ. Однако Ролану не достаетъ времени, чтобы вникать въ такія подробности, и онъ принужденъ ограничиться исключительно политическими бунтами; да и тѣ онъ прослѣживаетъ только слегка, такъ какъ на всемъ этомъ протяженіи изобилуютъ избіенія. Возбужденіе столицы быстро переходитъ на армію¹⁾, и все департаменты, окружающіе Парижъ или лежащіе вдоль границы, поставляютъ свой обильный контингентъ убійствъ. Ихъ производится вдоволь въ Живорѣ, городѣ Эрскаго департамента, въ Шангидли и Блермонѣ—Уазскаго, въ Сентъ-Аманѣ въ департаментѣ Па-де-Калѣ, въ Комбрѣ—въ Сѣверномъ, въ Ретелѣ и Шарлевилѣ—въ Арденскомъ, въ Реймсѣ и Шалонѣ въ Марнскомъ департаментѣ, въ Траа—въ Обскомъ, въ Мо—въ Сены и Марны, въ Версалѣ—въ Сены и Уазы. Я думаю, что Роланъ совсѣмъ не рассматриваетъ донесеній изъ послѣдняго; да и на что? ему слишкомъ хорошо извѣстно, какимъ образомъ погибъ де-Бриссакъ, Делессаръ и остальные шестьдесятъ три плѣнника, убитые въ Вер-

¹⁾ Альбертъ Бабо. Письма депутата тройскаго муниципалитета при арміи Дюмурье, р. 8. Сентъ-Менегудъ, 7 сентября 1792 года: «Войска наши горятъ желаніемъ помчаться съ врагомъ. Они нимало не пали духомъ при полученіи извѣстій о парижскихъ избіеніяхъ; напротивъ того, они въ восторгѣ, что внутри государства дабавляются отъ подозрительныхъ личностей».

салѣ; вѣдь онъ самъ послалъ туда главнаго убійцу—Фурнье; даже въ настоящую минуту онъ принужденъ вести переписку съ этимъ мерзавцемъ, выдавать ему удостовѣренія «въ его усердіи и патриотизмѣ», и къ тому же назначить ему, сверхъ всего имъ уже награбленнаго, 30,000 ливровъ на пополненіе издержекъ при операціи. Однако, въ числѣ остальныхъ денешъ есть и такія, которыя ему необходимо просмотрѣть, если ему желательно убѣдиться въ томъ, на какой ничтожный минимумъ сведена его власть, какъ вообще презирается всякая власть, какъ гражданская или военная чернь самовластно расправляется, съ какою поспѣшностью она казнитъ людей достойнѣйшихъ, извѣстнѣйшихъ и полезнѣйшихъ, въ особенности же занимавшихъ или занимающихъ высшія государственныя должности, и, быть можетъ, министръ говоритъ себѣ, что скоро настанетъ и его чередъ.

Никто въ такой мѣрѣ не заслуживалъ пощадъ, какъ Де-ля-Рошфуко; съ ранней юности извѣстный филантропъ, либералъ съ самаго своего вступленія въ учредительное собраніе, избранный въ президенты парижскаго департамента, одинъ изъ усерднѣйшихъ патриотовъ, великодушнѣйшій и глубоко уважаемый человѣкъ. Арестованный въ Жизорѣ по приказанію парижской коммунъ, онъ выходилъ изъ гостинницы, сопровождаемый парижскимъ комиссаромъ, окруженный муниципальнымъ совѣтомъ, подъ прикрытіемъ двѣнадцати жандармовъ и ста національныхъ гвардейцевъ; за нимъ, въ каретѣ, слѣдовали его восьмидесятилѣтняя мать и жена; бѣжать не представлялось ему ни малѣйшей возможности. Но слѣдуетъ прибѣгнуть къ болѣе вѣрной предосторожности, когда дѣло касается подозрительной личности, и замѣнить тюремное заключеніе смертью; вслѣдствіе этого 300 волонтеровъ изъ Орнскаго и Сартскаго департаментовъ, находящіеся проходомъ въ Жизорѣ, толпятся вокругъ съ криками: «Мы хотимъ его головы и никто не помѣшаетъ намъ добыть ее». Одинъ изъ пущенныхъ ими камней попадаетъ Де-ля-Рошфуко въ високъ и онъ падаетъ; конвоирующіе его разогнаны, его добиваютъ сабельными и палочными ударами, муниципальный совѣтъ едва лишь успѣваетъ «спасти карету съ обѣими женщинами».

Но національное правосудіе въ рукахъ волонтеровъ отличается самыми разнообразными порывами, то звѣрства или грубаго насилія, то такого же грубаго и неразборчиваго великодушія. Въ Камбрѣ, на примѣръ, одна дивизія пѣшихъ жандармовъ, только что покинувшая городъ, вспоминаетъ, что забыла

«очистить тюрьму»; она немедленно возвращается, забирает тюремного привратника, ведет его въ городскую думу, приказывает прочесть себѣ роспись заключенныхъ, освобождаетъ тѣхъ изъ нихъ, преступленія которыхъ ей кажутся простительными, и заставляетъ выдать имъ паспорта; наоборотъ, она умерщвляетъ одного изъ бывшихъ королевскихъ прокуроровъ, у котораго найдены адреса, «проникнутые аристократическими принципами», затѣмъ одного недостаточно популярнаго подполковника и подозрительнаго капитана. Если подозрѣніе слабо и неосновательно, то тѣмъ хуже для офицера, на котораго оно падаетъ. Въ Шарлевилѣ ¹⁾, вслѣдствіе того что двѣ повозки нагруженныя оружіемъ, въѣхали въ городъ черезъ другія ворота, во избѣжаніе дурной дороги, Жюшерд, инспектора оружейной мануфактуры и городскаго коменданта, волонтеры и чернь объявляютъ измѣнникомъ, вырываютъ изъ рукъ муниципальных чиновниковъ, избиваютъ прикладами, топчутъ ногами, осыпаютъ сабельными ударами. Голову его, вотнутую на штыкъ, разносятъ по всему Шарлевилю, затѣмъ по Мезьеру, и наконецъ бросаютъ въ рѣку, отдѣляющую оба города. Остается тѣло, которое муниципалитетъ приказываетъ похоронить; но его находятъ недостойнымъ погребенія; убійцы завладѣваютъ и имъ и бросаютъ его въ воду вслѣдъ за головой. Между тѣмъ жизнь самихъ муниципальных чиновниковъ виситъ на волоскѣ; одного изъ нихъ хватаютъ за шиворотъ, другаго стаскиваютъ съ его кресла, грозятъ повѣсить на фонарѣ, прицѣвливаются въ него въ упоръ и топчутъ ногами; въ слѣдующіе затѣмъ дни обсуждаютъ проектъ «снести ихъ головы и разграбить ихъ дома».

И дѣйствительно, распоряжающіеся жизнью не стѣсняются и съ чужою собственностью, и Ролану достаточно перелистовать два или три донесенія, чтобы видѣть, какъ, подъ личиною патриотизма, на свободѣ разгулялась самая грубая и безграничная алчность. Въ Куси, городѣ Энскаго департамента, крестьяне семнадцати приходоу, собравшіеся для выбора изъ ихъ среды волонтеровъ, бросились съ неистовыми криками на оба дома

¹⁾ «Мониторъ», XIII, 742, № отъ 21 сентября 1792 года. Письмо отъ 17 сентября по поводу парижскихъ волонтеровъ арміи маршала Люкнера: «Вчера вечеромъ парижскіе волонтеры угрожали смертью многимъ личностямъ и между прочими самому маршалу и его адъютантамъ. Онъ грозилъ нѣкоторымъ перебѣжчикамъ отослать ихъ въ ихъ полки. Сейчасъ же начали кричать, что теперь не старые порядки, что такъ нельзя обращаться съ братьями и что слѣдуетъ арестовать генерала. Многіе схватили уже лошадь его за узду».

де Фоссе, бывшего депутата от дворян в учредительном собрании; кто были лучшие дома во всем городе: в одном из них когда-то жил Генрих IV. Муниципальных чиновников, пытающихся остановить нападение, едва не изрубают в куски; весь муниципалитет бьют. Де Фоссе, с обеими дочерьми, удается спрятаться в темном углу соседнего дома, затѣмъ в какомъ-то шалашикѣ, куда уводитъ ихъ одинъ чело-вѣколюбивый садовникъ, наконецъ, не безъ огромныхъ затрудненій, онъ добирается до Суассона. Отъ обоихъ домовъ его остаются лишь стѣны. Огня, рамы, двери, стекла все перебито въ щепы и въ дребезги; «20,000 ливровъ ассигнаціями разорваны или украдены, а равно всѣ важныя бумаги и документы; убытокъ оцѣниваютъ въ 200,000 франковъ. Грабежъ продолжался отъ семи часовъ утра до семи часовъ вечера и, по обыкновенію, кончился понойбою: грабители, спустившись въ подвалы, выпили тамъ четыре бочки вина и водки; тамъ осталось чело-вѣкъ сорокъ мертвецки-пьяныхъ, которыхъ съ трудами могли вытащить оттуда». Не производится ни преслѣдованія, ни слѣдствія; новый мэръ, мѣсяць спустя рѣшающійся довести о случившемся, просить министра не выдавать его имени; «потому что, говоритъ онъ, агитаторы въ общемъ совѣтѣ городского правленія, возбудили ужаснѣйшія угрозы и высказали жесточайшія намѣренія противъ того, кто напишетъ что либо о случившемся»¹⁾.

Такова постоянная угроза, тяготѣющая надъ дворянами, даже въ случаѣ ихъ продолжительнаго и равностнаго служенія свободѣ, и Роланъ находитъ во главѣ донесеній цѣлую серію отчаянныхъ и лично къ нему адресованныхъ писемъ, гдѣ они прибѣгаютъ къ нему, доведенные до послѣдней крайности. Де-Гуй-д'Арси²⁾ первый, въ началѣ 1789 года, письменно зая-

¹⁾ «Национальный Архивъ», F⁷, 3315. Письмо кузійскаго мэра Гуллра отъ 4 октября. Письмо Осседена, нотариуса, отъ 17 ноября: «Угрожаютъ сечь объ фермы, оставшіяся у де-Фоссе». Письмо самого де-Фоссе отъ 28 января 1793 г. Онъ утверждаетъ, что не предъявлялъ вовсе жалобъ; что если кто либо жаловался за него, то онъ очень жалеть объ этомъ: «Жалоба эта можетъ подвергнуть меня жесточайшей опасности, въ виду того, что мнѣ извѣстно объ общемъ настроеніи умовъ въ самомъ Куеи, и о тѣхъ способахъ, къ которымъ прибѣгали и прибѣгаютъ виновные, чтобы возбудить и ожесточить всѣ семнадцать общинъ, принимавшихъ участіе въ опустошеніи».

²⁾ Ibid., F⁷, 3249. Письмо де-Гуй къ Ролану, отъ 21 сентября (Прекраснѣйшее письмо, которое слѣдовало бы передать цѣликомъ, чтобы очертить личность достойнаго дворянина 1789 года. Много сердечности и иллюзіи и нѣкоторое обиліе громкихъ фразъ).

вилъ о правахъ народа; избранный депутатомъ отъ дворянства въ учредительномъ собраніи, онъ первый присоединился къ среднему сословію; когда либеральное меньшинство дворянъ перешло въ палату общинъ, онъ уже втеченіи восьми дней находился тамъ, и въ продолженіи тридцати послѣдовательныхъ мѣсяцевъ «неизмѣнно держался лѣвой стороны». Будучи генераль-маіоромъ, онъ принужденъ былъ взять на себя обязанность, возложенную на него законодательнымъ собраніемъ, усмирения 6,000 козскихъ бунтовщиковъ, «и втеченіи десяти дней держалъ у себя въ карманѣ суровыя приказанія, которыя были ему даны», подвергаясь оскорбленіямъ и рискуя свою жизнь, чтобы спасти жизнь своихъ заблудшихъ согражданъ.

Онъ былъ настолько счастливъ, что не пролилъ ни единой капли крови, «Утомленный чрезвычайными трудами и усиліями, больной, чуть-ли не при смерти отосланный въ свое имѣніе докторами»; онъ употреблялъ все свои доходы на пособіе немощныхъ; «онъ первый посадилъ у себя древо свободы; онъ щедро жертвовалъ на вооруженіе и обмундированіе волонтеровъ», и отдалъ въ казну не законную нятую, но третью часть всего своего дохода. «Дѣти его живутъ съ нимъ въ этомъ имѣніи, принадлежащемъ семейству его уже болѣе четырехъ столѣтій, и все мѣстные крестьяне называютъ его «своимъ отцомъ». Ничто не можетъ быть миролюбивѣе и достойнѣе его поведенія; но будучи дворяниномъ, онъ уже становится неблагонадежнымъ и одинъ изъ делегатовъ нарижскаго городского правленія въ Компьенѣ обвинилъ его въ томъ, что у него скрыты 2 пушки и 550 ружей. Немедленно производится домашній обыскъ: 300 человекъ пѣхоты и кавалеріи, въ боевомъ порядкѣ, подходятъ къ д'Арсискому замку. Де Гуи выходитъ къ нимъ навстрѣчу, вручаетъ имъ свои ключи. Послѣ шестичасоваго обыска находятъ дюжину охотничьихъ ружей и тринадцать дражныхъ пистолетовъ, о находженіи которыхъ у себя онъ уже давно заявилъ, кому слѣдовало. Посѣтители, разсерженные неудачей, ругаются, ломаютъ, бьютъ, пьютъ и причиняютъ убытка на 2,000 экю; однако, по настоящему убѣжденію своихъ предводителей, они наконецъ уходятъ. Но у де-Гуи 60,000 ливровъ годового дохода; эмигрируй онъ и все эти деньги перейдутъ во владѣніе націи; слѣдуетъ изгнать его изъ этой мѣстности и этимъ принудить его къ эмиграціи; къ тому же, изгоняя его, можно понабить себѣ карманы. Объ этомъ разсуждаютъ втеченіи восьми дней въ компьенскомъ клубѣ, въ кабакахъ, въ казармахъ и, наконецъ, на девятый день 150 волонтеровъ открыто

выходить изъ города, говоря, что хотятъ умертвить де-Гуи и все его семейство. Послѣдній, предупрежденный о замышляющемся, удаляется со всѣми своими, оставляя всѣ двери настежь. Производится общій грабежь, длѣющийся пять часовъ; пьютъ драгоценныя вина, вкрадутъ серебро, требуютъ лошадей, чтобы увезти свою добычу, и обѣщаютъ въ скорости вернуться за головою владѣльца. И дѣйствительно, на слѣдующее же утро въ четыре часа происходитъ новое вторженіе, новый грабежь, на этотъ разъ окончательный; слышавъ ружейныя выстрѣлы, слуги разбѣгаются и де-Гуи принужденъ покинуть эту мѣстность, вслѣдствіе требованія жителей села, у которыхъ грабители разоряютъ виноградники ¹⁾).

Нѣтъ никакой надобности оканчивать чтеніе донесеній. Нѣкто Гатье, «командиръ парижскаго отряда, посланнаго для произведенія обысковъ и облеченнаго властью отъ комитета общественнаго надзора», совершаетъ свой патріотическій обходъ, побывавъ сперва у Сень-Мориса въ Гуденвилѣ, у герцога Бурбонскаго въ Нуантелѣ, у принца Конде въ Шантильи, у де-Фитцъ-Джемса и еще во многихъ другихъ мѣстахъ, и Ролану хорошо извѣстно, что именно означаетъ подобный обходъ: это настоящая драгонада, производимая по всѣмъ правиламъ искусства у всѣхъ дворянъ, отсутствующихъ или находящихся на мѣстѣ ²⁾).

Но добыча, на которую бросаются съ еще бѣльшимъ остервенѣніемъ, нежели на дворянъ, это духовенство, и Роланъ, обязанный пешись о поддержаніи и водвореніи общественнаго порядка, спрашиваетъ себя, какъ поступить, чтобы обезопасить свободу и жизнь безвредныхъ священниковъ, порученныхъ ему закономъ.

¹⁾ Письмо его кончается словами: «Нѣтъ, я никогда не покину моей отчизны». Его гильотинируютъ въ Парижѣ, 5 термидора II года, какъ сообщника вымышленнаго заговора тюремъ.

²⁾ «Национальный архивъ», F^v, 3265. Письмо администраторовъ Уазы отъ 12 и 15 сентября. Письмо главнаго прокурора департамента отъ 23 сентября. Письмо администраторовъ Уазы отъ 20 сентября (по поводу Шантильи): «Грабятъ всѣ здѣшнія безчисленныя богатства. Въ Гетцкомъ лѣсу и въ Фитцъ-Джемскомъ паркѣ, ставшими теперь собственностью націи, лучшія деревья вырубаютъ, увозятъ, продаютъ публично». Письмо директора національныхъ владѣній въ Рамбулье отъ 31 октября. Опустошеніе лѣсовъ, «потеря болѣе нежели 100,000 экю съ 10 августа». «Агитаторы, проповѣдующіе свободу сельскимъ гражданамъ, сами причиною всѣхъ беспорядковъ, угрожающихъ странѣ. Они же подстрекаютъ на требованіе общаго раздѣла имуществъ, предъявляемаго ео всѣхъ сторонъ, съ жесточайшими угрозами».

Въ Троя, у бывшаго неприягнувшаго священника Фарбо, находятъ жертвенникъ, уставленный священными сосудами; священника арестуютъ, но онъ отказывается принести гражданскую присягу; его извлекаютъ изъ тюрьмы и требуютъ, чтобы онъ закричалъ: Да здравствуетъ нація! отъ чего онъ опять-таки отказывается. Тогда одинъ изъ волонтеровъ, занявъ топоръ у булочника, отрубаетъ ему голову, и голову эту, вымытую въ рѣкѣ, несутъ въ городскую думу. Въ Мо, бригада парижскихъ жандармовъ зарѣзала семерыхъ священниковъ и сверхъ того еще шестерыхъ заключенныхъ. Въ Реймсѣ, парижскіе волонтеры умертвили сперва почтмейстера и его помощника, оказавшихся неблагонадежными, вслѣдствіе того, что изъ трубы ихъ дома выходилъ дымъ, какъ бы отъ сожженныхъ бумагъ; затѣмъ де-Монротье, стараго отставнаго офицера; такъ открываютъ они свою травлю. Наконецъ, они умерщвляютъ ударами пикъ и сабель двухъ канониковъ, которыхъ ихъ сгонщики приводятъ изъ сосѣдней деревни, затѣмъ еще двоихъ священниковъ, бывшаго приходскаго священника въ Сентъ-Жанѣ и стараго риллійскаго священника; трупы ихъ раздираютъ на куски, разносятъ по городу и, наконецъ, жгутъ на кострѣ; одного изъ раненыхъ священниковъ, абата Александра, бросаютъ туда же еще живымъ. Роланъ узнаетъ здѣсь сентябрьскихъ убійцъ, пришедшихъ къ нему за обѣщанною платою и указывающихъ на свои окровавленные пики; вездѣ, гдѣ только проходитъ эта шайка, она возвѣщаетъ «именемъ народа, что ее уполномочили распространить по всему своему пути примѣръ, поданный столицею». Оказывается, что 40,000 неприягнувшихъ священниковъ, въ силу декрета отъ 26 августа, осуждены втеченіи недѣли очистить свои департаменты и втеченіи двухъ недѣль Францію; но отпустить ли ихъ? Въ Руанѣ ихъ собралось 8,000 и всѣ они, повинуваясь декрету, нанимаютъ плашкоты, между тѣмъ, какъ населеніе, собравшееся по обѣимъ сторонамъ Сены, не пропускаетъ ихъ суда. Роланъ видитъ изъ депешъ руанскихъ и многихъ другихъ мѣстностей, что они цѣлыми толпами являются въ муниципалитеты за полученіемъ паспортовъ, но что часто имъ отказываютъ въ нихъ ¹⁾; болѣе того, въ Труа, въ Мо, въ

¹⁾ «Национальный архивъ», F⁷, 4394. Корреспонденція министровъ, отъ 1792 и 1793 г. (Донесенія, представленныя Роланомъ въ конвентъ отъ имени многихъ округовъ, заключающія поименный списокъ священниковъ, явившихся съ требованіемъ заграничнаго паспорта, священниковъ, уѣхавшихъ безъ паспорта, и немощныхъ или шестидесятилѣтнихъ, водворенныхъ въ главномъ городѣ своего департамента).

Лионъ, въ Долъ и во множествѣ другихъ городовъ слѣдуютъ примѣру Парижа и подвергаютъ священниковъ домашнему аресту или же заключаютъ въ тюрьму, по крайней мѣрѣ временно, «изъ боязни, чтобы они не сплотились подъ германскими знаменами»; такимъ образомъ, они, помимо своей воли ставъ мятежниками и будучи объявлены измѣнниками, остаются подъ непрестанно угрожающимъ имъ ножомъ. Такъ какъ вывозъ монеты запрещенъ, то у получившихъ паспорта отбираютъ на границѣ всѣ ихъ деньги; другіе же, желающіе бѣжать во что бы то ни стало, преслѣдуемые подобно кабанамъ или зайцамъ, прокладываютъ себѣ дорогу черезъ цѣлый рядъ штывовъ, какъ, на примѣръ, епископъ барралскій, или черезъ рядъ обнаженныхъ сабель, какъ абатъ Гильонъ, если ихъ дорогою не убиваютъ изъ ружья, какъ абата Пешера ¹⁾.

Ночь на исходѣ, а между тѣмъ донесенія еще такъ многочисленны и такъ подробны. Роланъ ясно видитъ, что изъ восьмидесяти трехъ, ему едва-ли удастся просмотрѣть пятьдесятъ; надобно спѣшить, и съ востока взоръ его невольно спускается къ югу. И здѣсь встрѣчаетъ онъ странныя, необычныя картины. Въ Шалонъ-на-Марнѣ, 2 сентября, нѣкто Шанлеръ, глухой восьмидесятилѣтній старецъ, возвращался изъ Майля, куда онъ каждый день ходилъ молиться, нося въ рукахъ свой молитвенникъ. На встрѣчу попадаютъ ему парижскіе волонтеры, и недовольные его набожнымъ видомъ, приказываютъ ему кричать: Да здравствуетъ свобода! Старецъ не слышитъ ихъ словъ и потому молчитъ. Они хватаютъ его за уши, и такъ какъ онъ не въ состояніи идти довольно скоро, тащатъ его; уши старика разрываются, видъ крови возбуждаетъ ихъ ярость, они отрываютъ несчастному уши и носъ, и совершенно окровавленнаго приводятъ къ городской думѣ. При видѣ этого ужаснаго зрѣлища, одинъ нотаріусъ, человѣкъ чувствительный, стоявшій тамъ

¹⁾ «Гильонъ-де-Монлеонъ», I, 120. Въ Лионѣ, вслѣдствіе событій 10 августа, попрыгали всѣ не присягнувшіе священники; муниципалитетъ предлагаетъ имъ паспорта; многихъ, явившихся за ними, заключаютъ въ тюрьму; другіе же получаютъ паспорта съ особымъ значкомъ, по которому ихъ узнаютъ и который возбуждаетъ противъ нихъ, по всему ихъ пути, ярость волонтеровъ. «Большая часть солдатъ неудержимо кричала: смерть всѣмъ королямъ и всѣмъ священникамъ!»—«Созей», III, гл. IX, стр. 193: «Абатъ Пешеръ бѣжалъ вдоль дороги изъ Бельёра въ Порентрюи, въ то самое время, какъ одинъ капитанъ волонтеровъ провзвизжалъ въ экипажѣ по этой же дорогѣ съ другими офицерами; завидѣвъ бѣглеца, онъ потребовалъ ружье, прицѣлился въ Пешера и убилъ его наповалъ».

на часахъ, убѣгаетъ въ ужасѣ, а остальные національные гвардейцы, стоящіе на караулѣ, поспѣшно замыкаютъ ворота. Парижане, продолжая толкать впередъ свою несчастную жертву, являются въ окружное правленіе, затѣмъ въ департаментское, «съ цѣлью донести на аристократовъ»; дорогой они не перестаютъ бить старика, который наконецъ падаетъ; тогда они отрѣзаютъ ему голову, разрубаютъ все его тѣло на части и, воткнувъ окровавленную голову на пикеу, разгуливаютъ съ нею по всему городу. Между тѣмъ, въ томъ же городѣ, двадцать два дворянина, въ Бонѣ сорокъ священниковъ и дворянъ, въ Дижонѣ восемьдесятъ три отца семействъ, всѣ захваченные и посаженные въ тюрьмы въ качествѣ подозрительныхъ личностей, безъ малѣйшихъ доказательствъ или какого-либо допроса, спрашиваютъ себя каждое утро, не распорядятся ли съ ними чернь и волонтеры, не перестаютъ ли требовать новыхъ измѣненій, подобно тому, какъ распорядились они съ парижскими заключенными ¹⁾. Ничтожнѣйшая причина вызываетъ убійство. Въ Оксерѣ, 19 августа, въ то время какъ дефилировала національная гвардія, три гражданина, послѣ принесенія гражданской присяги, «вышли изъ своихъ рядовъ», и въ отвѣтъ «на приказаніе вернуться», одинъ изъ нихъ, вслѣдствіе нетерпѣнія, или

¹⁾ «Национальный архивъ», F⁷, 3207. Письмо директоріи Котъ-д'Ора отъ 28 августа и отъ 26 сентября.—Адресъ бонскаго муниципалитета отъ 2 сентября.—Письмо Жана Салье отъ 9 октября: «Прибѣгаю къ вашему правосудію и къ вашему покровительству относительно моего брата, меня самого и пяти слугъ, въ виду того, что истекшаго 14 сентября, по приказанію де-ля-рошъ-ан-брессійскаго муниципалитета, мы, жившіе тамъ втеченіи трехъ лѣтъ, были арестованы національною гвардіею Солье, отправлены сперва въ тамошнюю городскую тюрьму, затѣмъ 18 въ сенюрскую, причемъ намъ не было сообщено о причинахъ нашего арестованія и мы тщетно обращались съ просьбою къ правосудію окружной директоріи; послѣдняя, не подвергнувъ насъ допросу и ничего намъ не сообщивъ, отослала насъ 25 въ Дижонъ, взыскавъ съ насъ за перемѣщеніе и за судебныя издержки огромную сумму; въ Дижонѣ же департаментское правленіе вторично насъ заточило, не сообщивъ намъ опять-таки ничего, относительно причинъ нашего задержанія».—Директорія департамента пишетъ: «что городскія и сельскія правленія арестуютъ всѣхъ личностей, кажущихся имъ подозрительными, и вмѣсто того, чтобы наблюдать за ними, сами ведутъ ихъ прямо въ округъ». Эти произвольные аресты умножаются въ концѣ 1792 г. и въ первыхъ мѣсяцахъ 1793 г. Комиссары конвента приказываютъ въ одинъ день арестовать въ Седанѣ 55 человекъ, въ Нанси втеченіи трехъ недель 104, въ Аррасѣ болѣе 1,000 въ два мѣсяца, а въ Юрѣ 4,000 также въ два мѣсяца. Въ Лон-ле-Солье садятъ въ тюрьму всѣхъ дворянъ вмѣстѣ съ ихъ прислугою, въ Эксѣ заточаютъ всѣхъ безъ исключенія жителей цѣлаго квартала. («Де-Сибель», II, стр. 305).

же дурнаго расположенія духа, «дѣлаетъ непристойный жестъ»; немедленно чернь, считающая себя оскорбленною, бросается на нихъ, отстраняетъ муниципалитетъ и національную гвардію, ранитъ одного изъ нихъ и убиваетъ обоихъ остальныхъ. Двѣ недѣли спустя, убиваютъ на томъ же мѣстѣ пѣсколькихъ молодыхъ священниковъ; «трупы ихъ втеченіи трехъ сутокъ валяются на навозѣ и родителямъ ихъ не позволяютъ ихъ похоронить». Почти въ то же время, въ одной небольшой деревушкѣ, лежащей въ пяти миляхъ отъ Отэна, сперва захватываютъ четверыхъ духовныхъ лицъ, снабженныхъ паспортами, въ числѣ которыхъ находятся епископъ съ двумя своими старшими викаріями, потомъ обрискиваютъ ихъ, обкрадываютъ и, наконецъ, умерщвляютъ. Ниже Отэна, въ особенности же въ Роанскомъ округѣ, крестьяне сжигаютъ поземельныя книги національныхъ имѣній; волонтеры обираютъ помѣщиковъ; и тѣ, и другіе, вмѣстѣ или отдѣльно, «предаются всевозможнымъ неистовствамъ и ужасамъ, относительно тѣхъ, въ комъ они предполагаютъ отсутствіе патриотизма, нападая на нихъ какъ бы за ихъ религіозныя убѣжденія». Хотя мозгъ Ролана сильно помраченъ массою философическихъ обобщеній, переполняющихъ его, однако мѣстность эта ему тѣмъ не менѣе извѣстна, такъ какъ онъ долгое время инспектировалъ здѣшнія мануфактуры; имена всѣхъ селеній и городовъ остались у него въ памяти и на этотъ разъ предметъ и очертаніе ихъ яснѣе рисуются въ его изсохшемъ воображеніи, по мѣрѣ того, какъ онъ читаетъ депешу за депешей.

Указательный палецъ мадамъ Роланъ останавливается на Ліонѣ, столь хорошо ей извѣстномъ. Два года тому назадъ она негодовала противъ тамошней четверной аристократіи: мелкаго дворянства, священниковъ, крупныхъ торговцевъ, приказныхъ и мелкихъ чиновниковъ, короче противъ тѣхъ, которые при старыхъ порядкахъ имѣли дерзость называться порядочными людьми; теперь-же она видитъ тамъ совершенно иную аристократію, — аристократію грязи и помойной ямы. Ліонскіе клубисты, подъ предводительствомъ Шалье, подготовили, по примѣру Парижа, общее избіеніе всѣхъ злонамѣренныхъ и подозрительныхъ; другой изъ ихъ вожаковъ, Додье, составилъ поименный списокъ двухсотъ аристократовъ, приговоренныхъ въ повѣшенію, и 9 сентября, женщины, вооруженныя пиками, изступленные обитатели пригородовъ, шайки «неизвѣстныхъ, темныхъ личностей», повсюду подобранныхъ центральнымъ клубомъ, предпринимаютъ

очищеніе тюремъ. Если рѣзня совершается не въ такихъ размѣрахъ, какъ въ Парижѣ, то это только потому, что національная гвардія, болѣе энергичная, вступаетъ въ дѣло въ ту самую минуту какъ, въ роанской тюрьмѣ, одинъ изъ парижскихъ эмисаровъ, Сэнъ-Шарль, держа свой списокъ, повѣряетъ его съ росписью арестантовъ. Въ другихъ же мѣстахъ она опаздывала. Восемь офицеровъ полка рояль-полонь (Royal-Pologne), расквартированные въ Окъ, нѣкоторые изъ нихъ прослужившіе уже отъ двадцати до тридцати лѣтъ, были принуждены, вслѣдствіе неповиновенія своихъ солдатъ, подать въ отставку; однако они, изъ патріотизма и по настоятельной просьбѣ военнаго министра, остались на своемъ посту и, послѣ двадцатидвухдневнаго тяжелаго перехода, благополучно привели свой полкъ изъ Ока въ Лионъ. Три дня спустя послѣ ихъ прибытія, ихъ хватаютъ ночью во время сна, ведутъ въ Пьеръ-Ансизъ, дорогой бросаютъ въ нихъ каменья, держатъ въ секретномъ заключеніи, между тѣмъ какъ продолжительный и нѣсколько разъ повторяемый допросъ ясно выставляетъ на свѣтъ ихъ заслуги и ихъ полнѣйшую невинность. Ихъ-то якобинская чернь извлекаетъ изъ тюрьмы; изъ восьми, она закалываетъ семерыхъ на улицѣ, вмѣстѣ съ ними еще четверыхъ священниковъ, и убійцы празднуютъ свое кровавое дѣло еще съ большимъ торжествомъ, нежели въ Парижѣ. Всю ночь они разгуливаютъ по городу съ головами убитыхъ, воткнутыми на остріе пикъ; они отправляются съ ними на площадь Терро, въ кофейни, кладутъ ихъ на столы и, смѣясь, подчуютъ пивомъ; затѣмъ они зажигаютъ факелы, входятъ въ цестинскій театръ и, прохаживаясь по сценѣ съ своими мрачными трофеями, вводятъ въ вымышленную трагедію трагедію дѣйствительную. И кончается она жалкимъ и ужаснымъ эпилогомъ: въ концѣ донесенія Роланъ находитъ письмо своего коллеги Дантона, просящаго его освободить несчастныхъ офицеровъ, убитыхъ уже около трехъ недѣль, «такъ какъ, говоритъ Дантонъ, всѣ обвиненія противъ нихъ не имѣютъ ни малѣйшаго основанія, и потому было бы вопіющею несправедливостью долѣе лишать ихъ свободы». Секретарь Ролана сдѣлалъ на письмѣ Дантона слѣдующую замѣтку: «Дѣло оконченное». Я думаю, что въ эту минуту оба супруга молча глядѣли другъ на друга. Быть можетъ мадамъ Роланъ вспоминаетъ, что сама она, въ началѣ революціи, требовала человѣческихъ головъ, въ особенности-же «двухъ извѣстнѣйшихъ» (королевскихъ), и желала, чтобы національное собраніе осудило ихъ

по всѣмъ правиламъ, или чтобы нашлись «великодушные Деци, рѣшившіеся ихъ отрубить»¹⁾. Желанія ея исполняются; процессъ поведется по всѣмъ правиламъ, а Деци, къ которымъ она зывала, массамаи уже кипать по всей Франціи.

Остается всего одинъ юговосточный уголь—Провансъ, на который Барбару указывалъ ему, какъ на послѣднее убѣжище философіи и свободы. Палець Ролана спускается по Ронѣ, и дорогой, по обоимъ берегамъ ея, онъ наталкивается на подобныя же преступленія. Въ Гарѣ и Канталѣ, на правомъ ея берегу, «защитники отчизны» набиваютъ себѣ карманы на счетъ плательщиковъ податей, назначая приэтомъ произвольно количество взимаемыхъ налоговъ²⁾, и на новомъ нарѣчій насиль-

¹⁾ Этюдъ о мадамъ Роланъ, сочиненіе Добана, 89. Письмо мадамъ Роланъ къ Боску отъ 26 іюля 1789 года: «Вы хлопотете о муниципалитетѣ, а между тѣмъ даете возможность спастись головамъ способнымъ возбудить новые ужасы. Вы суція дѣти и весь энтузіазмъ вашъ пустая вспышка; если національное собраніе не затѣетъ форменнаго процесса противъ двухъ извѣстѣйшихъ головъ, и если не явятся великодушные Деци, которые ихъ срубятъ, то все вы п....».—Ibid., 17 мая 1790 года: «По всѣмъ селамъ господствуетъ сильное возбужденіе противъ декрета о феодальныхъ правахъ... Необходима совершенная реформа относительно этого вопроса и полнѣйшій пересмотръ его, а иначе сожгутъ еще много замковъ. Положимъ, что послѣднее само по себѣ еще не великое зло; но слѣдуетъ опасаться того, чтобы враги революціи не воспользовались этими неудовольствіями, съ цѣлью уменьшить довѣріе народовъ къ національному собранію».—27 сентября 1790 года: «Партія злонамѣренныхъ торжествуетъ, и забываютъ, что возстаніе есть священнѣйшая изъ обязанностей, когда отечеству грозитъ опасность».—24 января 1791 года: «Мудрецъ относится снисходительно къ ошибкамъ и слабостямъ частнаго человѣка, но гражданинъ не имѣетъ права миловать даже роднаго отца, когда дѣло идетъ о благѣ общественномъ».

²⁾ «Национальный Архивъ», F⁷, 3202. Донесеніе комисара, члена кантальской директоріи, отъ 24 октября. Въ Шодесгѣ, 16 октября, волонтеры собираются выломать какую-то дверь, затѣмъ хотять убить одного изъ своихъ товарищей, сопротивляющагося имъ, котораго спасаетъ комисаръ, прикрывая его своею особою; самъ тамошній мэръ, облеченный въ свой шарфъ, ведетъ ихъ къ аристократамъ и побуждаетъ ихъ къ грабежу; они силою врываются въ нѣкоторые дома и требуютъ вина. На слѣдующій день, въ Сентъ-Урсизѣ, они выламываютъ двери бывшаго священника, грабятъ его домъ и продаютъ его мебель нѣкоторымъ мѣстнымъ жителямъ. «Такому же обращенію подвергается мэръ Вессе и госпожа Лавалетъ; врываются въ ихъ погреба, выносятъ на площадь бочки съ виномъ и пьютъ прямо черезъ кранъ». Затѣмъ «волонтеры бродятъ отдѣльными шабками по сосѣднимъ приходамъ, вымогая у жителей деньги и различныя вещи». Комисара и сентъ-урсизскихъ муниципальных чиновниковъ, пытавшихся вступить за притѣсненныхъ, едва не убиваютъ; они спасены единственно благодаря усиліямъ отряда регулярной кавалеріи. Что же касается шодесгскаго якобинскаго мэра, ничто не могло быть естественнѣе его увѣщаній и подстрекательства къ грабежу: во время продажи вещей монахинь, «онъ съумѣлъ отстранить всѣхъ покупателей и оставилъ за собой рѣшительно все имущество по замой ничтожной цѣнѣ».

ственный поборъ этотъ именуется «добровольнымъ приноше-
 ніемъ». «Они облагаютъ въ Нимѣ бѣдныхъ рабочихъ налогомъ
 въ 50 ливровъ, другихъ же въ 200, 300, 900, 1,000, подъ
 угрозою полнѣйшаго опустошенія ихъ домовъ и побоевъ въ слу-
 чаѣ неисправнаго платежа». Въ одномъ имѣніи близъ Тарас-
 кона, волонтеры, возвращаясь къ приемамъ прежнихъ разбойни-
 ковъ, замахиваются саблей надъ головой матери, угрожаютъ за-
 душить лишившуюся чувствъ тетку, держать ребенка надъ са-
 мымъ колодцемъ, и вынуждаютъ такимъ образомъ помѣщика или
 фермера выплатить имъ 4,000 и 5,000 ливровъ; въ большин-
 ствѣ случаевъ послѣдній не смѣетъ заявить о случившемся,
 такъ какъ, въ случаѣ жалобы съ его стороны, онъ можетъ
 быть увѣренъ, что сожгутъ его ферму и вырубятъ всѣ оливко-
 выя деревья. На лѣвомъ берегу, въ Изорѣ, тюленская чернь
 схватила подполковника Спенделера, зарѣзала его и затѣмъ по-
 вѣсила за ноги на дерево у большой дороги; въ Дромѣ, гар-
 скіе волонтеры ворвались въ монтелимарскую тюрьму и саб-
 лями изрубили одного невиновнаго ¹⁾; въ Воклюзѣ не прекра-
 щается всеобщій грабежъ. Уже одни бывшіе авиньонскіе раз-
 бойники, влюченные въ составъ національной гвардіи и допу-
 щенные въ общественнымъ должностямъ, имѣя при этомъ со-
 общникомъ муниципалитетъ, грабятъ вволю въ самомъ городѣ
 и совершаютъ опустошительные набѣги на его окрестности. Въ
 городѣ, убійцы Глясьеры набираютъ до 450,000 франковъ «добро-
 вольнаго приношенія», съ друзей и родныхъ убитыхъ ими; по
 деревнямъ, богатыхъ земледѣльцевъ облагаютъ налогомъ отъ
 1,000 до 10,000 ливровъ, не считая всѣхъ оргій торжества и
 празднествъ произвола, всѣхъ побочныхъ поборовъ, совершаемыхъ
 на дому вооруженными шайками, чтобы достойно оросить план-
 тацію безчисленныхъ деревьевъ свободы; не считая всѣхъ пир-
 шествъ, обходящихся въ 500 или 600 ливровъ, устраиваемыхъ на
 вымученныя деньги, а также даровыхъ покоевъ, бессмысленныхъ,
 безумныхъ опустошеній и разрушеній, совершаемыхъ на окрест-

¹⁾ «Національный Архивъ», F⁷, 3190. Письмо Дантона отъ 9 октября.—
 Мемуары Казимира Одюверэ (съ подлинными документами). Сына его арестовали
 и заточили по ошибкѣ, вмѣсто другаго Одюверэ, жителя Граэства (Comtat), и
 въ тюрьмѣ, 25 августа, его изрубили саблями. Донесеніе хирурга отъ 17 октября:
 у раненаго еще двѣ глубокія раны на головѣ, одна на лѣвой щекѣ, и правая
 нога его парализована; его тѣмъ небрежно и грубо переносили изъ тюрьмы въ
 тюрьму, что у него образовался нарывъ на сгибъ кисти руки, и если его скоро
 не выпустятъ, то онъ навѣрное умретъ.

ныхъ фермахъ, короче, всѣхъ злоупотребленій грубой, алчной силы, тѣшащейся своими звѣрствами и гордящейся своими преступленіями.

По этому кровавому слѣду убійствъ и грабежей, министръ доходитъ до Марселя и вдругъ останавливается, повидимому, съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ. И не то, чтобы онъ изумлялся многочисленнымъ избіеніямъ, совершаемымъ народомъ; положимъ, что донесенія о нихъ такъ и сыпятся отовсюду: изъ Экса, изъ Обаня, изъ Бриньоля, изъ Эгбера; въ Марсели же ихъ совершается множество, при неоднократныхъ повтореніяхъ, сперва въ іюль, затѣмъ двѣ серіи въ августъ и двѣ въ сентябрь¹⁾; но онъ уже къ этому привыкъ. Его смущаетъ нѣчто иное: его смущаетъ то, что тамъ порывается національная связь и единство; отпадаютъ цѣлые департаменты, возникаютъ новыя, отдѣльныя, независимыя государства, взывающія къ народному владычеству; они публично и официально оставляютъ для своихъ мѣстныхъ нуждъ налоги, собранные для центрального правительства; они опредѣляютъ наказанія своимъ жителямъ, искавшимъ спасенія гдѣ либо въ остальной Франціи; они учреждаютъ суды, назначаютъ новыя налоги, набираютъ войско и совершаютъ военныя экспедиціи. Избиратели Устье-Роны, собравшись съ цѣлю назначенія своихъ представителей въ конвентъ, порѣшили сверхъ того учредить во всемъ департаментѣ «царствование свободы и равенства», и, въ виду этого, они сформировали, говоритъ одинъ изъ нихъ, «войско, состоящее изъ тысячи двухсотъ героевъ, дабы очистить тѣ округа, гдѣ аристократія буржуазіи еще осмѣливается поднять свою дерзкую и безразсудную голову». Вслѣдствіе этого, этой тысячи двумъ стамъ героевъ предоставляется полнѣйшее право проживать по своему усмотрѣнію у всѣхъ жителей Сонъ, Ндвы, Сэнъ-Реми, Мальяна, Эйража, Гравезона, Эгбера и по всему протяженію округовъ Тарасконскаго, Арльскаго и Салонскаго; что же касается всѣхъ

¹⁾ «Національный Архивъ», F⁷, 3195.—Протоколъ эксаго муниципалитета, отъ 24 августа.—Письмо главнаго департаментскаго прокурора (съ приложеніемъ письма обаньскаго муниципалитета) отъ 22 сентября: Журдана, министерскаго чиновника въ Обанъ, обвиняли въ «аристократизмъ»; ему дали караулъ для защиты; около полуночи караулъ разгоняютъ, силою выводятъ его на улицу и убиваютъ, не смотря на слезы и мольбы жены и сына. Письмо муниципалитета оканчивается словами: «Вопли ихъ раздраютъ намъ душу. Но увы! кто посмѣетъ воспротивиться разъярившемуся французскому народу? Готовые къ услугамъ муниципальные чиновники города Обаня».

остальныхъ издержекъ по экспедиціи, то онѣ падутъ всецѣло «на гражданъ подозрительныхъ и неблагонадежныхъ»¹⁾). Подобныя экспедиціи продолжаются шесть недѣль и долѣе; одна изъ нихъ распространяется даже за предѣлы департамента, на Маноскъ, лежацій въ Нижнихъ Альпахъ, и Маноскъ, принужденный выплатить «своимъ спасителямъ и отцамъ» 104,000 ливровъ вознагражденія за расходы по перемѣщенію, пишетъ министру, что находится въ полнѣйшей невозможности внести свои налоги.

Какого сорта люди эти новые импровизированные монархи, учредившіе этотъ странствующій разбой? Относительно этого Ролану слѣдуетъ лишь обратиться къ Барбару, своему другу и въ то же время ихъ президенту и исполнителю ихъ приказовъ. Ихъ девять сотъ человекъ, «пишетъ самъ Барбару», большею частью безъ образованія (неохотно слушающихъ людей умѣренныхъ и всецѣло поддающихся вліянію людей пылкихъ), хитрыхъ интригановъ, ловко умѣющихъ оклеветать мелкихъ недоброудѣльныхъ людшекъ, въ томъ числѣ нѣсколько дѣйствительно добродѣтельныхъ, но далеко непросвѣщенныхъ людей, небольшой процентъ людей образованныхъ, но малодушныхъ и нерѣшительныхъ, много патріотовъ, но не знающихъ никакой мѣры и лишенныхъ всякаго философскаго взгляда», короче, цѣлый

¹⁾ «Национальный архивъ», СII, I, 32. Протоколъ избирательнаго собранія департамента Устьевъ-Роны, отъ 4 сентября: «Главному прокурору Тарасконскаго округа предоставляется, въ виду пополненія издержекъ вышеназванной экспедиціи, брать необходимыя суммы изъ кассы сборщика гербовыхъ и штемпельныхъ налоговъ, а въ случаѣ надобности, изъ кассы прямыхъ и непосредственныхъ податей. Расходы по этой экспедиціи падутъ всецѣло на противореволюціонныхъ агитаторовъ, вынудившихъ ее. Соответствующій отчетъ имѣетъ быть составленъ для отправленія въ національное собраніе. Комисары будутъ облечены властью отрывать временно отъ должностей окружающихъ администраторовъ, муниципальныхъ чиновниковъ и вообще всѣхъ представителей общественной власти, нерадующихъ въ пользу блага общественнаго и заслуживающихъ порицанія вслѣдствіе недостатка патріотизма и дурнаго поведенія. Въ случаѣ надобности, комисарамъ предоставляется право арестовать ихъ, а равно и всѣхъ неблагонамѣренныхъ и подозрительныхъ личностей. На нихъ же возлагается наблюденіе за исполненіемъ закона относительно отобранія оружія у заподозрѣнныхъ гражданъ и о выселеніи священниковъ». — Письмо Жюбера, секретаря савонскаго народнаго общества, отъ 22 октября: «Департаментъ Устьевъ-Роны уже втеченіи полутора мѣсяца непрестанно опустошаемъ всевозможными комисіями и комитетами... Уничтоженъ деспотизмъ одного, но мы стоимъ подъ несравненно тяжелейшимъ игомъ цѣлой толпы деспотовъ». — Положеніе департамента за сентябрь и октябрь 1792 года (съ приложеніемъ подлинныхъ документовъ).

якобинскій клубъ, и настолько якобинскій, «что, по полученіи извѣстія о сентабрьской рѣзнѣ, онъ огласилъ залъ своими рукоплесканіями»; на первомъ планѣ «масса людей алчныхъ, стремящихся нажитья и захватить выгодныя мѣста, масса вѣчныхъ доносчиковъ, жаждущихъ волненій и вездѣ ихъ видящихъ и сильно преувеличивающихъ, съ цѣлью добыть себѣ выгодныя назначенія ¹⁾», другими словами, обычная сфера голодныхъ и прожорливыхъ псовъ, бросающихся на добычу.

Для того, чтобы поближе изучить ихъ, Ролану слѣдуетъ не-решительно послѣднее донесеніе, посланное изъ сосѣдняго департамента, и попристальнѣе взглянуть на ихъ варскихъ товарищей. Въ этомъ великомъ крушеніи разума и честности, прозываемомъ якобинскою революціею, кое-гдѣ всплывали нѣсколько уцѣлѣвшихъ отдѣльныхъ частей государственнаго корабля: это были департаментскія администраціи, составленныя во многихъ мѣстахъ изъ либераловъ, приверженцевъ порядка, людей просвѣщенныхъ, безкорыстныхъ и ревностныхъ защитниковъ закона. Такова была Варская директорія. Тулонскіе якобинцы, желая избавиться отъ нея, придумали западню, вполне достойную злодѣевъ изъ семействъ Борджіа и Оливеретто шестнадцатаго столѣтія. Утромъ, 28 іюля, предсѣдатель клуба, Сильвестръ, роздалъ своимъ городскимъ и пригороднымъ клеветамъ огромнѣйшій мѣшокъ красныхъ колпаковъ, и размѣстилъ свои отряды въ надлежащихъ мѣстахъ. Между тѣмъ, сообщникъ его, муниципалитетъ, церемоннымъ шествіемъ отправляется къ депар-

¹⁾ «Національный архивъ», F¹, 3196.—Письма и петиція гражданина де-Садъ ноября 1792 года, 17 февраля 1793 года и 8 вентоза года III: «Около половиним сентября 1792 года, марсельскіе разбойники проникли въ одинъ изъ моихъ домовъ, находящихся близъ Апта. Не довольствуясь тѣмъ, что они увозятъ шесть повозокъ съ мебелью, они еще разбиваютъ зеркала, стекла и ломаютъ всѣ деревянныя рамы, двери и украшенія». Убытокъ простирается на 80,000 франковъ.—Донесеніе въ исполнительный совѣтъ по протоколу ля-костекаго муниципалитета. 27 сентября, Монбріонъ, комиссаръ администраціи Угьевъ-Роны, отправляетъ двухъ приставовъ изъ Апта за мебелью. По прибытіи возовъ въ Аптъ, Монбріонъ и помощникъ его Бержье приказываютъ разгрузить возы, выбираютъ самыя дорогія вещи, которыя и велютъ сложить на одинъ изъ нихъ, при-сваиваютъ его себѣ и увозятъ въ сторону, заплативъ извозчикамъ, находящимся при немъ, изъ своего кармана: «Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно мошенничества Монбріона и Бержье, администраторовъ и административныхъ комиссаровъ департамента».—Де-Садъ, авторъ Жюстины, выставляетъ свой извѣстный и неоспоримый патріотизмъ и упираетъ на ультра-революціонныя петиціи, которыя онъ составилъ отъ имени пивской секціи.

таментскимъ администраторамъ и приглашаетъ ихъ побрататься съ нимъ въ присутствіи народа. Тѣ соглашаются и выходятъ на улицу, не ощущая и малѣйшаго недобѣрія, каждый изъ нихъ подъ руку съ муниципальнымъ чиновникомъ или клубнымъ делегатомъ. Но едва успѣваютъ они сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ изъ всѣхъ сосѣднихъ улицъ, прилегающихъ къ площади выступаютъ толпы красныхъ колпаковъ, нарочно тамъ разставленныхъ. Хватаютъ главнаго прокурора, вице-президента департамента и еще двоихъ администраторовъ, рубятъ ихъ саблями и затѣмъ вѣшаютъ; одинъ изъ нихъ, нѣкто Дебо, успѣваетъ бѣжать, прячется, бросается ночью съ городскаго вала, повреждаетъ себѣ бедро и не можетъ подняться; его находятъ на слѣдующее утро шайка, предводительствуемая Жассо, портовымъ рабочимъ, и нѣкимъ Лемайлемъ, именующимъ себя «городскимъ вѣшателемъ», несутъ его на носилкахъ и вѣшаютъ на первомъ попавшемся фонарѣ. Другія шайки такимъ же образомъ распоряжаются съ общественнымъ обвинителемъ, съ однимъ изъ окружныхъ администраторовъ, съ однимъ негоціантомъ, и затѣмъ, разсѣявшись по окрестностямъ, грабятъ и убиваютъ на мызахъ и въ загородныхъ домахъ. Городской комендантъ Дюмербюнъ тщетно умоляетъ муниципалитетъ провозгласить военное положеніе. Онъ не только отказываетъ ему, но еще принуждаетъ вернуть въ казармы половину находящихся въ его распоряженіи войскъ. Впрочемъ онъ этимъ не ограничивается, но освобождаетъ солдатъ, приговоренныхъ къ каторгѣ, и всѣхъ военныхъ, заключенныхъ за неповиновеніе. Съ этой минуты исчезаетъ всякій признакъ дисциплины, и въ слѣдующемъ мѣсяцѣ убійства быстро возрастаютъ. Де-Посселя, командира надъ портомъ, силою уводятъ изъ его дома и уже собираются вѣшать; его съ трудомъ и въ послѣднюю минуту спасаетъ одинъ бомбардиръ, секретарь клуба. Одного изъ членовъ директоріи, Сени, находятъ въ его загородномъ домѣ и вѣшаютъ на площади Стараго дворца. Капитана корабля — Дезидери, священника де-ля-Валетта, г. де-Сакки-де-Туре, обезглавливаютъ въ одномъ изъ пригородовъ и головы ихъ втыкаютъ на длинные шесты. Вице-адмирала де-Флот-д'Аржансона, человѣка геркулесовскаго сложенія и такого серьезнаго и строгаго вида, что его прозвали «предвѣчнымъ отцомъ», предательствомъ заманиваютъ къ дверямъ арсенала, гдѣ онъ видитъ уже спущенный фонарь; онъ вырываетъ у одного изъ присутствующихъ ружье, долго защищается, но, наконецъ, падаетъ подъ бесчисленными сабельными ударами и кончаетъ жизнь на фонарѣ. Контръ-адмирала де-

Рошмора такимъ же образомъ изрубаютъ и вѣшаютъ: изъ одной изъ большихъ артерій, разрѣзанныхъ на шеѣ у трупа, бьетъ сверху на мостовую обильная струя крови; одинъ изъ палачей, Барри, омываетъ въ ней руки и кропитъ ею присутствующихъ. Барри, Лемайлъ, Жассо, Сильвестръ и остальные главные убійцы — вотъ новые короли Тулона, довольно схожіе съ королями Парижа; прибавьте къ нимъ нѣкоего Фигона, дающаго аудіенціи на своемъ чердакѣ, исправляющаго общественныя неравенства, насильно выдающаго замужъ дочерей крупныхъ фермеровъ за бѣдныхъ республиканцевъ, или публичныхъ дѣвокъ за богатыхъ молодыхъ людей¹⁾ и по списку, предоставленному ему клубомъ, облагающаго значительнымъ выкупомъ поочередно всѣхъ богатыхъ или достаточныхъ людей. Замѣтимъ, въ виду окончательнаго охарактеризованія этой шайки, что 23 августа она покусилась освободить всѣхъ 1,800 каторжниковъ; однако тѣ сначала не повѣрили этому; они не осмѣлились допустить, что ихъ могутъ избрать въ политическіе союзники, и не хотѣли выйти, или, правильнѣе сказать, честная часть національной гвардіи явилась еще во-время, чтобы опять посадить ихъ на цѣпь. Но на этомъ и остановилось ея усиліе поддержать общественный порядокъ, и власть еще втеченіи цѣлаго года останется въ рукахъ партіи, которая въ дѣлахъ государственнаго благоустройства не обладаетъ даже чувствами послѣдняго каторжника.

Министръ, во все продолженіе этого длиннаго пересмотра, вѣроятно не разъ чувствовалъ, какъ краска стыда покрывала его лицо, потому что на упреки, съ которыми онъ обращается

¹⁾ Воспоминанія (манускриптъ) М. Х....—М. Х...., арестованный вмѣстѣ съ женою въ Пикардіи, былъ привезенъ обратно въ Парижъ однимъ изъ членовъ коммуны, маленькимъ кривоножкою, прежде отдававшимъ въ наемъ стулья въ церкви своего прихода, проникнутаго ученіемъ того времени и яраго нивелировщика. Въ селеніи Сараль, въ то время, какъ проѣзжали мимо дома де-Ливри, имѣвшаго 50,000 ливровъ годоваго дохода и любовника оперной танцовщицы Сонье, кривоногий воскликнулъ: «Онъ хорошій малый; мы только что оженили его. Долой предрасудки, и пора зашить по-человѣчески; пусть же бывший маркизъ женится на танцовщицѣ! Онъ такъ и поступилъ, а иначе ему бы пришлось совсѣмъ плохо, и останься онъ даже въ живыхъ, то сидѣлъ бы теперь за стѣнами люксембургскаго дворца». — Въ другомъ мѣстѣ, взирая на разрушаемый замокъ, бывший отдатчикъ стульевъ повторялъ еразу Руссо: «На мѣстѣ каждаго упавшаго замка воздвигнется двадцать хижинъ». Вся память его была нафарширована подобными сентенціями и тирадами, которыми онъ выгружалъ по мѣрѣ надобности. — Человѣкъ этотъ представляетъ довольно точный образецъ средняго уровня якобинизма.

къ безучастнымъ администраціямъ, тѣ отвѣчаютъ ему его же собственнымъ примѣромъ: «Вы хотите, чтобы мы передали въ вѣдѣніе общественнаго обвинителя разсмотрѣніе дѣлъ по произвольнымъ арестамъ; но скажите, выдали ли вы сами виновныхъ въ подобныхъ и въ еще болѣе тяжкихъ преступленіяхъ, совершенныхъ въ столицѣ»? Угнетенные со всѣхъ сторонъ взывали къ нему, «къ министру-патріоту, явному врагу анархіи», къ доброму и неподкупному министру внутреннихъ дѣлъ, котораго можно было обвинить лишь въ здоровомъ смыслѣ его жены», и въ отвѣтъ онъ посылаетъ имъ пустыя диссертаци и жалкія соболѣзнованія; «онъ умѣетъ только скорбѣть о событіяхъ, гнетущихъ несчастный департаментъ, и доказывать, что администраціи лишь тогда дѣйствительно полезны, когда онѣ предупреждаютъ бѣдствія, что весьма печально быть принужденнымъ прибѣгать къ карательнымъ мѣрамъ, и совѣтуетъ имъ вообще прибѣгнуть къ болѣе дѣятельному надзору». «Онъ готовъ оплакивать случившееся, но представляетъ разумныя утѣшенія въ отвѣтъ на письмо, сообщающее о четырехъ убійствахъ, въ виду того, что павшія жертвы были антиреволюціонеры». Онъ пускается въ длинныя письменныя разсужденія съ какимъ нибудь сельскимъ муниципалитетомъ и посылаетъ поученія конституціоннаго права общинамъ каменотесовъ.¹⁾ Но на этой

¹⁾ «Национальный Архивъ», F⁷, 3249. Корреспонденція съ сэнъ-фирмэнскимъ муниципалитетомъ (Уазъ). Письмо Ролана отъ 3 декабря: «Я прочелъ письмо ваше ко мнѣ отъ 25 прошлаго мѣсяца и не считаю нужнымъ скрыть отъ васъ, что къ величайшему моему сожалѣнію я нашелъ въ немъ принципы, разрушающіе узы субординаціи учрежденнымъ властямъ, принципы столь пагубные и невѣрные, что разъ какъ общины стануть руководиться ими, всякая форма правленія сдѣлается немыслимою и все несомнѣнно распадется. И дѣйствительно, какъ могла Сэнъ-Фирмэнская община вообразить, что она верховный владыка (что свидѣтельствуютъ ея собственныя слова); развѣ граждане, составляющіе ее, забыли, что верховный владыка—вся нація, взятая вмѣстѣ, а не 44,000-я часть цѣлаго; несомнѣнно, что Сэнъ-Фирмэнъ представляетъ именно эту дробную часть, способствующую предоставленію депутатамъ національнаго конвента, департаментскимъ и окружнымъ администраторамъ, возможности дѣйствовать въ видахъ болѣе пользы самой общины; но разъ какъ она сама выбрала себя администраторовъ и агентовъ, она не можетъ, не разрушая окончательно правильно установленнаго порядка вещей, снова захватить власть, ею же самою врученную ея представителямъ, и т. д.»—Слѣдовало бы привести цѣликомъ всѣ документы этого дѣла; пріятномъ ничего не можетъ быть поучительнѣе и комичнѣе слога Сэнъ-Фирмэнскаго актуаріуса: «Мы умоляемъ васъ обратить вниманіе на то, что администраторы Сенлисакаго округа хотятъ играть роль сиренъ, старающихся прельстить Улисса».

почвѣ онъ побить своими собственными принципами, и истые якобинцы, въ свою очередь, поучаютъ его. О, они тоже умѣютъ выводить изъ своего догмата подходящія заключенія. «Братъ и другъ, пишутъ ему руанскіе якобинцы,—чтобы не имѣть надобности постоянно превлоняться передъ муниципалитетомъ, мы объявили себя постоянными, несмѣняемыми совѣщательными секціями коммуны (городскаго правленія)». Пусть такъ называемыя правильно учрежденныя власти, пусть формалисты и педанты исполнительнаго совѣта, пусть самъ министръ внутреннихъ дѣлъ хорошенько обдумаетъ вопросъ, раньше чѣмъ рѣшится порицать дѣло отправления народнаго владычества. Самъ владыка возвышаетъ голосъ и всѣ мелкіе исполнители его власти должны униженно смолгнуть: убійство, расхищеніе — все имъ совершенное—справедливо. «Теперь, по окончаніи бури, развѣ вы уже забыли то, что утверждали во время ея разгара: пусть нація спасается сама, какъ знаетъ. И вотъ, мы такъ и поступили ¹⁾... Какъ! въ ту самую минуту, когда по всей Франціи раздаются радостные, столь долго ожидаемые возгласы прокламаціи возвѣщающей паденіе тираніи, вы требуете, чтобы измѣнники, стремящіеся возстановить ее, не возбуждали бы къ себѣ чувства всеобщей и справедливой мести? Великій Боже! въ какомъ вѣвѣ находятся подобные министры! Произвольные налоги, штрафы, конфискаціи, революціонныя экспедиціи, странствующіе эзекуціонные сыщивы, грабежи—пусть такъ! но что имѣете вы заявить противъ всего этого? Мы не утверждаемъ, чтобы пути эти были законны; но, приближаясь къ природѣ, мы спрашиваемъ, какаѣ цѣль у притѣсненнаго, взывающаго къ справедливости? Неужели ему суждено вѣчно страдать и тщетно стремиться къ правосудному возмездію, для него недосягаемому, вслѣдствіе существующихъ судебныхъ формъ и порядковъ? Исправьте эти неправильности, эти злоупотребленія, или же не

¹⁾ «Национальный Архивъ», F⁷, 3195, Письмо трехъ административныхъ учреждений и комиссаровъ марсельскихъ секцій отъ 15 ноября 1792 года. Письмо избирателей Устьевъ-Роны отъ 28 ноября.—(Въ концѣ этихъ писемъ уищены всѣ обиденныя формулы вѣжливости, что сдѣлано, конечно намѣренно).—Роланъ отвѣчаетъ имъ (31 декабря): «Вполнѣ отдавая должное патриотизму мужественныхъ жителей Марселя, я, между тѣмъ, долженъ сознаться, что несомнѣнъ раздѣляю ваше мнѣніе относительно отправления народомъ верховной власти». Онъ кончаетъ заявленіемъ о томъ, что онъ сообщилъ о содержаніи ихъ писемъ, а равно и своихъ отвѣтовъ, депутатамъ Устьевъ-Роны, что тѣ съ нимъ согласны и что все устроится по общему желанію.

возмущайтесь тѣмъ, что народъ-владыка самъ ихъ исправляетъ заблаговременно... Въ виду всего вышесказаннаго, вы конечно поспѣшите взять назадъ ваши оскорбительныя слова и исправить ваши ошибки, а иначе мы будемъ вынуждены опубликовать ихъ»... «Гражданинъ министръ, вамъ льстятъ, вамъ слишкомъ часто твердятъ о вашихъ добродѣтеляхъ; но не забывайте того, что вы ихъ теряете, разъ какъ охотно выслушиваете подобныя рѣчи... Прогоните коварныхъ разбойниковъ, окружающихъ васъ, внемлите народу, и помните, что гражданинъ-министръ ничто иное какъ исполнитель воли верховнаго владыки—народа». Какъ бы ни былъ ограниченъ Роланъ, онъ не могъ не понять, что списки безчисленныхъ грабежей и убійствъ, только что имъ просмотрѣнные, не есть слѣдствіе необдуманнаго взрыва, мимолетнаго безумія, но что это манифестъ торжествующей партіи, начало новаго, утвердившагося рода правленія. «Подъ этимъ управленіемъ, пишутъ марсельскіе якобинцы,—нынѣ, въ нашихъ благословенныхъ странахъ, добрые владчества ютъ надъ злыми и образуютъ одно крѣпко сплоченное цѣлое, не допускающее никакой примѣси: все порочное прячется, скрывается, иначе его уничтожаютъ». Програма ясна и подтверждена самими фактами. И эту-то програму насильственно заявляла избирателямъ якобинская партія во все время междуцарствія.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

I.

Здѣсь совершается второй этапъ торжества якобинцевъ: они, начиная съ 10 августа и втеченіи трехъ послѣдовательныхъ мѣсяцевъ, не перестаютъ, по всему іерархическому строю, расширять и увеличивать ваканціи, съ цѣлью замѣстить ихъ своими. Во главѣ общественныхъ властей, партія эта прежде всего водворяетъ представителей, изображающихъ исключительно ее самое, семьсотъ сорокъ девять всемогущихъ депутатовъ. Конвентъ, который не будучи стѣсненъ никакими побочными, сторонними властями и никакою заблаговременно учрежденною конституціею, совершенно по своему усмотрѣнію распоряжается собственностью, жизнью и совѣстью всѣхъ французовъ. Затѣмъ

она, при помощи этого, только что водвореннаго конвента, опредѣляетъ полнѣйшее возобновленіе всѣхъ административныхъ и судебныхъ учреждений¹⁾, департаментскихъ и окружныхъ совѣтовъ и директорій, городскихъ совѣтовъ и муниципалитетовъ, судовъ гражданскихъ, уголовныхъ и коммерческихъ, канцелярій мировыхъ судей и ихъ самихъ, вмѣстѣ съ ихъ помощниками и заступающими ихъ мѣсто, національныхъ комиссаровъ при гражданскихъ судахъ²⁾, секретарей и приставовъ по всѣмъ судамъ и администраціямъ. Уничтожается въ то же время обязательство пройти черезъ извѣстную подготовку и изучить необходимые приемы, совмѣстные съ исполненіемъ занимаемой должности, такъ что первый встрѣчный, если онъ членъ клуба, можетъ сдѣлаться судьей, не умѣя писать и даже будучи почти совершенно безграмотнымъ³⁾. Незадолго передъ тѣмъ, составъ штаба національной гвардіи также прошелъ черезъ избирательное сито во всѣхъ городахъ, имѣющихъ болѣе пятидесяти тысячъ душъ населенія, а равно и во всѣхъ пограничныхъ. Такимъ же образомъ жандармскіе офицеры Парижа и всей Франціи подвергаются вторичному избранію своихъ подчиненныхъ. Наконецъ, подчиняютъ тому же всѣхъ директоровъ и контролеровъ почтъ. Административное очищеніе, не довольствуясь этимъ, проникаетъ, помимо должностныхъ лицъ, подверженныхъ избранію, и на неподлежащихъ ему, какъ-бы ничтожно ни казалось ихъ занятіе, какъ-бы ни представлялось посредственна и слаба связь, соединяющая ихъ обязанность съ дѣлами политическими: сборщики податей и акцизные чиновники, юрисконсульты по вѣдомству лѣсоводства

¹⁾ Дювержье, «Собраніе законовъ и декретовъ»; декреты отъ 22 сентября и отъ 19 октября 1792 года. Избирательныя собранія и клубы уже раньше, по собственному почину, приступили во многихъ мѣстахъ къ подобному обновленію, и изданный декретъ только утверждаетъ ихъ выборъ.

²⁾ Стремленіе замѣнить всѣхъ якобинцами ясно высказывается въ слѣдующемъ письмѣ: «Прошу васъ отмѣтить крестомъ на поляхъ списка присяжныхъ вашего округа—хорошихъ якобинцевъ, которыхъ можно включить въ число 200 для будущаго триместра: намъ крайне нужны истинные патриоты». (Письмо главнаго прокурора Дубса отъ 23 декабря 1792 года. Сосей, III, 220).

³⁾ Петіонъ, «Мемуары» (изданіе Добана), ст. 118: «Мировой судья, сопровождавшій меня, былъ страшный болтунъ, хотя говорилъ самымъ неправильнымъ французскимъ языкомъ; онъ разсказалъ мнѣ, что до поступленія въ мировые судьи былъ наменотесомъ, но что патриотизмъ возвысилъ его до настоящаго положенія. Онъ хотѣлъ составить краткій протоколъ, чтобы поручить меня охранѣ двухъ жандармовъ, но рѣшительно не зналъ, какъ взяться за дѣло, вслѣдствіе чего я продактовалъ ему необходимое, причемъ онъ окончательно вывелъ меня въ терифнія невѣроятною медленностью, съ какою онъ писалъ».

и водяныхъ сообщеній, инженеры, нотариусы, стряпчие, мелкіе административные чиновники и писцы; ихъ всѣхъ немедленно отрѣшаютъ отъ должности, если ихъ муниципалитетъ не выдаетъ имъ атестата, удостоверяющаго ихъ патріотизмъ; въ Троя изъ пятнадцати нотариусовъ, онъ отказываетъ четвертымъ. Въ Парижѣ¹⁾, изъ морскаго министерства выгоняютъ всѣхъ образованныхъ чиновниковъ, всѣхъ честныхъ людей; военное министерство превращается въ какой-то вертепъ, гдѣ работаютъ въ красныхъ волпакахъ; гдѣ всѣмъ, даже самому министру, говорятъ ты; гдѣ четыреста чиновниковъ, въ числѣ которыхъ немало женщинъ, щеголяютъ самымъ грязнымъ костюмомъ и самымъ безстыднымъ цинизмомъ; гдѣ никто ничего не дѣлаетъ и гдѣ всѣ усердно воруютъ. Метла якобинцевъ, руководимая клубными доносами, спускается до самыхъ нижнихъ ступеней іерархіи, до секретарей сельскихъ мерій, до писцовъ и мелкихъ городскихъ конторщиковъ, до тюремщиковъ и привратниковъ, до пономарей, церковныхъ и полевыхъ сторожей, до лѣсниковъ и мелкихъ полицейскихъ приставовъ²⁾; всѣ эти люди обязаны или быть, или казаться якобинцами, а иначе мѣсто у нихъ немедленно отбирается, такъ какъ нѣтъ недостатка въ просителяхъ, желающихъ его занять. Черезъ чиновниковъ, метла достигаетъ и поставщиковъ; и дѣйствительно, поставка представляетъ немалую приманку и ее несомнѣнно слѣдуетъ предоставить своимъ сторонникамъ. Государство, даже въ обыденное время, представляется самымъ значительнымъ потребителемъ, а въ ту минуту, оно на однѣ военные издержки тратитъ 200 миліоновъ экстраординарныхъ суммъ; гдѣ же и ловить рыбу, какъ не въ такой мутной водѣ³⁾. Всѣ эти выгодные заказы, а

¹⁾ Дюмурье, III, 309, 355.—Мю-де-Мелито, «Мемуары», I, 31, 33.—Губернаторъ Морисъ, письмо отъ 14 февраля 1793 года: «Царить разнузданность, повидному непоправимая. Продажность такова, что если еще нѣтъ измѣнниковъ, то потому лишь, что непріятель лишенъ всякаго здраваго смысла.

²⁾ «Национальный архивъ», F⁷, 3,268. Письмо муниципальных чиновниковъ Рамбулье, отъ 3 октября 1792 года. Они протестуютъ противъ петиціи тамошнихъ якобинцевъ, хотищихъ смѣнить всѣхъ сорокъ лѣсныхъ сторожей, большею частію людей семейныхъ, «въ виду того, что они были на службѣ предтели-короля».—Арно, «Souvenirs d'un sexagénaire», II, 15: «Онъ самъ отказывается отъ незначительнаго мѣста, занимаемаго имъ въ экспедиціи заготовленія асигнацій, такъ какъ, говоритъ онъ, даже ничтожійшія мѣста являются приманкою и самые мелкіе чиновники подвергаются всевозможнымъ клеветамъ и доносамъ».

³⁾ Дюмурье, III, 339.—Мейланъ, «Мемуары», 27: «Верновиль сознался мнѣ, что недѣлю спустя, послѣ его назначенія военнымъ министромъ, ему дѣлали денегъ

равно и всѣ доходныя мѣста въ распоряженіи якобинцевъ, и они ихъ раздаютъ по своему усмотрѣнію: они представляютъ собою законнаго владѣтеля, возвращающагося восвоеи послѣ продолжительнаго отсутствія и, сообразно личному желанію, мѣняющаго своихъ слугъ и подчиненныхъ, а часто окончательно возобновляющаго весь свой домъ. Однихъ административныхъ и судебныхъ мѣстъ было сто тридцать тысячъ, затѣмъ множество по финансамъ, по общественнымъ работамъ, по народному просвѣщенію и церковныхъ, въ національной гвардіи и въ арміи всѣ посты, начиная отъ главнокомандующаго и кончая послѣднимъ барабанщикомъ, — однимъ словомъ, вся центральная и мѣстная власть со всѣми ея прерогативами и съ ея огромнымъ вліяніемъ; никогда еще не сваливалось грудой такая необъятная добыча. Повидимому, дѣло замѣщенія будетъ предоставлено избранію, но ясно, что якобинцы не отдадутъ своей добычи на произволъ свободнаго голосованія; силою завладѣли они ею, силою и оставятъ ее за собою, и конечно ничего не упустятъ, чтобы направить выборы сообразно своимъ цѣлямъ.

II.

Для начала они уже проложили себѣ дорогу. Съ перваго же дня, декретомъ уничтожаются послѣднія слабыя гарантіи независимости, честности и компетентности, которыя законъ доселѣ еще требовалъ отъ избирателя и отъ избираемаго. Отнынѣ уничтожается всякое различіе между дѣйствующими и пассивными

ныя предложенія, возраставшія, вслѣдствіе конкуренціи, до 1.500,000 франковъ для того, чтобы склонить его на нѣкоторыя злоупотребленія». Онъ порывается очистить министерство отъ безчисленныхъ воровъ, его наполняющихъ, за что подвергается немедленно обвиненію Марата. — «Барбару, Мемуары» (изданіе Добана). Письмо отъ 5 февраля 1793 года: Я нашелъ министра внутреннихъ дѣлъ въ слезахъ, причиною которыхъ было упрямство Виеля, побуждавшаго его преступить законъ отъ 12 октября 1791 года (о повышеніи). Виель прослужилъ лашъ четыре мѣсяца вмѣсто пяти лѣтъ, обязательныхъ по закону, но министръ боялся возбудить къ себѣ вражду человека, пользовавшагося въ клубахъ такимъ огромнымъ вліяніемъ». — Бюше и Ру, XXVII, 10, 14 мая. Рѣчь Барбару: «Общество якобинцевъ хвляется тѣмъ, что помянуло въ администраціяхъ до 9,000 своихъ агентовъ». — Тоже, XXVIII, 19 (Publication des pieces relatives au 31 mai), въ Каенѣ (сочиненіе Бергоена 28 іюня 1793 года): «Другъ мой узналъ, что мѣсто было предоставлено другому, давшему депутату взятку въ 50 лудировъ. Депутаты изъ монтаньяровъ самовластно распоряжаются отдачею мѣстъ, и назначаютъ на нихъ нѣвѣстные цѣны; тарифы эти едва ли не опубликованы».

гражданами, между цензомъ избирателей перваго и втораго разряда; затѣмъ избирательный цензъ совершенно уничтожается. Всѣ французы, за исключеніемъ домашнихъ слугъ, которымъ не довѣряютъ, опасаясь вліянія на нихъ ихъ господъ, имѣютъ право подавать голосъ на предварительныхъ собраніяхъ, и право это они получаютъ не съ двадцати пяти лѣтъ, но съ двадцати одного года, вслѣдствіе чего на выборы являются всѣ, самыя крайнія революціонныя группы: во первыхъ, очень молодые люди; во вторыхъ, неимущіе, а этихъ, при настоящей безработицѣ, нищета и голодъ, набирается огромное количество, — всего отъ двухъ съ половиною до трехъ миліоновъ новыхъ избирателей; въ Безансонѣ внесенныхъ въ списки оказывается вдвое противъ прежняго. Такимъ образомъ, всѣ обычные кліенты якобинцевъ попадаютъ въ избирательный залъ, куда ихъ прежде не пускали ¹⁾, и чтобы утвердить ихъ тамъ окончательно, патроны порѣшаютъ слѣдующее: всякій избиратель, живущій внѣ своего города, «получить по 20 су съ миля на дорогу» и сверхъ того по 3 ливра за каждый день пребыванія на выборахъ.

По мѣрѣ того, какъ они собираютъ своихъ сторонниковъ, они не забываютъ удалять своихъ противниковъ. Послѣднему немало способствовалъ политическій разбой, поработавшій Францію и наводившій на нее ужасъ. Вся эта масса произвольныхъ арестовъ, допускаемыхъ грабежей и безнаказанныхъ убійствъ представляетъ уже сама по себѣ достаточное предостереженіе кандидатамъ, не принадлежащимъ къ ихъ сектѣ; я, конечно, не включаю въ число этихъ возможныхъ кандидатовъ дворянъ или приверженцевъ стараго порядка вещей, большею частію или бѣжавшихъ, или посаженныхъ въ тюрьмы, но лишь конституціонныхъ монархистовъ и фельянтинцевъ. Всякая избирательная инициатива съ ихъ стороны была бы суцимъ безуміемъ, почти что самоубійствомъ. Вотъ почему ни одинъ изъ нихъ не выступаетъ впередъ. Если какой нибудь жалкій умѣренный, въ родѣ Дюрана-Мальяна, фигурируетъ въ спискѣ, это происхо-

¹⁾ Дюранъ-Мальянъ, «Мемуары», р. 30: «Вслѣдствіе подобнаго распоряженія, первенствующею партіею на избирательныхъ собраніяхъ сдѣлались всѣ пролетаріи Франціи, не имѣвшіе ни собственности, ни положенія или даже профессіи. Руководителями на выборахъ явились многочисленные, повсемѣстно разросшіеся клубы. Въ Устьяхъ Роны «400 избирателей, марсельцевъ, десятая часть которыхъ не имѣла никакой собственности, деспотично властвовали въ нашемъ избирательномъ собраніи. Они никому не позволяли возвышать противъ нихъ голосъ.. Избирали лишь тѣхъ, на кого указывалъ Барбару».

дить вслѣдствіе того, что революціонерамъ неизвѣстны его воззрѣнія, и къ тому же онъ влѣяется въ томъ, что ненавидитъ монархизмъ¹⁾. Остальные, болѣе честные, не желающіе напирать на себя ливреи популярности и прибѣгать къ покровительству клубовъ, совершенно воздерживаются отъ какого-либо участія въ выборахъ, слишкомъ хорошо зная, что въ подобномъ случаѣ головы ихъ несомнѣнно попадутъ на пики, а дома будутъ разграблены. Въ самый моментъ избраній раззоряютъ имѣнія многихъ депутатовъ, только благодаря тому, что «въ сравнительной таблицѣ семи поименныхъ перечислечей», посланной всѣмъ департаментамъ парижскими якобинцами, имена ихъ находятся на правой сторонѣ. Изъ вѣщней предосторожности удержали въ столицѣ всѣхъ конституціоналистовъ законодательнаго собранія; имъ отказали въ выдачѣ паспортовъ, чтобы лишить ихъ возможности вотировать въ провинціи и тамъ сообщить всю правду относительно послѣднихъ событій революціи. Также уничтожили, принудили замолкнуть или же прибѣгнуть къ отпирательству и увѣренію въ невѣдѣніи всѣ консервативные журналы и газеты. Такимъ образомъ, умѣренные, не имѣя ни органа, чтобы заявлять свои мнѣнія, ни кандидатовъ, могущихъ быть ихъ представителями, считаютъ совершенно лишнимъ вотировать, тѣмъ болѣе, что предварительныя собранія исполнены безпорядковъ и насилій²⁾; что во многихъ мѣстахъ туда допускаются исключительно патріоты³⁾; что умѣренные подвергаются тамъ

1) «Национальный архивъ», СII, 58 до 76. Протоколъ избирательнаго собранія Устьева Роны, рѣчь Дюрана-Мальяна: «Неужели же я, будучи въ національномъ собраніи, измѣню самому себѣ изъ-за этого бывшаго Людовика XVI, котораго, со времени бѣгства его 21 іюня, я считаю недостойнымъ трона? Неужели возможно, послѣ всѣхъ преступленій, совершенныхъ нашими королями, не презирать ихъ?»

2) Ретиэф-де-ля-Бретонъ, «Парижскія ночи», X ночь, стр. 301: «Немедленно устроились предварительныя собранія; китриганы сильно волновались, кричали, назначали избирателей и, сообразно плохому примѣру, показываемому секціями, шумъ и гамъ замѣняли собою большинство». «Un séjour en France», p. 29: «Предварительныя собранія уже начались въ департаментъ (Па-де-Кале). Мы случайно вошли въ какую-то церковь, гдѣ Робеспьеръ младшій держалъ рѣчь какому-то сборищу, немногочисленному и съ виду крайне непорядочному, усердно и шумно аплодировавшему».

3) Альбертъ Бабо, I, 518. Въ Троя, 26 августа, революціонеры по всѣмъ почти секціямъ рѣшаютъ, что родственники какого-либо эмигранта, представляющіе собою заложниковъ, и всѣ подписавшіеся на роялистскихъ адресахъ не будутъ допущены до вотированій. «Верховный владыка—народъ, собравшійся на предварительномъ собраніи, можетъ допустить въ число своихъ членовъ лишь

«оскорбленіямъ и совершенно задавлены большинствомъ противниковъ»; что, требуя слова, они подвергаются жесточайшей опасности, и что даже при соблюденіи строжайшаго молчанія рискуютъ подвергнуться тамъ обвиненіямъ, угрозамъ и побоямъ. Совсѣмъ не показываться, оставаться въ сторонѣ, избѣгать понасться кому-либо на глаза, заставить забыть о своемъ существованіи, — таково правило во время владычества всесильнаго папы, въ особенности же если папа этотъ — чернь. Вотъ почему большинство совершенно воздерживается и ряды избирателей все болѣе и болѣе рѣдѣютъ. Въ Парижѣ, на примѣръ, во время избранія мэра и муниципальных чиновниковъ, на октябрскихъ, ноябрскихъ и декабрскихъ собраніяхъ, изъ 160,000 внесенныхъ въ списки являются лишь 14,000, затѣмъ 10,000 и, наконецъ, 7,000. Въ Безансонѣ, изъ 7,000 внесенныхъ въ списки лишь 600 подаютъ голоса; относительно, та же пропорція оказывается и въ другихъ городахъ, въ особенности же въ Троя. Также и въ сельскихъ кантонахъ, на востокъ отъ Дубса, на западъ отъ Нижней Луары, одна лишь десятая часть избирателей рѣшается восполь-

зовать чистыхъ гражданъ, на которыхъ не можетъ пасть ни малѣйшее подозрѣніе» (Приказъ секціи Маделены). — Соевъ, III, 47, 49 и слѣдующіе. Въ Кенже, 26 августа, нѣкто Люво, арендаторъ шатильонскихъ кузницъ, при помощи сотни своихъ рабочихъ, вооруженныхъ палками, изгоняетъ изъ зала собранія избирателей Курсельскаго округа, какъ людей «подозрительныхъ и лишенныхъ патриотизма». — «Национальный архивъ», F¹, 3217. Письма Жюля, мирового судьи кантона Рокморскаго (Гарь), 31 октября 1792 г. и 23 января 1793 г., по поведи избирательныхъ приемовъ, которыхъ придерживаются въ кантонѣ: «Дютуръ сошелъ съ своего клубнаго председательскаго кресла, чтобы поддержать предложеніе повѣсить на фонарѣ всѣхъ непокорныхъ и всѣхъ неискреннихъ патриотовъ... 4 ноября онъ принудилъ многихъ гражданъ выплатить извѣстную контрибуцію, угрожая въ противномъ случаѣ снести имъ головы и разрушить ихъ дома». Его избрали мировымъ судьей. Другой, по имени Магеръ, «одобрилъ предложеніе водрузить висѣлицу, лишь бы не дѣлали этого передъ окнами его дома, и затѣмъ сказалъ въ клубѣ при многочисленномъ собраніи, что, придерживаясь законовъ, никогда не совершишь ничего достопамятнаго». Его избрали членомъ директоріи департамента. Третій, Турнье, «написалъ, что привошенія были добровольны-между тѣмъ какъ граждане давали исключительно въ видахъ самосохраненія». Его избираютъ членомъ департаментскаго совѣта. «Мирные граждане увозятъ и прячутъ всѣ свои пожитки, а сами ищутъ спасенія въ бѣгствѣ... Оставаться гдѣ бы то ни было во Франціи въ настоящее время крайня опасность; зпитезъ аристократа, фельянтинца, умѣреннаго, прилагаемый къ имени честнѣйшаго гражданина, вполне достаточенъ, чтобы лишить его всего достоинства и даже подвергнуть жизнь его жесточайшей опасности... Я стою на своемъ и вижу главную причину анархіи въ неправильномъ пониманіи, какимъ облакаютъ идею о народномъ владычествѣ».

зоваться своимъ правомъ голоса ¹⁾). Избирательный источникъ настолько истожили, запрудили и завалили, что онъ почти окончательно иссякъ; на этихъ предварительныхъ собраніяхъ, посредственно или непосредственно раздающихъ всю общественную власть, и которыя, въ виду выраженія всеобщей воли, должны быть въ полномъ своемъ составѣ, на семь миліоновъ избирателей не оказывается цѣлыхъ шести миліоновъ, трехсотъ тысячъ человѣкъ.

III.

Вслѣдствіе этого заблаговременнаго очищенія, почти всѣ перворазрядныя собранія оказываются якобинскими; такимъ образомъ, всѣ избиратели втораго разряда, назначенные ими, по большей части якобинцы, и во многихъ департаментахъ, собраніе ихъ становится самымъ анархическимъ, самымъ буйнымъ, самымъ насильственнымъ изъ всѣхъ клубовъ. Тамъ раздаются лишь крики, обвиненія, клятвы, предложенія крайне зажигательнаго свойства, подстрекающія и увлекающія восклицанія, изступленныя рѣчи парижскихъ комисаровъ, делегатовъ мѣстнаго клуба, временно живущихъ въ городѣ федералистовъ, рыбныхъ торговцевъ, требующихъ оружія ²⁾). Аррасское собраніе

¹⁾ Соеей, III, 45, 46, 221.—Альбертъ Бабо, I, 517.—Лялье, Машкульскій округъ, 225.—Изъ 600 записанныхъ избирателей вотируютъ лишь 40, назначающихъ мэра и старшаго прокурора. Сентябрьскій плебисцитъ 1795 года относительно конституціи III года соберетъ лишь 958,000 вотирующихъ по всей Франціи, такъ еще велико всеобщее нерасположеніе къ дѣлу общаго избранія и такъ сильно недоброуіе большинства. «На сто моихъ вопросовъ: Гражданинъ, какъ шли выборы въ вашемъ кантонѣ? мнѣ отвѣчали, по крайней мѣрѣ, девяносто пять разъ:—Да какое мнѣ до нихъ дѣло! Тамъ рѣшительно ничего не добьешься, или:—Что же дѣлать! насъ было такъ мало; почти всѣ честные люди отъивались принять въ нихъ участіе» (Meissner, «Voyage à Paris, vers la fin de 1795»).

²⁾ «Национальный Архивъ»: СII, 1 до 76, въ особенности же протоколы собраній: Устьевъ-Роны, Геро и Парижскаго. Рѣчь Барбару къ избирательномъ собраніи Устьевъ-Роны: «Друзья и братья, свобода погибнетъ, если вы не избереете въ національный конвентъ людей, дѣлющихъ въ своемъ сердцѣ ненависть къ королевской власти... Я ношу въ себѣ душу свободнаго человѣка; она, втеченіи четырехъ лѣтъ, питалась глубочайшею ненавистью къ королямъ. Я или умру, или избавлю Францію отъ этой зловредной расы. Я самъ до отвѣзда подпишу свой смертный приговоръ; я обозначу все, что мнѣ дорого, я укажу на все принадлежащее мнѣ, я положу на столъ кивчалъ, предназначенный прозвять мнѣ сердце, если оно хоть на минуту измѣнитъ дѣлу народа». Засѣданіе 3 сентября.—Гильонъ-де-Монлеовъ, I, 135.—Соеей, III, 140.

освобождает и чувствует женщину, задержанную за то, что она исполняла роль барабанщика на каком-то народномъ сборищѣ. Парижское собраніе братается съ версальскими избивателями и съ убійцами этампскаго мэра. Собраніе Устьевъ-Роны выдаетъ свидѣтельство въ добродѣтели глянсьерскому избивателю Журдану. Собраніе Сены-и-Марны одобряетъ предложеніе вылить пушку, могущую вмѣстить, въ замѣнъ ядра, голову Людовика XVI, и выстрѣлить ею во враговъ. Чего же удивительнаго, если избирательный корпусъ, ничего не уважающій, не способенъ уважать и самого себя и, подъ предлогомъ очищенія, безпрестанно себя калѣчить. Депютическое большинство пожелало немедленно царить нераздѣльно, и, руководствуясь исключительно своимъ благоусмотрѣніемъ, изгнало всѣхъ неправящихся ему избирателей. Оно исключаетъ, какъ недостойныхъ, въ Парижѣ, въ Энѣ, въ Верхней-Луарѣ, въ Иль-и-Виленѣ, въ Мэнѣ-и-Луарѣ всѣхъ членовъ бывшихъ фельянтинскихъ и монархическихъ клубовъ, а равно и подписавшихся на конституціонныхъ протестахъ. Въ департаментѣ Геро оно признаетъ несостоятельными избранія Сервианскаго кантона, потому что избранные, говоритъ оно, «завзятые аристократы». Въ Орнѣ оно изгоняетъ бывшего члена конституціоннаго собранія, Гупиля-де-Префельна, такъ какъ онъ подалъ голосъ за пересмотръ выборовъ, а зятя его только потому, что онъ его зять. Въ Устьяхъ-Роны, гдѣ Сеньонскій кантонъ, по ошибкѣ ли или рутинѣ «покаялся поддерживать конституцію королевства», оно кассируетъ его отсталыхъ избранниковъ, возбуждаетъ преслѣдованіе противъ «совершившагося покушенія», и посылаетъ отрядъ въ Нову, такъ какъ одинъ Новскій избиратель, мировой судья, оклеветанный, находящійся въ опасности, убѣжалъ изъ избирательнаго вертепа. Покончивъ съ очищеніемъ собраній отъ опасныхъ личностей, оно принимается за очистку чувствъ. Оно, вопреки закону, уничтожаетъ въ Парижѣ и еще по меньшей мѣрѣ въ девяти департаментахъ ¹⁾, закрытое голосованіе, послѣднее прибѣжище робкихъ

¹⁾ Мортимеръ-Терно, IV, 52. — «Национальный Архивъ», СII, 1 до 32. Протоколъ избирательнаго собранія Устьевъ-Роны, рѣчь Байя отъ 3 сентября: «Не свободенъ тотъ, кто старается скрыть свою совѣсть во тьмѣ избирательнаго ящика. Римляне, смѣло, громогласно, выбирали своихъ трибуновъ... Трибуны національнаго собранія столько же совершили въ пользу революціи, сколько штыки патриотовъ». — Въ Сены-и-Марнѣ собраніе сперва порѣшило остановиться на закрытомъ голосованіи, но, по приглашенію парижскихъ камисаровъ Ронсена и Дякруа, оно отменяетъ свое рѣшеніе и прибѣгаетъ къ открытому, по повмненной перепискѣ.

и умѣренныхъ, и предписываетъ каждому избирателю открытое и громкое голосованіе, по цоименной переключкѣ, т. е., другими словами, если онъ подаетъ голосъ противъ нихъ, то сулитъ ему въ перспективѣ повѣшеніе ¹⁾. Ничего не можетъ быть дѣйствительнѣе этого, когда дѣло идетъ о склоненіи въ свою пользу людей нерѣшительныхъ, а во многихъ мѣстахъ къ избираніямъ примѣняли самымъ насильственнымъ образомъ еще несравненно болѣе дѣйствительные и могучіе механизмы. Въ Парижѣ вотировали въ настоящей бойнѣ, все время подѣ угрозой избіенія, подѣ пивами палачей, слѣпо повинувась ихъ руководителямъ. Въ Мѣ и въ Реймсѣ засѣдающіе избиратели ясно слышали крики умерщвляемыхъ священниковъ. Въ Реймсѣ сами избиватели явились въ собраніе съ приказаніемъ избрать ихъ кандидатовъ, знаменитаго почтмейстера Друэ и Арманвиля, какого-то жалкаго пьяницу, занимавшагося разчесываніемъ шерсти; вслѣдствіе этого половина присутствующихъ удалась изъ собранія и убійцы были избраны. Изъ Ліона, два дня спустя послѣ избіенія, представитель якобинцевъ пишетъ министру: «Катастрофа, совершившаяся третьяго дня, обращаетъ въ бѣгство аристократовъ и обезпечиваетъ за нами въ Ліонѣ неоспоримое большинство». Такимъ образомъ, якобинскіе дѣятели добываютъ все, что имъ угодно, изъ всеобщаго голосованія, подверженнаго такой усиленной сортировкѣ и находящагося подѣ столь тяжелымъ гнетомъ, и добытое, подогрѣтое и фильтрованное въ революціонной ретортѣ, представляетъ концентрированный экстрактъ, квинт-эссенцію якобинскаго духа.

Впрочемъ, если полученный экстрактъ не кажется имъ достаточно крѣпкимъ, то тамъ, гдѣ они самовластны, его вовсе выебдываютъ и снова начинаютъ всю операцію. Въ Парижѣ, при помощи очистительныхъ и сверхкомплектныхъ выборовъ, новый совѣтъ городского правленія предпринимаетъ изгнаніе всѣхъ своихъ недостаточно ревностныхъ и ярыхъ членовъ, и д'Ормессона, мэра, избраннаго умѣренными, преслѣдуютъ такими ужасными угрозами, что онъ принужденъ отказаться въ самую минуту своего водворенія. Въ Ліонѣ, другой умѣренный, Нивьеръ-Шоль, дважды избранный большинствомъ 9,000 голосовъ противъ 2,000, дважды принужденъ отказаться отъ своего

¹⁾ Барбару, «Мемуары», 379: «Однажды во время избраній поднялись яростные крики: это Арльскій контръ-революціонеръ, его слѣдуетъ повѣсить. И дѣйствительно, на площади схватили какого-то арлезіанца, привели его въ собраніе и стали спускать одну изъ лампъ, чтобы повѣсить его тутъ-же на мѣстѣ».

назначенія; вслѣдъ за нимъ другой, избранный тѣмъ же большинствомъ голосовъ, внезапно хватается и бросается въ тюрьму; его избираютъ вторично, во время его нахождения въ тюрьмѣ, но клубисты упорно держатъ его тамъ, не довольствуясь тѣмъ, что заставляютъ его подписать прошеніе объ увольненіи. Еще во многихъ мѣстахъ и преимущественно въ сельскихъ кантонахъ Франшъ-Конте кассируютъ безпрестанно избранія, въ особенности же если избираемый строгій католикъ. Часто якобинское меньшинство совсѣмъ отдѣляется, собирается отдѣльно въ какомъ-нибудь кабакѣ, избираетъ своего мэра или своего мирового судью, и на этого избранника смотрятъ какъ на дѣйствительно и какъ на истого патриота; тѣмъ хуже для избранника большинства; несравненно многочислѣннѣйшіе голоса, назначавшіе его, совсѣмъ не признаются, такъ какъ это голоса «фанатиковъ». Прибѣгая къ подобнымъ способамъ, нетрудно заставить дѣйствовать по своему усмотрѣнію и принудить дать какой угодно отвѣтъ. Но легко доказать на самыхъ неоспоримыхъ фактахъ, до какой степени этотъ отвѣтъ насильственъ и неправивленъ, какая пропасть отделяетъ официальный выборъ отъ общественнаго мнѣнія, какъ наконецъ избранія совершенно искаженно передаютъ народное желаніе и чувство. Оба Севры, Мэнъ-и-Луарь, Вандея, Нижняя Луара, Морбиганъ и Финистеръ послали въ конвентъ лишь антикатолическихъ республиканцевъ, а между тѣмъ эти самые департаменты сдѣлаются неисчерпаемымъ разсадникомъ главнѣйшаго католическаго и роялистскаго возстанія. Изъ четырехъ представителей Лозеры трое-царевубійцы, а полгода спустя тридцать тысячъ крестьянъ выступаютъ подъ бѣлымъ знаменемъ. Изъ девяти представителей Вандеи шестеро-царевубійцы, а вскорѣ все оно поднимется во имя короля ¹⁾).

IV.

Не смотря на усиленное давленіе, избирательная машина не выработала всего, что отъ нея требовали. Въ самомъ на-

¹⁾ «Мониторъ», XV, 184 до 223 (поименная переписка по поводу наказанія, какому слѣдовало подвергнуть Людовика XVI).—Дюмурье, II, 73 (Дюмурье призываетъ въ Парижъ 2 февраля 1795 года, предварительно посѣтивъ весь сѣверный берегъ отъ Дюнкирхена до Антверпена): «Дюмурье нашелъ, что во всей Пикардіи, въ Артуа и приморской части Фландріи, народъ былъ сильно потрясенъ и опечаленъ трагическою смертью Людовика XVI. Имя якобинцевъ все-лало вездѣ столько же отвращенія, сколько и ужаса».

чалъ сессій изъ семисотъ сорока девяти депутатовъ находится лишь какихъ нибудь пятьдесятъ¹⁾, одобряющихъ новое городское правленіе (комуну), и всѣ пятьдесятъ избраны, какъ въ Реймсъ и въ Парижѣ, «при помощи кинжаловъ, пистолетовъ и топоровъ, поднятыхъ надъ избирателями». Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ физическая потребность убійства не была настолько остра и неотразима, какой-то остатокъ совѣсти удерживаетъ отъ слишкомъ волюющихъ выборовъ. Нѣкоторые изъ нихъ неминуемо должны были пасть на людей извѣстныхъ; такимъ образомъ, въ конвентъ попадаютъ семьдесятъ семь членовъ учредительнаго собранія и сто восемьдесятъ шесть законодательнаго, и многіе изъ нихъ просвѣщены извѣстнымъ опытомъ въ дѣлѣ государственнаго правленія. Короче, у шестисотъ пятидесяти депутатовъ совѣсть и разумъ искажены лишь на половину.

Конечно, всѣ они завзятые республиканцы, враги традиціи, апостолы разума, послѣдователи дедуктивной политики; лишь подобные допускались къ избранію. Каждый кандидатъ обязанъ былъ пронизнуться яacobинскимъ догматомъ или, по крайней мѣрѣ, во всеуслышаніе заявлять о знаніи революціоннаго символа и о служеніи ему. Вслѣдствіе этого, конвентъ, уже на первомъ своемъ засѣданіи, восторженно и единогласно вотируетъ низложеніе короля, и три мѣсяца спустя, онъ же, огромнымъ большинствомъ голосовъ, признаетъ Людовика XVI «виновнымъ

¹⁾ Число это крайне знаменательно и подтверждается слѣдующими данными. «Мониторъ», засѣданіе 29 декабря 1792 года. Рѣчь Бирото: «Какихъ нибудь пятьдесятъ членовъ противъ 690... Человѣкъ двадцать бывшихъ дворянъ, отъ пятнадцати до двадцати священниковъ и человѣкъ двѣнадцать сентябрьскихъ судей думаю одержать верхъ надъ 700 депутатами».—Мортимеръ-Терно, VI, 557 (адресъ Тальена къ парижанамъ, 23 декабря, противъ изгнанія герцога Орлеанскаго): «Завтра, подъ пустымъ предлогомъ какъ-бы общественной безопасности, пожалуй, изгонять тѣхъ 60 или 80 членовъ, которые, вслѣдствіе своей мужественной энергіи и непоколебимой приверженности къ своимъ принципамъ, очень не нравятся всей партіи Бриссо».—«Мониторъ», XV, 74 (6 января), Робеспьеръ, обращаясь къ Ролану, употребилъ выраженіе: «мятежные министры». Поднимаются крики: «Долой, предать его суду, въ Аббей!» «Возможно ли такъ обращаться, говорить одинъ изъ членовъ,—съ честнымъ министромъ, уважаемымъ всею Франціею?» Барнавъ хохотъ человѣкъ шестидесяти изъ членовъ покрываетъ это восклицаніе.—Тоже, XV, 114 (11 января). Бюзо обвиняетъ анархическую партію, Гарнье отвѣчаетъ ему: «Вы клеветаете на Парижъ, вы проповѣдуете междуусобную войну». «Да, да, онъ правъ!» восклицаютъ тѣ же шестидесять членовъ.—Бюше и Ру, XXIV, 368 (26 января). Дѣло идетъ о рѣшеніи относительно преданія Марата суду. «Заявленіе недовольства на лѣвой сторонѣ; шестидесять членовъ громко требуютъ возвращенія къ очерченнымъ дѣламъ».

въ заговорѣ противъ свободы націи и въ покушеніи на общественную безопасность всего государства»¹⁾. Но помимо предразсудковъ политическихъ, есть и глубоко укоренившіяся общественныя привычки. Человѣкъ, уже вслѣдствіе того, что родился и долго жилъ въ издревле установившемся обществѣ, носитъ на себѣ его отпечатокъ, и всѣ правила, которыхъ оно придерживается, проницели его, въ видѣ извѣстныхъ чувствъ и ощущеній; если общество благоустроено, онъ невольно проникается уваженіемъ къ собственности и къ человѣческой жизни, и въ большинствѣ случаевъ уваженіе это пускаетъ очень глубокіе корни. Новая, даже вполнѣ усвоенная теорія все-таки не въ состояніи уничтожить его; это удастся лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, когда попадаютъ натуры грубыя и искаженныя; для достиженія полнѣйшаго результата теоріи необходимо коснуться тѣхъ, къ счастью, малочисленныхъ наслѣдниковъ исконнаго стремленія къ разрушенію, тѣхъ отсталыхъ душъ, въ которыхъ еще гнѣздятся первобытныя страсти давно прошедшихъ временъ; тогда только способна она проявить всю свою зловредность, такъ какъ она пробуждаетъ хищныя инстинкты грабителя и варвара, разбойника, инквизитора и папи. И наоборотъ, не смотря на всѣ ея усилія, честность и человѣколюбіе остаются всегда могущественными двигателями у громаднаго большинства. Всѣ наши законодатели, рожденные по большей части въ средней буржуазіи, каково бы ни было моментальное возбужденіе ихъ мозга, оставались, въ сущности, тѣмъ, чѣмъ были доселѣ: адвокатами, прокурорами, негоціантами, священниками, или докторами стараго режима, и чѣмъ они будутъ впослѣдствіи, покорными подчиненными и ревностными чиновниками и дѣятелями имперіи²⁾, т. е.

¹⁾ Бюше и Ру, XIX, 17, и XXIII, 168. 683 голоса объявляютъ короля виновнымъ; 37 членовъ отказываются судить его; изъ числа этихъ 37, 26, какъ частные люди или законовѣды, находятъ короля виновнымъ. Даже ни единый изъ остальныхъ 11 не объявляетъ его невиннымъ.

²⁾ «Биографическій словарь», сочиненіе Эмери, 1807 года (4 тома). Здѣсь легко прослѣдить положеніе членовъ народнаго конвента, пережившихъ революцію. Большинство изъ нихъ впослѣдствіи были судьями по гражданскому или уголовному вѣдомству, префектами, полицейскими комиссарами, стодоначальниками или завѣдывающими конторами, почтмейстерами, акцизными чиновниками, по министерству финансовъ и т. д. На всѣхъ вышеозначенныхъ членовъ конвента пропорція царубійцъ была слѣдующая: изъ 23 префектовъ 21 подавъ голосъ за смерть короля; на 43 члена магистратуры 42 поступили такъимъ же образомъ, 43-ій же былъ въ то время боленъ и, слѣдовательно, отсутствовалъ; изъ 5 сенаторовъ 4—въ пользу смерти; изъ 16 депутатовъ 14—тоже; изъ 36 различныхъ

цивилизованными людьми самаго обыкновеннаго разряда, буржуа восемнадцатаго и девятнадцатаго столѣтій, достаточно честные въ частной жизни и желающіе быть таковыми же въ жизни общественной. Вотъ почему они ненавидятъ анархію, Марата ¹⁾, сентябрьскихъ убійцъ и грабителей. На третьемъ своемъ засѣданіи они «почти единогласно» вотируютъ въ пользу разработки закона противъ подстрекателей къ убійству». Они «почти единогласно» хотятъ создать для себя охранную стражу, набранную во всѣхъ восьмидесяти трехъ департаментахъ противъ вооруженныхъ шаекъ Парижа и новаго городского правленія (коммуны). Они опять-таки «почти единогласно» избрали первымъ своимъ президентомъ Петіона. Ролана, читающаго имъ свой докладъ, они привѣтствуютъ дружнымъ и «почти единодушнымъ» рукоплесканіемъ всего собранія». Однимъ словомъ, они стоятъ за республику идеальную и возмущаются противъ дѣйствующихъ разбойниковъ. Вотъ почему они группируются вокругъ честныхъ и хорошо испытанныхъ депутатовъ, которые въ обѣихъ предшествовавшихъ собраніяхъ или помимо ихъ тверже другихъ стояли и за челоуѣколюбіе, и за принципы; вокругъ Бюзо, Ланжуине, Петіона, Рабо-Свѣтъ-Этьена; вокругъ Бриссо, Верньо, Гаде, Жансонне, Изнара и Кондорсе; вокругъ Ролана, Луве, Барбару; и всѣ пятьсотъ депутатовъ центра дружно пойдутъ за сто восьмидесятью жирондистами, составляющими въ настоящее время правую сторону ¹⁾.

Изъ числа всѣхъ республиканцевъ, послѣдніе заслуживаютъ большаго уваженія и довѣрія, такъ какъ всѣ они таковыя уже издавна, вслѣдствіе размышленія, изученія и системы, почти всѣ люди ученые и начитанные, резонеры и философы, послѣдова-

должностныхъ лицъ 35 подали голосъ въ пользу смерти. Въ числѣ остальныхъ царубійцъ насчитываютъ еще двухъ государственныхъ совѣтниковъ, четырехъ дипломатовъ и консуловъ, двухъ генераловъ, двухъ главныхъ сборщиковъ податей, одного главнаго полицейскаго комисара, одного жандармскаго полковника, одного министра короля Іосіа (Бонапарта), министра полиціи и архиканцлера имперіи.

¹⁾ Бюше и Ру, XIX, 97, засѣданіе 25 сентября 1792 года. Маратъ: «У меня въ этомъ собраніи огромное количество личныхъ враговъ». — «Всѣ мы, всѣ мы!» восклицаютъ всѣ члены собранія, въ негодованіи поднимающъ съ своихъ мѣстъ». — Тоже, XIX, 9, 49, 63, 338.

²⁾ Мейланъ, «Мемуары», 20. — Бюше и Ру, XXVI, засѣданіе 15 апрѣля 1793 года. Обвиненіе двадцати двухъ парижскими секціями; Бойе-Феноредъ сожалѣетъ, «что имя его не внесено въ этотъ почетный списокъ (обвиняемыхъ)». — «И мы объ этомъ жалѣемъ, всѣ, всѣ!» восклицаютъ три четверти членовъ собранія, вставая.

тели Дидро или Руссо, убѣжденные въ томъ, что абсолютнѣйшая истина была открыта ихъ великими учителями, проникнутые идеями энциклопедіи или общественнаго договора, какъ бывало пуритане библейскими учениями ¹⁾. Въ тѣ годы, когда формирующійся умъ пламенно увлекается общими идеями, они всецѣло отдались своей теоріи, мечтая пересоздать весь общественный строй на принципахъ отвлеченныхъ. Съ этою цѣлью они принялись за дѣло, какъ истые логики, со всею поверхностною и фальшивою суровостью общепринятаго въ то время анализа: они представили себѣ человѣка вообще, присущаго всѣмъ временамъ и странамъ, какое-то извлеченіе, какой-то минимумъ человѣка; они изучали, разобрали такимъ образомъ тысячи, миліоны этихъ сокращенныхъ существъ, возвели на степень первобытныхъ, неотъемлемыхъ правъ ихъ воображаемую волю, и напередъ составили химерическій договоръ ихъ невысказаннаго слиянія. Полнѣйшее уничтоженіе всякихъ привилегій, наследственности ценза; полнѣйшее право всѣмъ быть избранными; право всѣхъ быть равными членами общаго владыки народа; всякая власть, вручаемая лишь на короткій срокъ и по избранію; одно единственное собраніе, ежегодно избираемое и возобновляемое во всемъ своемъ составѣ; исполнительный совѣтъ, избираемый и возобновляемый ежегодно на половину; національное казначейство, треть членовъ котораго должна ежегодно обновляться; избираемыя мѣстныя администраціи, избираемые суды; полнѣйшій отчетъ, отдаваемый народу, полнѣйшая инициатива избирательнаго корпуса, непрестанная апелляція къ верховному владыкѣ, непрестанно вопрошаемому, непрестанно дѣйствующему, изъявляющему свою волю не только выборомъ своихъ уполномоченныхъ, но также «цензурою», которой онъ подвергнетъ законъ, — таковъ родъ правленія, который они себѣ создаютъ. «Англійскій родъ правленія, говоритъ Кондорсе, — созданъ лишь для богатыхъ, американскій — для гражданъ достаточныхъ, французскій же долженъ быть примѣняемъ ко всѣмъ людямъ вообще». Вотъ почему онъ единственный законный; всякое учрежденіе, удаляю-

¹⁾ «Національный архивъ», А. Е. II, 45. Письмо Томаса Пайна къ Дантону, отъ 6 мая 1792 г. (написанное по-англійски). «Я не знаю ни лучшихъ людей, ни лучшихъ патриотовъ». Письмо это, подобное съ рѣчами и съ печатными статьями того времени, производитъ, вслѣдствіе своего здраваго смысла, весьма странное впечатлѣніе. Этотъ англо-американецъ, не смотря на весь свой радикализмъ, руководствуется въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ, исключительно лишь примѣрами и опытомъ.

щеся отъ него, противно праву естественному и, слѣдовательно, должно быть низвергнуто. Такимъ образомъ и поступили жирондисты въ періодъ законодательнаго собранія; всѣмъ хорошо извѣстны приемы, которыхъ они придерживались: преслѣдованія духовенства и католиковъ, ихъ насилія противъ феодальной собственности, ихъ захватъ законной власти короля, ихъ ожесточеніе противъ остатковъ стараго режима, ихъ снисхожденіе къ преступленіямъ народа, вся ихъ крутость, ихъ стремительность, ихъ дерзость и иллюзіи ¹⁾, дошедшія до того, что они ввергли Францію въ войну противъ почти всей Европы, что они вручили оружіе самой грубой и звѣрской черни, что въ низверженіи всякаго порядка они мнили видѣть начало царствованія философіи и торжество разума. Жирондистъ, когда дѣло касается его утопіи, становится исключительно септаторомъ, не допускающимъ никакихъ отступленій, идущимъ на проломъ. Что ему въ томъ, если девять избирателей изъ десяти совсѣмъ не вотировали: онъ считаетъ себя законнымъ представителемъ всѣхъ десяти. Что ему въ томъ, если огромное большинство французовъ стоитъ за конституцію 1721 г.: онъ заставитъ ихъ всѣхъ признать свою. Что ему въ томъ, если старинные противники его, король, эмигранты, неприсягнувшіе священники, люди честные или по крайней мѣрѣ заслуживающіе снисхожденія: онъ разразится противъ нихъ всѣми строгостями, всѣми карами закона, онъ подвергнетъ ихъ выселенію, конфискаціямъ, смерти гражданской и смерти физической. Онъ непогрѣшимый судья въ своихъ собственныхъ глазахъ и предвѣчная справедливость облекаетъ его этимъ саномъ; ничто не можетъ быть пагубнѣе для человѣка подобнаго самообольщенія и ослѣпленія относительно абсолютнаго права; ничто такъ не способствуетъ совершенному разрушенію въ немъ наслѣдственнаго зданія нравственныхъ началъ. Но жирондисты, въ тѣсной сферѣ своего догмата, по своему искренны и послѣдовательны; они понимаютъ свои формулы; они умѣютъ выводить изъ нихъ слѣдствіе; они вѣрятъ въ нихъ подобно тому, какъ математикъ вѣритъ въ свои теоремы и

¹⁾ Бюше и Ру, XXIV, 102. Проектъ Кондорсе, представленный отъ имени конституціоннаго комитета 15 и 16 августа 1793 г. Кондорсе прилагаетъ къ проекту этому длинный докладъ и публикуетъ, помимо того, въ «Парижской хроникѣ» анализъ своего доклада. Анализъ этотъ содержитъ въ себѣ слѣдующее крайне странное изрѣченіе: «Во всѣхъ свободныхъ странахъ не безъ основанія опасаются вліянія черни; но дайте всѣмъ людямъ совершенно равныя права и черни не будетъ».

теологъ въ догматы своей вѣры; они хотятъ примѣнить ихъ, учредить свою конституцію, свое правильное правленіе; хотятъ выйти изъ варварскаго состоянія, положить конецъ уличной расправѣ, разбоямъ, убійствамъ, царству грубой силы и обнаженныхъ рукъ.

Къ тому же безпорядокъ, отталкивающій ихъ въ качествѣ логиковъ, противенъ имъ и какъ людямъ развитымъ и цивилизованнымъ. У нихъ извѣстная осанка, выдержка, потребность соблюдать приличія и даже изящные вкусы ¹⁾. Они не понимаютъ грубыхъ пріемовъ Дантона, его ругательствъ, его божбы, его простонародной фамильярности. Они не поселились, подобно Робеспьеру, въ семействѣ столяра и не живутъ одною жизнью съ людьми этой среды. Ни одинъ изъ нихъ «не хвалится», подобно военному министру Папу, тѣмъ, «что онъ отправляется пообѣдать къ своему привратнику» и что посылаетъ дочерей своихъ въ клубъ цѣловать братскимъ поцѣлуемъ пьяныхъ якобинцевъ. У мадамъ Роланъ открытый салонъ, хотя педантичный и суровый. Барбару пишетъ стихи какой-то марепзѣ, которая, послѣ 2 іюня, послѣдуетъ за нимъ въ Каенъ ²⁾. Кондорсе жилъ въ высшемъ обществѣ и жена его, бывшая канонисса, обладаетъ изяществомъ, развитіемъ, воспитаніемъ, тонкимъ чутіемъ высшаго образованія. Понятно, что подобные люди не могутъ допустить постоянной нелѣпой и грубой диктатуры вооруженной черни. Для пополненія государственнаго казначейства, имъ нужны

¹⁾ Характеръ этотъ отчетливо опредѣляется въ укорахъ, съ которыми къ нимъ обращается народная партія, устами Фабра д'Эглантина (Мейланъ, «Мемуары», 323. Рѣчь Фабра д'Эглантина въ клубъ якобинцевъ, по поводу адреса коммунистическаго городского правленія о дѣлѣ изгнанія двадцати двухъ): «Вы иногда руководили народомъ, вы даже иногда старались приласкать его; но ласки ваши носили на себѣ отпечатокъ сухости и аристократическаго отвращенія, которыя не могли насъ обмануть. Ваша система, вполне патриціанская и только покрывавшаяся буржуазіей, такъ и просвѣчивала во всѣхъ вашихъ словахъ, во всѣхъ вашихъ поступкахъ; вы не желали смѣшаться, слиться съ народомъ. Однимъ словомъ, вотъ ваша доктрина: народъ, сдѣлавъ свое дѣло въ революціяхъ, долженъ вернуться къ праху, считается ни во что и безпрекословно подчиняться руководству всѣхъ тѣхъ, которые дальновиднѣе и берутъ на себя трудъ вести его. Вы, Бриссо, и въ особенности вы, Петъонъ, принимали насъ спѣсиво, высокомерно. Вы никогда не протягивали намъ всей руки, а лишь одинъ палець; вы даже не воздерживались отъ этого сладострастія честолюбцевъ, отъ дерзости и презрѣнія».

²⁾ Эдмонъ Бире, «La Légende des Girondins», (Неизданные отрывки «Мемуаровъ» Петъона и Барбару, приводимые Вателемъ въ его «Шарлоттѣ Корде и жиродинцы», III, 471, 478).

правильные налоги, а не произвольныя конфискаціи. Для усмиренія злонамѣренныхъ, они требуютъ наказаній, а не казни¹⁾. Они отклоняютъ особые суды для разсмотрѣнія государственныхъ преступленій и стараются сохранить за обвиненными хоть нѣкоторыя изъ прежнихъ гарантій. Если они находятъ короля виновнымъ, то не рѣшаются осудить его на смерть и стараются снять съ себя отвѣтственность, апеллируя къ народу. «Законовъ, а не крови», слова эти торжественно произнесенныя въ одной изъ комедій того времени, вотъ къ чему сводится вся ихъ политическая идея. Между тѣмъ, по своей сути, законъ, въ особенности же республиканскій, общеобязателенъ; разъ какъ онъ изданъ, никто, ни гражданинъ, ни городъ, ни партія не смѣетъ отказать ему въ повиновеніи, не совершая при этомъ преступленія. Чудовищно и непростительно, чтобы одинъ городъ управлялъ всею націею. Парижъ, подобно остальнымъ департаментамъ, долженъ пользоваться лишь восьмьдесятъ третьей долею вліянія. Чудовищно и непростительно, что въ столицѣ, имѣющей 700,000 жителей, какихъ-нибудь пять или шесть тысячъ крайнихъ якобинцевъ притѣсняютъ секціи и одни совершаютъ всѣ выборы; и въ секціяхъ, и на выборахъ, всѣ граждане или по крайней мѣрѣ всѣ республиканцы должны имѣть совершенно равное право голоса. Чудовищно и непростительно, что принципомъ народнаго владычества прикрываютъ покушенія противъ него же самаго; что подъ предлогомъ спасенія государства первому встрѣчному предоставляется право убивать кого ему заблагоразсудится; что подъ видомъ сопротивленія гнету, каждому скопищу, каждой шайкѣ дается право свергнуть установленное правительство.

Вотъ почему слѣдуетъ умиротворить это воинствующее право, придать ему законныя формы, подчинить его опредѣленной процедурѣ. Если какое либо частное лицо желаетъ утверженія новаго закона, проведенія какой нибудь реформы или принятія повой общественной мѣры, пусть оно выскажется въ этомъ смыслѣ на бумагѣ, подписанной имъ же и еще пятидесятью гражданами членами того же предварительнаго собранія; тогда предложеніе его будетъ подвергнуто обсужденію его же предварительнаго собранія; затѣмъ, въ случаѣ большинства голосовъ за его предложеніе, обсужденію предварительныхъ собраній его

¹⁾ Бюше и Ру, XXV, стр. 376, 377, 378. Рѣчь Верньо (10 апрѣля): «Хотятъ совершить революцію терроромъ; я же хотѣлъ бы совершить ее любовью».

округа; затѣмъ, опять въ случаѣ большинства голосовъ, обсужденію предварительныхъ собраній его департамента; затѣмъ, въ случаѣ того же большинства, обсужденію законодательнаго корпуса; наконецъ, въ случаѣ отказа послѣдняго, оно будетъ подвергнуто обсужденію предварительныхъ собраній всего государства, такъ что послѣ вторичнаго рѣшенія тѣхъ же собраній, вторично спрошенныхъ, законодательный корпусъ, преклоняясь передъ всеобщимъ большинствомъ голосовъ, долженъ раскасироваться и уступить мѣсто новому законодательному корпусу, изъ котораго будутъ исключены всѣ его старые члены. Вотъ послѣднее слово и образцовое произведеніе теоріи; мудрый строитель, Кондорсе, превзошелъ самого себя; невозможно начертать на бумагѣ болѣе замысловатаго и болѣе сложнаго механизма; жирондисты, послѣ этой заключительной статьи вполне безукоризненной конституціи, воображаютъ, что нашли средство обуздать звѣря и заставить почитать настоящаго владыку.

Какъ будто представлялась возможность обуздать звѣря какою либо государственной конституціей, въ особенности же вышеописанной! Неужели же звѣрь такъ смирился, что скромно протянетъ шею и дастъ одѣть на себя намордникъ! Робеспьеръ, на статью Кондорсе, отвѣчаетъ отъ имени якобинцевъ совершенно противоположною статью: «Подчинить законнымъ формамъ сопротивленіе притѣсненію, да это самая утонченная, самая гнетущая тиранія... Когда правительство попираетъ права народа, то возстаніе всего народа и каждой его отдѣльной части является священнѣйшимъ долгомъ». А противъ этого вѣчно грохочущаго возстанія совершенно безсильны и политическое правотвореніе, и самые логическіе и точные выводы, и увлекательнѣйшій даръ слова. «Философы наши, говоритъ одинъ тонкій наблюдатель ¹⁾),—думаютъ достигъ всего силою своей убѣди-

¹⁾ Шмидтъ, «Картины французской революціи», II, 4. Докладъ Дютара, 6 іюня 1793 года.—Состояніе умовъ якобинцевъ представляетъ разительный контрастъ и прекрасно высказывается въ слѣдующихъ рѣчахъ: «Мы деспотически желаемъ народной конституціи».—Буше и Ру, XXIII, 274. Рѣчь Лего вѣ клубѣ якобинцевъ, 1 января: «Патріотовъ не считаютъ, но взвѣшиваютъ... Одинъ патріотъ на всѣхъ правосудія долженъ вѣсить болѣе нежели 100,000 аристократовъ. Одинъ якобинецъ—болѣе нежели 10,000 сельянтинцевъ. Одинъ республиканецъ—болѣе нежели 100,000 монархистовъ. Одинъ монтаньяръ—болѣе 100,000 сторонниковъ Бриссо. Изъ чего я заключаю, что большое число голосовъ вотирующихъ противъ казни Людовика XVI не должно удержать конвентъ отъ произнесенія этого приговора, даже если самое незначительное меньшинство націи требуетъ смерти Капета» (аплодисменты).

Кн. V.—Май, 1882.

тельности; иначе сказать, они словно думаютъ, что достаточно краснорѣчивыхъ аргументовъ, блестящихъ рѣчей, ловко набросанныхъ плановъ, чтобы одерживать побѣды. Скоро, по ихъ мнѣнію, нужно будетъ, вмѣсто пушекъ, принести на поле битвы полное изданіе сочиненій Маккиавела, Руссо или Монтескье, а между тѣмъ они не замѣчаютъ, что люди эти, вмѣстѣ со всѣми своими произведеніями, и были и есть безсильные глупцы, если поставить ихъ рядомъ съ головорѣзомъ, вооруженнымъ хорошею саблею». И дѣйствительно, парламентская почва давно уже ускользнула изъ-подъ ногъ; вернулись къ природному, естественному состоянію, т. е. къ войнѣ, и теперь дѣло было уже не въ преніяхъ или спорахъ, а въ грубой физической силѣ. Быть правымъ, убѣдить конвентъ, склонить большинство на свою сторону, добиться утвержденія извѣстныхъ декретовъ, все это прилагается въ обыкновенное время, при правленіи, снабженномъ вооруженною силою и правильною администраціей, когда декреты, произнесенные большинствомъ голосовъ, спускаются съ вершины общественной власти по іерархическимъ ступенямъ, т. е. черезъ посредство покорныхъ исполнителей, до сочувствующаго и благодарнаго народа. Но во время анархій, въ особенности же въ вертепѣ парижской комунѣ (новаго городского правленія), какою создало ее десятое августа и второе сентября—все это было совершенно бесполезно.

V.

Къ тому же жирондисты, въ этомъ огромномъ Парижѣ, были со всѣмъ изолированы; они, въ случаѣ опасности, не могли рассчитывать ни на какихъ ревностныхъ приверженцевъ, такъ какъ, если огромное большинство было и противъ ихъ соперниковъ, то оно все-таки было не за нихъ; оно осталось втайнѣ «привержено конституціи»¹⁾. «Мнѣ, пожалуй удалось бы, говорить одинъ наблюдатель по профессіи,—завладѣть Парижемъ въ какую нибудь недѣлю, не

¹⁾ Бюзо, «Мемуары», 33: «Большинство французовъ вздыхало по королевской власти и по конституціи 1790 года. Въ особенности же это замѣчалось въ Парижѣ, гдѣ подобное желаніе было очень распространено. Вся стремленія, вся надежды обращены на конституцію 1791 года».—Шмидтъ, I, 232 (Дюгарь, 16 мая). Дюгарь, бывший стряпчій, другъ Гаря, одинъ изъ рядныхъ людей не увлекающійся словами; будучи дѣятелемъ, энергиченъ, проникателенъ, онъ непрестанно даетъ весьма практичныя совѣты и вполне заслуживаетъ иннаго положенія, нежели занимаемого имъ какъ помощника и сотрудника Гаря.

обнаживъ меча, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, будь у меня шесть тысячъ человѣкъ и хоть конюхъ Лафайета, который бы ими предводительствовалъ». И дѣйствительно, съ тѣхъ поръ какъ роялисты или эмигрировали, или попрятались, Лафайетъ болѣе нежели кто либо олицетворялъ собою сокровенное, старинное и упорное мнѣніе столицы. Парижъ терпитъ жирондистовъ подобно тому какъ онъ терпитъ монтаньяровъ, въ качествѣ узурпаторовъ; большая часть населенія негодуетъ на нихъ, и не только буржуазія, но и большинство простаго народа въ душѣ противится установленному порядку вещей.

Да и немудрено: въ работѣ ощущается всеобщій недостатокъ; всѣ съѣстные припасы непомерно вздорожали; цѣна на водку утроилась; на пуассійскій рынокъ пригоняютъ лишь четыреста быковъ вмѣсто семи или восьми тысячъ; мясники говорятъ, что на будущей недѣлѣ весь Парижъ останется безъ мяса, что его хватитъ только на больныхъ. Чтобы добыть скудную порцію хлѣба, надо въ теченіи пяти или шести часовъ выждать у дверей булочниковъ¹⁾, а рабочіе и хозяйки, по обыкновенію, сваливаютъ все на правительство. Правительство это, такъ плохо заботящееся объ удовлетвореніи ихъ нужды и потребностей, еще оскорбляетъ ихъ въ самыхъ заветныхъ ихъ чувствахъ, въ самыхъ дорогихъ привычкахъ, въ ихъ вѣрѣ и религіозныхъ обрядахъ. Въ то время простой народъ въ Парижѣ былъ еще очень религіозенъ, несравненно религіознѣе нынѣшняго. Если, напримеръ, священникъ съ св. дарами проходилъ по улицѣ, собиралась толпа со всѣхъ сторонъ, и всѣ рѣшительно, мужчины, женщины, старые и молодые, набожно бросались на колѣни. «Въ тотъ день, когда совершается по улицѣ Сэнъ-Мартенъ процесія съ ракою Сэнъ-Ле, всѣ присутствующіе падаютъ ницъ; я не видѣлъ, говоритъ одинъ очевидецъ-наблюдатель,—ни единого человѣка, который бы не снялъ шляпы». Въ кордегардіи Моконсельской секціи весь отрядъ сдѣлалъ на караулъ. «Въ то же время рыночныя гражданки совѣщались о томъ, нельзя

¹⁾ Добанъ, «Парижская демагогія въ 1793 году», стр. 152. (Diurnal de Reaillon, 17 avril).—«Национальный архивъ», АФ, II, 45 (докладъ полиціи, отъ 20 мая): «Дороговизна жизненныхъ припасовъ—главная причина волненій и ропота».—(Тоже, 24 мая): «Спокойствіе, повидимому, господствующее въ Парижѣ, будетъ скоро нарушено, если цѣна на съѣстные продукты первой необходимости не упадетъ въ самое непродолжительное время».—(Тоже, 25 мая): «Ропотъ на дороговизну жизненныхъ припасовъ возрастаетъ съ каждымъ днемъ, и это обстоятельство будетъ, повидимому, одною изъ причинъ подготавливающихся событий».

ли разукрасить дома и улицы». На слѣдующей педѣлѣ онѣ принуждаютъ сѣнть-эсташскій революціонный комитетъ дозволить другую процесію и на этотъ разъ опять всѣ падаютъ на колѣни. «Всѣ одобрили процесію и рѣшительно никто не высказался противъ нея. Это поистинѣ поразительная картина... Я видѣлъ тамъ раскаяніе, я видѣлъ ту параллель, которую каждый невольно проводитъ между настоящимъ и прошлымъ положеніемъ вещей; я видѣлъ, какимъ огромнымъ лишеніемъ для народа была утрата церемоніи, когда-то прекраснѣйшей во всемъ церковномъ служеніи. Люди всѣхъ сословій, всѣхъ возрастовъ, казались пристыженными, угрюмыми, и у многихъ на глазахъ были слезы». А между тѣмъ жирондисты на этотъ счетъ, какъ проповѣдники философіи, были болѣе нетерпимы, были сильнѣйшіе иконоборцы нежели кто-либо ¹⁾, и потому не было причины предпочесть ихъ ихъ противникамъ. Въ сущности, правленіе, учрежденное послѣднею избирательною комедіей, представляло для огромнаго большинства парижанъ всѣхъ рѣшительно сословій лишь случайно водворившуюся власть; ей покорялись, за нимѣніемъ лучшей, въ то же время сознавая ея полнѣйшую несостоятельность: это было правленіе чужеземцевъ, пришлецовъ, людей насильно втершихся, смутниковъ, людей неумѣлыхъ, слабыхъ и необузданныхъ. Конвентъ не пустилъ корней ни въ народъ, ни въ буржуазію, и по мѣрѣ того какъ онъ спускался все ниже и ниже по революціонной покатости, онъ самъ разрывалъ одну за другой всѣ нити, еще кое-какъ связывавшія съ нимъ людей равнодушныхъ и безучастныхъ.

Конвентъ, послѣ восьмимѣсячнаго царствованія, окончательно

¹⁾ Дюранъ-Мальянъ, 100: «Партія жирондистовъ была еще безбожнѣ Робеспьера».—На требованіе одного изъ депутатовъ, чтобы въ вступительной рѣчи новой конституціи упоминалось о Высшемъ существѣ, Верньо отвѣчаетъ: «Намъ нѣтъ никакой надобности ни въ нимѣѣ Нумы, ни въ голубѣ Магомета; намъ вполне достаточно одного разума, чтобы создать для Франціи мудрѣйшую изъ всѣхъ конституцій».—Бюше и Ру, XIII, 444. Въ отвѣтъ на слова Робеспьера о томъ, что онъ видитъ въ смерти императора Деопольда дѣло рукъ Провидѣнія, Гаде говоритъ, что «подобная идея совершенно безмысленна», и укоряетъ Робеспьера въ томъ, что онъ «способствуетъ возвращенію народа подъ гнетъ предразсудка».—Тоже, XXVI, 63 (засѣданіе 19 апрѣля 1795 года). Рѣчь Верньо противъ девятой статьи «Декларациі правъ», устанавливающей «полнѣйшую свободу совѣсти и вѣроисповѣданія».—«Статья эта, говоритъ Верньо,—результатъ деспотизма и предразсудка, издавна насъ гнетущихъ».—Салъ: «Я предлагаю конвенту составить статью, въ силу которой каждый гражданинъ, каково бы ни было его вѣроисповѣданіе, обязуется безпрекословно повиноваться закону».

возстановилъ противъ себя общественное мнѣніе. «Почти всѣ ямѣющіе какую-либо собственность принадлежатъ къ умѣреннымъ», а всѣ умѣренные противъ него. «Всѣ жандармы, здѣсь находящіеся, говорятъ открыто противъ революціи, дѣлая это даже передъ самыми дверьми революціоннаго судилища, рѣшенія котораго они открыто порицаютъ. Всѣ старые солдаты ненавидятъ настоящіе порядки». Волонтеры, «вернувшіеся изъ арміи, повидимому недовольны тѣмъ, что казнили короля, и, уже изъ-за этого одного, готовы задушить всѣхъ якобинцевъ». Ни одна партія во всемъ конвентѣ не избѣгаетъ этого всеобщаго нерасположенія и этого возрастающаго отвращенія. Если бы, при помощи поименной переклички, рѣшился вопросъ о томъ, гильотинировать ли всѣхъ членовъ конвента, противъ нихъ оказалось бы по крайней мѣрѣ девятнадцать двадцатыхъ «всѣхъ голосовъ, и, въ дѣйствительности, такова именно пропорція избирателей, изъ страха ли или отвращенія не вотировавшихъ и отказывавшихся отъ этого права впредь. Правая ли, лѣвая ли сторона конвента окажется побѣдительницей или побѣжденной, это ихъ дѣло; вся масса народа не вмѣшивается въ дебаты своихъ завоевателей и не обезпokoитъ себя ни изъ-за жирондистовъ, ни изъ-за монтаньяровъ. Она непрестанно вспоминаетъ свои неудовольствія противъ всѣхъ этихъ Верньо, Гадё и компаниі; она ихъ не любитъ, не довѣряетъ имъ и, конечно, не протянетъ имъ руку помощи, когда настанетъ ихъ чередъ. Пусть изступленные порѣшаютъ сперва изгнать всѣхъ «тридцать двухъ», а затѣмъ заточаютъ ихъ. «Аристократія» (слѣдуетъ понимать подъ этимъ прозвищемъ помѣщиковъ, negociантовъ, банкировъ, богатую или зажиточную буржуазію) ничего такъ не желаетъ какъ ихъ казни¹⁾. «Второстепенная аристократія» (иначе мелкіе лавочники и крупныя ремесленники), даже и тѣ мало интересуются ихъ судьбою и смотрятъ на нихъ, какъ на какихъ-то дикихъ звѣрей, вырвавшихся на свободу и которыхъ снова засаживаютъ въ клѣтку²⁾. Ни Гадё,

¹⁾ Шмидтъ, II, 37 (Дюгаръ, 13 іюня).—Тоже, II, 80 (Дюгаръ, 21 іюня): «Если бы по общему голосованію и при закрытой балотировкѣ рѣшали дѣло о томъ, слѣдуетъ ли гильотинировать всѣхъ тридцать двухъ, то несомнѣнно, что даже въ окрестностяхъ стекался бы всѣ порядочные люди, чтобы посодѣйствовать приведенію въ исполненіе этого ихъ желанія, и что всѣ находящіеся въ Парижѣ посидѣли бы въ свои секціи».

²⁾ Шмидтъ, II, 35 (Дюгаръ, 13 іюня).—Чтобы ясно понять смыслъ выраженія «второстепенная аристократія», слѣдуетъ прочесть донесенія Дюгарта и другихъ наблюдателей, услугами которыхъ пользовался тогда Гара.

ни Петіону, ни Бриссо не удалось бы отыскать во всемъ Парижѣ и тридцати человекѣ, рѣшившихся взять ихъ сторону, или сдѣлавшихъ бы малѣйшую попытку, чтобы спасти ихъ отъ гибели.

Впрочемъ, какая была польза въ томъ, если большинство и выказывало нѣкоторыя предпочтенія; если оно и проявляло свои симпатіи, то послѣднія, конечно, останутся всегда платоническими. Оно уже не принадлежало ни къ одному изъ обонхъ лагерей, оно удалилось съ поля битвы, оно изображало собою лишь ставку, разыгрываемую въ сраженіи, добычу и собственность будущаго побѣдителя, такъ какъ, не будучи въ состояніи и не желая подчиниться политической формѣ, которую на него налагали насильственно, оно само осудило себя на совершенное безсиліе. Форма эта—непосредственное управленіе народа имъ же самимъ, со всѣми неразлучными съ этимъ послѣдствіями, съ постоянными собраніями секцій, публичными совѣщаніями клубовъ, шумными манифестаціями трибунъ, съ уличными подстрекательствами, сборищами, демонстраціями и волненіями; ничто не можетъ быть болѣе неподходяще и менѣе привлекательно людямъ цивилизованнымъ и занятымъ. Въ нашихъ современныхъ обществахъ занятія, семейство и свѣтскія отношенія поглощаютъ почти все время; вотъ почему подобный режимъ представляется возможнымъ и подходящимъ лишь людямъ безъ всякаго общественнаго положенія, празднымъ и грубымъ; они, не имѣя ни семьи, ни ремесла или какого либо занятія, проводятъ день въ клубѣ, какъ проводили бы его въ кабакѣ или кофейной, и тамъ они совершенно на своемъ мѣстѣ; всѣ остальные отказываются примѣниться къ образу жизни, повидимому, исключительно придуманному для холостяковъ, для людей безродныхъ, безъ профессіи, живущихъ въ жалкихъ углахъ, неразборчивыхъ, безцеремонныхъ, грубыхъ на словахъ и на дѣлѣ, горлодеровъ, съ желѣзными мускулами и съ здоровенными кулаками, которыми они и расправляются направо и налево, —людей, для которыхъ хорошій тумакъ несомнѣннѣйшій и убѣдительнѣйшій аргументъ ¹⁾. Къ тому же, вслѣдъ за сен-

¹⁾ Шмигль, I, 328 (Перрьеръ, 28 мая): «Люди имущіе и разумные уступили остальнымъ секціоннымъ собраніямъ, въ виду того, что кулакъ простаго рабочаго одерживаетъ тамъ верхъ надъ языкомъ оратора».—«Мониторъ», XV, 114, засѣданіе 11 января. Рячь Бюзо: «Въ этомъ городѣ нѣтъ ни единого человека, обладающаго какою либо собственностью, который въ своей секціи не подвергался бы оскорбленіямъ, и даже побоямъ, если онъ посмѣетъ, такъ или иначе,

тябрскими избіеніями и немедленно послѣ снятія заставъ, большое количество землевладѣльцевъ и крупныхъ собственниковъ, не только находящихся въ подозрѣніи, но и заранѣе боявшихся подпасть подъ него, бѣжало изъ Парижа, и втеченіи всѣхъ послѣдующихъ мѣсяцевъ, вмѣстѣ съ опасностью, расла и эмиграція. Въ концѣ ноября стали распространять списки именъ бывшихъ фельянтинцевъ, съ цѣлю возбудить противъ нихъ обвиненіе, что немедленно подало поводъ къ эмиграціи, и «увѣряютъ, будто, втеченіи недѣли, болѣе четырнадцати тысячъ человѣкъ покинуло столицу».

Изъ доклада самого министра видно, что «много людей, независимыхъ по своему положенію и состоянію, покидаютъ городъ, въ которомъ только и слышно ежедневно, что о возобновленіи казней». «Лучшія улицы порасли травкою, пишетъ одинъ изъ депутатовъ, — и могильное безмолвіе царитъ въ Оиваидахъ Сэнъ-Жерменскаго предмѣстья». Что же касается умѣренныхъ, остающихся въ городѣ, они ограничиваются исключительно частною жизнью, изъ чего слѣдуетъ, что въ дѣлѣ политики присутствующіе равняются отсутствующимъ. На муниципальных выборахъ, происходящихъ въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ, на 160,000 внесенныхъ въ списки сперва не является 144,000; затѣмъ 150,000, и, наконецъ, 153,000; чего же удивительнаго, если эти 153,000, неявляющихся на выборы, отсутствуютъ и по вечерамъ на засѣданіяхъ своихъ секцій. По большей части тамъ, вмѣсто трехъ или четырехъ тысячъ гражданъ, собирается лишь пятьдесятъ или шестьдесятъ. Такимъ образомъ, весьма часто эти, такъ называемыя общія собранія, объявляющія конвенту волю народа, состоятъ изъ какихъ нибудь двадцати пяти вотирующихъ. Да и что станеть здравомыслящій человѣкъ дѣлать въ этихъ притонахъ бѣсноватыхъ? Онъ, какъ обыкновенно, въ бурные и ненастные дни, остается дома; пусть себѣ падаетъ ливень бесполезныхъ словъ, зачѣмъ ему пачкаться въ этихъ лужахъ болтовни и сквернословія, гдѣ скопляется и кишитъ вся грязь его квартала.

высказаться противъ притѣнителей... Постоянными собранія Парижа состоятъ изъ очень небольшого числа людей, которымъ удалось отстранить отъ нихъ всѣхъ остальныхъ гражданъ». — Шмидтъ, I, 325): (Докладъ, 28 мая) «вторая подходящая жѣра должна заключаться въ пріученіи молодежи владѣть палкою. Надо самому быть санюлотомъ, жить съ санюлотами, чтобы откопать подобное средство. Санюлоты боятся палки болѣе всего. Недавно толпа молодыхъ людей проходила съ палками, торчащими изъ ихъ панталонъ; всѣ съ содроганіемъ смотрѣли на нихъ. Крайне желательно, чтобы эта мода побольше распространилась».

Если онъ выходитъ, то лишь съ цѣлю погулять, какъ бывало, лишь въ видахъ удовлетворенія вкусовъ и потребностей, приобрѣтенныхъ еще при старомъ режимѣ, вкусовъ парижанина, покорнаго властямъ, зѣваки, говоруна и веселаго фланера. «Вчера вечеромъ, пишетъ человекъ, какъ-бы предчувствующій приближеніе террора,—я отправляюсь въ Елисейскія Поля и вижу ихъ переполненными, вѣкъ бы вы думали? Умѣренными, аристократами, собственниками, хорошенькими и нарядными женщинами, которыхъ ласкаетъ весенній вѣтерокъ. Это было прелестное зрѣлище, всѣ весело смѣялись; не смѣялся лишь одинъ я... Я быстро удаляюсь и, проходя черезъ Тюльерійскій садъ, встрѣчаю тамъ копію только что мною видѣннаго; сорокъ тысячъ собственниковъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ, почти всѣхъ, которыхъ заключаетъ въ себѣ Парижъ». Ясно, что все это овцы, удѣлъ которыхъ бойня. Они отказались отъ защиты, они предоставили всѣ мѣста санкюлотамъ, они отстраняютъ отъ себя всѣ гражданскія и военныя должности, они не хотятъ служить въ національной гвардіи и выставляютъ за себя наемниковъ. Короче, они совсѣмъ удаляются отъ игры, въ которую, въ 1879 году, они хотѣли играть, не зная ея, и объ которую, съ конца 1791 года, они безпрестанно обжигали себѣ пальцы. Пусть другіе возьмется съ картами, въ особенности же съ тѣхъ поръ, какъ послѣднія загрязнились и какъ играющіе швыряютъ ихъ другъ другу въ лицо; что же касается ихъ самихъ, то они остаются зрителями галерей и не желаютъ быть ничѣмъ инымъ. «Пусть ихъ только не лишаютъ ихъ обычныхъ развлеченій, удовольствія свободно переѣзжать и проживать по всему государству; пусть ихъ не принуждаютъ идти на войну. Подверглись они хоть самымъ тяжелымъ контрибуціямъ, они и тогда не воспротивятся, даже не заявятъ о своемъ существованіи, и первый вопросъ, который потревожитъ ихъ, когда они примутся за разсужденія, будетъ слѣдующій: Веселятся-ли во время республики такъ, какъ веселились при старомъ порядкѣ?»

Быть можетъ они надѣются оградить себя отъ опасности, благодаря своей безобидной нейтральности; да и можно-ли предполагать, что побѣдитель, каковъ бы онъ ни былъ, обойдется враждебно съ людьми, заранѣе признающими его владычество? Какой-то щеголь — пишетъ Дютаръ — говорилъ вчера утромъ въ моемъ присутствіи: «Меня не обезоружать, такъ какъ я никогда не былъ вооруженъ». «Увы! отвѣчалъ я ему, — не очень-то хвалитесь этимъ; въ Парижѣ найдется добрыхъ сорокъ тысячъ жалкихъ трусовъ, которые скажутъ тоже, что и вы, а это далеко не дѣлаетъ

честь Парижу». Таково ослѣпление и таковъ эгоизмъ горожанина, всегда жившаго подъ охраною хорошо организованной полиціи, не желающаго измѣнить своихъ привычекъ и не понимающаго, что настало время, когда онъ въ свою очередь долженъ сдѣлаться жандармомъ.

За крупнымъ собственникомъ, промышленникомъ, негоціантомъ, стоитъ лавочникъ, еще менѣ ихъ расположенный пожертвовать своими частными дѣлами изъ-за дѣлъ общественныхъ, такъ какъ первыхъ невозможно откладывать, а у него своя контора, свой магазинъ, своя касса, удерживающая его. Виноторговцы¹⁾, напримѣръ, всѣ почти аристократы въ томъ смыслѣ, какой въ данный моментъ придаютъ этому слову; «но они никогда не торгуютъ такъ успѣшно, какъ во дни революцій и народныхъ мятежей». Между тѣмъ, тогда-то въ особенности невозможно добиться ихъ помощи. «Они усердно работаютъ у себя дома съ тремя или четырьмя прикащиками», и на всякій зовъ остаются неизмѣнно глухи. «Да и какъ имъ уйти, когда такая масса потребителей. Надо же имъ служить; и кто, наконецъ, за это возьмется, если они уйдутъ вмѣстѣ съ своими помощниками?» Другая причина ихъ слабости заключается въ слѣдующемъ: Предоставивъ крайнимъ якобинцамъ всѣ мѣста въ національной гвардіи и въ муниципалитетѣ, они совсѣмъ лишены представителей; жиронда не умѣетъ заручиться ихъ со-

¹⁾ Шмидтъ, II, 19 (Дюгаръ, 11 іюня). — Тоже, II, 70 (Дюгаръ, 18 іюня): «Хотѣлось бы мнѣ съ вами, будь это только возможно, посѣтить всѣхъ трехъ или четырехъ тысячъ виноторговцевъ и рестораторовъ, которыхъ въ Парижѣ приблизительно это количество; всѣ пятнадцать тысячъ прикащиковъ, служащихъ у нихъ, очень усердно работаютъ. Если-бы мы съ вами отправились ко всѣмъ ста четырнадцати нотаріусамъ, мы бы нашли двѣ трети всего количества этихъ господъ въ колпакахъ и красныхъ туфляхъ, усердно работающихъ вмѣстѣ съ своими швацами. Не мѣшало бы зайти и къ двумъ или тремъ станамъ типографікамъ; мы бы навѣрное нашли, что всѣ журналисты, типографіки, конторщики, посыльные и т. д., которыхъ приблизительно 4,000 или 5,000, совершенно умѣрились (*modératisés*), вслѣдствіе того ли, что они теперь зарабатываютъ менѣе прежняго, или же потому, что нажились». — Поляѣшая несовмѣстимость современной жизни съ непосредственною демократіею, бросается въ глаза на каждомъ шагѣ; и это потому, что современная жизнь сложилась при совершенно иныхъ условіяхъ, нежели древняя. Главныя условія современной жизни—это могущество государства, раздѣленіе труда, уничтоженіе рабства и потребность благосостоянія. Ни жирондисты, ни монтаньяры, эти возсоздатели Денъ и Спарты, не помышляли о тѣхъ діаметрально противоположныхъ условіяхъ, при которыхъ сложилась гражданская и общественная жизнь этихъ древнихъ городовъ.

дѣйствиємъ или хотъ ихъ одобреніемъ; министръ Гара не желаетъ употребить ихъ въ дѣло. Къ тому же и въ средѣ ихъ самихъ полнѣйшій разладъ, они не могутъ рассчитывать другъ на друга, «изъ нихъ извлечешь какую-либо пользу развѣ насильственно, сковавъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ». Наконецъ, воспоминаніе сентябрьскихъ избіеній, какъ неотступный кошмаръ, тяготѣетъ надъ ихъ умами. Все это превращаетъ ихъ въ какое-то стадо, крайне пугливое и разбѣгающееся при малѣйшей тревогѣ. «Въ секціи «Общественнаго договора», говоритъ одинъ изъ офицеровъ національной гвардіи: — «одна треть изъ способныхъ защитить секцію живетъ по имѣніямъ; другая треть прячется по домамъ, и, наконецъ, третья не умѣетъ ничего предпринять». «Я очень удивлюсь, если на пятьдесятъ тысячъ умѣрившихся вамъ удастся собрать три тысячи, и удивлюсь еще болѣе, если изъ числа этихъ трехъ тысячъ наберется хотъ пятьсотъ человѣкъ, согласныхъ между собою и достаточно храбрыхъ, чтобы высказать свое мнѣніе. И эти, конечно, должны ожидать для себя избіеній, подобныхъ сентябрьскимъ». Имъ это отлично извѣстно, и вотъ почему они безмолвствуютъ и покорно гнутъ спину. «Да и что можетъ сдѣлать даже большинство секцій, если уже доказано, что какихъ нибудь двѣнадцать яростныхъ безумцевъ, стоящихъ во главѣ санкюлотской секціи, способны обратить въ бѣгство всѣ остальные сорокъ семь секцій Парижа»? Они, вслѣдствіе подобнаго небреженія къ общему дѣлу и къ дѣлу своей личной безопасности, заранее выдаютъ себя на погибель, и въ великомъ городѣ, какъ бывало въ Спартѣ или въ древнемъ Римѣ, надъ огромнымъ населеніемъ безправныхъ и смиренныхъ подданныхъ тяготѣетъ маленькая деспотическая олигархія, именующаяся владыкою-народомъ.

VI.

И не то, чтобы меньшинство это увеличилось со времени 10 августа; совершенно наоборотъ. 19 ноября 1792 года, кандидатъ его на должность мэра, Люлье, получаетъ лишь 4,896 голосовъ. 18 июня, кандидатъ его на должность командира національной гвардіи, Генрію, получить лишь 4,573; придется дважды кассировать избраніе для того, чтобы помочь ему добиться этого поста; придется прибѣгнуть къ открытому голосованію и избавить вотирующихъ отъ предъявленія ихъ секціонныхъ билетовъ, что дастъ возможность влевретамъ явобинской партіи являться

поочередно въ нѣсколькихъ кварталахъ, и въ нѣсколько разъ увеличить свое число, подавая голосъ дважды или трижды ¹⁾).

Вообще въ Парижѣ не наберется болѣе шести тысячъ якобинцевъ, истыхъ санкюлотовъ и приверженцевъ «Горы». Ихъ обыкновенно въ секціонномъ собраніи бываетъ какихъ нибудь «десять или пятнадцать человѣкъ», и уже никакъ не больше «тридцати или сорока», «обратившихся въ несмѣняемыхъ тирановъ». Остальные лишь слушаютъ и машинально поднимаютъ руку. Весь активный персоналъ партіи составляютъ триста или четыреста фанатиковъ, исповѣданіе которыхъ настолько откровенно, насколько бессмысленно, и еще двѣ или три сотни, которымъ результатъ послѣдней революціи не предоставилъ тѣхъ почестей и мѣстъ, на какія они слишкомъ явно рассчитывали; вотъ и всѣ горлодеры секцій и различныхъ группъ, единственные открыто ратующіе противъ порядка, апостолы новаго мятежа, люди, запятнанные или разорившіеся, которые только и существуютъ на счетъ безпорядковъ, а подъ ними вся свита Марата, поддонки женскаго населенія, уличные бродяги и кривуны, нанимаемые за три франка въ день.

Мятежники, относительно качества, теперь еще ниже, чѣмъ относительно количества. Множество честныхъ людей, мелкихъ торговцевъ, трактирщиковъ, виноторговцевъ, прикащиковъ, до 10 августа бывшихъ противъ двора, стоитъ теперь противъ комунъ; ихъ, по всей вѣроятности, оттолкнули сентябрскія событія и они боятся возобновленія избіеній; напримеръ, мастеровой Гоншонъ, обычный ораторъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, человѣкъ честный, безкорыстный и преданный дѣлу, стоитъ за Ролана, и въ скоромъ времени, увидѣвъ собственными глазами событія въ Ліонѣ, онъ будетъ открыто

¹⁾ Мейланъ, 54.—За Раеэе, конкурента Генрію, обвиненнаго въ аристократизмѣ, было сперва болѣе голосовъ, а именно 4,953 прогивъ 4,578. Послѣ третьяго окончательнаго голосованія на всѣ 15,000 голосовъ, за него было 5,900 противъ 9,087, поданныхъ въ пользу Генрію.—Мортимеръ-Терно, VIII, 31: «Прибѣгли къ открытому голосованію; имена всѣхъ, рѣшившихся вотировать въ пользу Раеэе, обозначали на поименномъ спискѣ краснымъ крестомъ и вслѣдъ за ихъ именемъ ставили эпитетъ: контръ-революціонеръ».

²⁾ Шмидтъ, II, 37 (Дюгаръ, 13 іюня): «За Марата и за остальныхъ стоитъ партія въ пять или шесть тысячъ человѣкъ, которая сдѣлаетъ всѣ усилія, чтобы спасти ихъ».—Мейланъ, 155 (показанія, собранныя комисіею двѣнадцати): «Ляоре заявилъ, что ихъ было около шести тысячъ санкюлотовъ, готовыхъ, по первому сигналу, перебить всѣхъ враждебныхъ депутатовъ».—Шмидтъ, II, 87 (Дюгаръ, 24 іюня): «Я знаю, что во всемъ Парижѣ не наберется и трехъ тысячъ рѣшительныхъ революціонеровъ».

и усердно поддерживать возбужденіе умѣренныхъ противъ ма-
ратистовъ. «Почтенный классъ ремесленниковъ, говорятъ нѣко-
торые наблюдатели, — незамѣтно, но постепенно отпадаетъ отъ
мятежной партіи и переходитъ на сторону людей здравомысля-
щихъ». «Съ тѣхъ поръ, какъ водоносы, рыночные носильщики
и тому подобный людъ ораторствуетъ и шумитъ въ секціяхъ,
ясно замѣтно, какъ чувство отвращенія сообщается овощни-
камъ, лимонадчикамъ, портнымъ, башмачникамъ и другимъ по-
добнымъ имъ людямъ. Подъ конецъ и мясники, поставщики
обоихъ классовъ, высшего и низшаго, аристократизовались». Тоже
происходитъ и «съ рыночными торговцами, за исключе-
ніемъ нѣкоторыхъ, состоящихъ на жалованьи, или мужа
которыхъ якобинцы; онѣ шумятъ, кричатъ, ругаютъ и проклиняютъ
существующіе порядки». — «Сегодня утромъ, говоритъ одинъ
торговецъ, у меня собралось ихъ трое или четверо; онѣ больше
не хотятъ, чтобы ихъ называли гражданами; онѣ говорятъ,
что плюютъ на республику. Къ женщинамъ-патріоткамъ при-
надлежатъ лишь поддонки послѣдняго класса населенія, мегеры,
грабящія лавки столько же изъ зависти, сколько изъ нужды,
«лодочницы и выгрузчицы, озлобленныя вслѣдствіе тяжелаго
труда», завидующія лучше ихъ одѣтой мелочной торговкѣ, какъ
та, въ свою очередь, завидовала женѣ адвоката и совѣтника, и
какъ тѣ завидовали опять-таки женѣ финансиста и дворянина.
Женщина, представительница черни, готова на все, лишь-бы
унизить лавочницу до своего собственнаго уровня.

Партія, доведенная такимъ образомъ до однихъ поддонковъ,
вслѣдствіе оставленія ея всѣми болѣе или менѣе честными ея
сочленами, ограничивается теперь исключительно слоемъ самой
низшей черни, какъ-то «послѣдними рабочими и мастеровыми,
не безъ удовольствія видящими поражение своихъ патроновъ»,
жалкими закоюлочными торгашами и разносчиками, ветошниками,
«продавцами стараго платья на центральномъ рынкѣ, харчевни-
ками и съѣстными торговцами, продающими на владбищахъ подъ
большими зонтиками вареную говядину съ бобами» лавками,
ликующими и счастливыми тѣмъ, что стали господами своихъ
господъ¹⁾, поварами, конюхами, буфетчиками, дворецкими, при-

¹⁾ Шмидтъ, I, 96. (Письмо гражданина Лошу къ президенту конвента отъ
11 октября 1792 года), II, 37 (Дюгарь, 13 июня). Разсказъ жены одного парик-
махера: «Лакеи, это прескверныя животныя. Ихъ приходится сюда множество
каждый день: они сплетничаютъ, клеветаютъ на своихъ господъ и разсказываютъ
про нихъ всякія мерзости. Всѣ они таковы; они положительно злѣе и бѣшеннѣе

вратниками, которые, вопреки закону, вотировали на избирательных собраниях, а въ якобинскомъ клубѣ изображаютъ собою «безсмысленную толпу»; все это люди убѣжденные, что отлично знаютъ географію, потому что «разъ — другой сопровождали почту», и проникнутые увѣренностью въ глубокое пониманіе политики, потому что прочли «Четыре сына Эймона» («Quatre fils Aymon») ¹⁾. Но въ выплывающей и выставленной на-показъ грязи, самый значительный приборъ составляетъ обычная тина и накиль большихъ городовъ, негодяи всѣхъ ремесль и професій, кутилы-мастеровые и пьяные рабочие, мародеры социальной арміи, люди, «выпущенные изъ госпиталя Питтэ (Pitié), и кое-какъ, беспорядочно, свершивъ часть жизненнаго пути, кончающіе Бисэтромъ (Bicêtre)». «Изъ Питтэ въ Бисэтръ — поговорка, сложившаяся въ народѣ. У такого рода людей нѣтъ рѣшительно никакихъ жизненныхъ правилъ: имѣй они 50 ливровъ въ день, они ихъ проѣдятъ до послѣдняго, имѣй пять, они проѣдятъ и эти, и, такимъ образомъ, проживая постоянно все до послѣдней полушки, они никогда ничего не имѣютъ и ничего не накопятъ. Люди именно этого класса взяли Бастилію ²⁾, они же были причиною событій 10 августа, и т. д. Опять они же наполняли собою трибуны всевозможныхъ собраній, пополняли собою различныя группы, и, конечно, втеченіи всего этого времени оставались совершенно праздными. Вслѣдствіе этого, если у женъ ихъ были

всѣхъ остальныхъ. Между ними были и облагодѣтельствованные своими господами, и такіе, которые и теперь пользовались ихъ щедротами: ничто не въ состояніи удержать ихъ».

¹⁾ Тоже, I, 246 (Дютаръ, 18 мая). — Грегуаръ, «Мемуары», I, 387. Умственное и нравственное паденіе партіи ясно высказывается въ новомъ составѣ якобинскаго общества, начиная съ сентября 1792 года: «Я вернулся туда на короткое время, говоритъ Грегуаръ, — въ сентябрѣ 1792 года (послѣ годоваго отсутствія). Общество было совершенно неузнаваемо; тамъ не было дозволено высказывать что либо, противное желаніямъ парижской партіи. Я конечно болѣе туда не возвращался. Оно походило на какой-то отчаянный шинокъ, на притонъ бунтовщиковъ». — Бюше и Ру, XXVI, 214 (засѣданіе 30 апрѣля 1793 года, рѣчь Бюзю): «Взгляните на это нѣкогда знаменитое общество: тамъ едва ли насчитывается человекъ тридцать изъ его дѣйствительныхъ основателей; теперь же оно состоитъ почти исключительно изъ людей раззорившихся, порочныхъ и преступныхъ».

²⁾ Ретиѳъ-де-ля-Бретонъ «Парижскія ночи», томъ XVI (12 іюля 1789 года). «Ретиѳъ въ этотъ день отправляется въ Пале-Рояль, гдѣ съ 13 іюня составляются многочисленныя собранія и происходятъ волненія. «Мнѣ попадались исключительно люди грубые, съ алчнымъ, разгорѣвшимся взоромъ, которые повидимому скорѣе жаждали добычи, чѣмъ свободы».

часы, сережки, кольца, или какія либо драгоценности, они ихъ сперва закладывали, гдѣ ихъ потомъ и продавали. Въ настоящую минуту многія изъ этихъ личностей задолжали мяснику, булочнику, виноторговцу и другимъ; всѣ лавочники отказываются давать имъ больше въ долгъ. У нихъ жена, которая имъ опротивѣла, дѣти, плачущія отъ голода, въ то время какъ отецъ ихъ или въ Тюльери, или въ яacobинскомъ клубѣ. Многіе изъ нихъ повинули свою професію, свое ремесло и, «вслѣдствіе ли лѣности, или просто сознанія своей неспособности»... «они очень недружелюбно смотрятъ на всякое процвѣтаніе этого, брошеннаго ими ремесла». Имъ несравненно пріятнѣе роль политическаго статиста, нанятаго клавира, и таково также мнѣніе фланеровъ, набранныхъ отовсюду, чтобы работать надъ сооружеіемъ вооруженнаго лагеря вокругъ Парижа. Тамъ восемь тысячъ человѣкъ получаютъ каждый по 42 су въ день «за то, что ничего не дѣлаютъ»; «многіе работники являются лишь въ восемь, девять и даже десять часовъ. Если они и остаются послѣ переключки, то съ трудомъ, неохотно, привезутъ тачку - другую земли. Многіе проводятъ всѣ дни въ карточной игрѣ, и большинство изъ нихъ уходитъ домой уже въ три или четыре часа дня. Если обратиться съ распросами къ инспекторамъ работъ, то они всѣ отвѣчаютъ, что не въ силахъ заставить себѣ повиноваться и что, конечно, не желаютъ быть зарѣзанными». Вслѣдствіе этого, конвентъ постановляетъ отдавать работы на подрядъ, а между тѣмъ праздные работники заявляютъ протестъ во имя равенства, напоминаютъ о своемъ участіи въ событіяхъ 10 августа и хотятъ перерѣзать всѣхъ комисаровъ. Удастся отъ нихъ отдѣлаться не раньше 2 ноября, назначивъ всѣмъ, пришедшимъ изъ другихъ департаментовъ, по 3 су съ мии; однако ихъ остается еще достаточное количество въ Парижѣ для того, чтобы значительно увеличить стаю шершней, привывшихъ съѣдать пчелиный медъ, и считающихъ себя вправѣ получать содержаніе отъ общества за свое непроизводительное жужжаніе вокругъ государственныхъ дѣлъ.

Ихъ арьергардъ составляетъ вся сволочь парижскихъ оверестностей, стекающаяся при первомъ барабанномъ призывѣ, въ надеждѣ чѣмъ либо поживиться. Ихъ авангардъ составляютъ «разбойники», и на первомъ планѣ стоятъ «всѣ воры и мошенники, проживающіе въ Парижѣ, и которыхъ партія завербовала, чтобы въ случаѣ надобности употреблять ихъ въ дѣло»; на второмъ планѣ—масса бывшихъ лакеевъ, завсегдатаи игорныхъ и публичныхъ домовъ, весь порочный, испорченный людъ.

Весьма естественно, что ихъ сопровождаетъ множество падшихъ женщинъ. «Гражданки, скажетъ Генріо пале-роальскимъ уличнымъ дѣвкамъ, которыхъ онъ соберетъ во множествѣ въ саду:—гражданки, ревностны ли вы республиканки?—Да, да, генераль!—Не спрятали ли вы, быть можетъ, въ своихъ квартирахъ какого либо неповорного священника, австрійца или прусака?—Фи, какая мерзость, генераль; мы пускаемъ къ себѣ только однихъ санкюлотовъ». Къ нимъ же присоединились воровки и проститутки, которыхъ сентябрскіе избиватели освободили изъ Шателё и изъ Консьержери и также завербовали въ свою партію; онѣ составляютъ, подъ предводительствомъ одной «старой непотребной женщины», по имени Розы Лякомбъ, обычную публику конвента; въ важныхъ случаяхъ ихъ насчитываютъ отъ семи до восьмисотъ, иногда до двухъ тысячъ; они толпятся съ девяти часовъ утра и преимущественно у дверей собранія и на галереяхъ ¹⁾. Такимъ образомъ, эта «антисоціальная тля», состоящая и изъ самцовъ, и изъ самокъ, кипитъ въ изобиліи на всѣхъ засѣданіяхъ собранія комунъ, революціоннаго суда, секцій, и легко себѣ представить, что это за типы». «Казалось, рассказываетъ одинъ изъ депутатовъ,—что выгребли изъ клоаковъ Парижа и другихъ большихъ городовъ самую отвратительную вонючую грязь. Отталкивающія землистыя лица, почернѣвшія или мѣдно-красныя, обрамленныя грязными пухами всключенныхъ жирныхъ волосъ, съ глазами, блуждающими и впалыми... Они изрыгали вмѣстѣ съ своимъ противнымъ дыханіемъ самыя грубыя ругательства, сопровождаемыя пронзительными возгласами, подобными крику хищныхъ звѣрей». Изъ числа ихъ особенно выдаются «извѣстные убійцы 2 сентября, которыхъ я сравниваю, говоритъ одинъ наблюдатель, имѣвшій случай хорошо изучить ихъ,—съ отдыхающими тиграми, съ глухимъ рычаніемъ лижущими свои когти, стараясь отыскать на нихъ хоть нѣсколько капель недавно ими пролитой крови, въ ожиданіи новой по-

¹⁾ Муръ, 10 ноября 1793 года (взято изъ одной статьи «Парижской Хроники»). Въ тотъ день, какъ Робеспьеръ прочелъ свою защитительную рѣчь, «на трибунахъ было отъ семи до восьмисотъ женщинъ и не болѣе двухсотъ мужчинъ. Робеспьеръ—своего рода священникъ, имѣющій набожныхъ поклонницъ».—Мортимеръ-Терно, VII, 562 (письмо депутата Мишеля, отъ 20 мая 1793): «Два или три тысячи женщинъ, завербованныя и организованныя въ извѣстные отряды братскимъ обществомъ, засѣдающимъ въ яacobинскомъ клубѣ, подняли страшный шумъ и гамъ, продолжавшійся до шести часовъ, такъ что пришлось закрыть засѣданіе. Большая часть этихъ женщинъ публичныя дѣвки».

живы». Они словно гордятся своими дѣянiями и всюду лѣзутъ впередъ. Одинъ изъ нихъ, по имени Пети-Маманъ, бывший солдатъ и сынъ бордосскаго трактирщика, «съ лицомъ испитымъ и желто-блѣднымъ, съ сверкающими глазами, съ дерзкимъ, вызывающимъ видомъ, съ палашомъ и парюю пистолетовъ за поясомъ», разгуливаетъ по Палэ-Роялю, «въ сопровожденiи личностей себѣ подобныхъ; онъ вмѣшивается въ разговоры». — «Я распоролъ грудь Ламбаль и я вырвалъ ей сердце... Я лишь сожалѣю о томъ, что избiенiя были такъ кратковременны, но я твердо вѣрю въ ихъ возобновленiе, и всего черезъ недѣли двѣ съ небольшимъ». Затѣмъ, въ видѣ вызова, онъ громко называетъ себя по имени.

Другой, слишкомъ хорошо извѣстный и потому не имѣющiй надобности называть себя, президентъ избiенiй въ Аббей, Мальяръ, расположился главною квартирою въ кафѣ Кретьенъ, въ улицѣ Фаваръ ¹⁾; отсюда, самъ не переставая опоражнивать рюмку за рюмкой, «онъ разсылаетъ своихъ страшныхъ усачей, шестьдесятъ восемь разбойниковъ, ужасъ всѣхъ сосѣднихъ кварталовъ»; они, часто, въ кафѣ или въ театрахъ «вдругъ обнажаютъ свои огромныя сабли» и обращаются къ совершенно безобиднымъ людямъ со словами: «Я такой-то! если ты посмѣешь презрительно взглянуть на меня, то я разрублю тебя въ куски». Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, часть этой банды, подъ предводительствомъ адъютанта Генрию, будетъ грабить и поджаривать крестьянъ въ окрестностяхъ Корбейля и Мо ²⁾. А

¹⁾ Боле, I, 100: «Мальяръ умеръ отъ пьянства» (15 апрѣля 1794). Александръ Сорель, «Stanislas Maillard», ст. 32 до 42 (Докладъ Фабра д'Эглантина о Мальярѣ, 17 декабря 1793 года). Мальяръ, обвиненный вмѣстѣ съ Ронсеномъ и Винсеномъ, печатаетъ свою апологiю, изъ которой видно, что онъ работалъ въ клубѣ улицы Фаваръ еще до 31 мая. «Я одинъ изъ членовъ этого собранiя истинныхъ патриотовъ, чѣмъ я искренно горжусь, такъ какъ тамъ заиглася первая искра святаго возстанiя 31 мая».

²⁾ Александръ Сорель (Донесенiе Лекуантра, отъ 14 декабря 1793 года, съ протоколами мировыхъ судей). — «Національный Архивъ», F⁷, 3268. Письмо корбейской директорiи къ министру, съ протоколомъ, отъ 28 ноября 1792 года. 26 ноября, восемь или десять вооруженныхъ пѣхотинцевъ и нѣсколько всадниковъ явились къ фермеру Рюлю на ферму его де-Фоля, въ Лисскомъ округѣ. Они нанесли Рюлю нѣсколько сабельныхъ ударовъ, затѣмъ надели ему на голову мѣшокъ, наблукомъ ударили въ лицо, долго пытали, почти что задушили его жену и двухъ служанокъ, дѣлая все это, чтобы принудить его выдать имъ деньги. Одному работнику прострѣлили плечо и нанесли два сабельныхъ удара, остальныхъ слугъ и молотильщиковъ связали и привязали какъ телятъ. Наконецъ, бандиты ушли, унося съ собою все серебро, часы, кольца, кружева, два ружья и много другихъ предметовъ.

пока и въ самомъ Парижѣ поджариваютъ, грабятъ и насилюють, лишь только представляется въ тому случай. Февраля 25 и 26, 1793 года, у крупныхъ и мелкихъ колониальныхъ торговцевъ, (за исключеніемъ нѣкоторыхъ, принадлежащихъ къ числу якобинцевъ), въ улицахъ Ломбардовъ, Сэнъ-Діаманъ, Бореперъ, Монмартръ, Иль-Сэнъ-Люи, на хлѣбной пристани, около городской думы, въ улицѣ Сэнъ-Жакъ, короче, въ тысячи двухстахъ лавкахъ грабятъ не только припасы первой необходимости, какъ, на примѣръ, мыло и свѣчи, но и сахаръ, водку, корицу, ваниль, индиго и чай. «Изъ улицы Бурдоннѣ шло много людей съ головами сахара, которыя они перепродавали, не купивъ ихъ предварительно». Это заранѣе обдуманное нападеніе; какъ и 5 октября 1789 года, въ числѣ женщинъ попадаетъ «немало переодѣтыхъ мушинъ, даже не позаботившихся о томъ, чтобы сбрить свои бороды», и благодаря безпорядку, они, во многихъ мѣстахъ, пируютъ на славу. Хозяинъ дома, съ ногами, поджариваемыми на огнѣ, и съ пистолетомъ, приставленнымъ ко лбу, принужденъ выдавать имъ всѣ свои «деньги, серебро, асигнаціи, драгоценности», считая себя счастливымъ, если жену и дочерей его не насилюють на его же глазахъ, какъ въ городѣ, взятомъ приступомъ.

VII.

Таковъ народъ-политикъ, царящій въ Парижѣ съ послѣднихъ мѣсяцевъ 1792 г. и, черезъ посредство Парижа, царящій надъ остальной Франціею; пять тысячъ мерзавцевъ, полу звѣрей и негодяевъ ¹⁾ съ двумя тысячами уличныхъ дѣвокъ, то, что хорошо организованная полиція была бы обязана вымести, чтобы очистить столицу ²⁾; вся эта сволочь проникнута убѣжденіемъ

¹⁾ Изданіе Флери, «Бабефъ», ст. 150 и 139.—Вслѣдствіе страннаго совпаденія, персоналъ партіи все тотъ же даже въ 1796 году. Бабефъ насчитываетъ въ числѣ своихъ сторонниковъ въ Парижѣ «4,000 революціонеровъ, 1,500 членовъ упраздненныхъ правленій, 1,000 гражданъ-канонировъ, не считая военныхъ, заточенныхъ преступниковъ и полицейскихъ». Онъ также завербовалъ большое количество публичныхъ дѣвокъ; люди, приходящіе къ нему, принадлежать къ классу мастеровыхъ; они всѣ увѣряютъ, что поработали во время революціи и что опять охотно примутся за дѣло, лишь бы поскорѣе пришлось убивать всѣхъ богатыхъ, барышниковъ, купцовъ, шпионовъ и всѣхъ имъ подобныхъ» (Письмо агента секціи Бонъ-Нуviel, отъ 13 апрѣля 1796 года).

²⁾ Пропорція, составъ и духъ партіи вездѣ тотъ же, въ особенности же въ Лионѣ (Гильонъ-де-Монлеонъ, «Мемуары», и Валеяде, «Исторія лионскаго народа»),
Кн. V.—Май, 1882.

въ свое право и тѣмъ болѣе ревностная послѣдовательница революціонной вѣры, что догматъ послѣдней превозноситъ пороки, какъ величайшую добродѣтель, и обзываетъ совершаемыя преступленія служеніемъ общественной пользѣ. Весь этотъ людъ дѣйствительно народъ-владыка и въ виду этого необходимо доискаться до его сокровенной, завѣтной мысли. Для правильнаго пониманія событій, надо обратить особое вниманіе на неподдѣльное, искреннее смущеніе, рождающееся въ этихъ людяхъ, вслѣдствіе процесса короля, неервиденскаго пораженія, отпаденія Дюмурье, возстанія Вандей, обвиненія Марата, ареста Гебера и вслѣдствіе всѣхъ остальныхъ опасностей, поочередно разражающихся надъ ихъ головами. И смущеніе это не заимствуется ими у другихъ, не исходитъ на нихъ свыше, такъ какъ они представляютъ собою не дисциплинированное войско, увѣренное въ своихъ предводителяхъ, а какой-то недовѣрчивый сбродъ временныхъ и случайныхъ сообщниковъ. Чтобы повелѣвать ими, надо ихъ слушаться, и ихъ вожаки будутъ всегда ихъ орудіемъ. На сколько бы, повидимому, не утвердился ихъ предводитель, онъ существуетъ лишь на время, въ числѣ многихъ другихъ, какъ представитель кратковременнаго величія или, скорѣе, какъ выразитель ихъ страстей и поставщикъ ихъ алчныхъ аппетитовъ и стремленій. Таковымъ является Петіонъ въ іюлѣ 1792 г., та-

въ Тулонѣ (Довернь, «Исторія Варскаго департамента»), въ Марселѣ, въ Бордо, въ Тулузѣ, въ Страсбургѣ, въ Безансонѣ и т. д.—Въ Бордо (Ріуэ, «Мемуары», 23), «все они были какіе-то бродяги, савояры, бискайцы, даже вѣнцы.. послынные, водоносы... ставшіе столь могущественными, что они арестовывали богатыхъ людей и распоряжались ими по своему усмотрѣнію». Ріуэ прибавляетъ: «когда я, будучи въ Консьержери, прочелъ эту выноски, всѣ присутствующіе люди разныхъ партій и изъ различныхъ мѣстъ, воскликнули разомъ: «Тоже самое произошло и у насъ».—Дюмурье, II, 51: «Якобинцы, принадлежатъ преимущественно къ самому низкому и грубому слою общественному, не были въ состояніи поставлять на занимаемыя ими государственныя мѣста подходящихъ людей; вотъ почему онѣ всячески старались унизить эти мѣста до своего уровня... Это пьяные варвары-плоты, вытѣснившіе спартанцевъ и замѣнившіе ихъ собою».—Ихъ водвореніе ознаменовывается изгнаніемъ свободомыслящихъ и развитыхъ людей 1789 года. («Национальный Архивъ», F⁷, 4434, № 6. Письмо Ролана въ комитетъ общественной безопасности, 3 вентоза, годъ II). Во время проконсульства Бодо въ Тулузѣ, «изъ народнаго общества исключили почти всѣхъ патриотовъ 1789 года, основавшихъ его; наоборотъ, туда ввели безчисленное множество людей, патриотизмъ которыхъ проявляется лишь со времени событій 10 августа 1792 или даже только съ 31 истекшаго мая. Выдаютъ за непреложный фактъ слѣдующее обстоятельство: на тысячу членовъ, входящихъ въ настоящее время въ составъ общества, не наберется и пятидесяти, патриотизмъ которыхъ проявился въ самомъ началѣ революціи».

ковъ и Маратъ послѣ сентябрьскихъ событій. «Будь однимъ Маратомъ болѣе или менѣе, это ничего не измѣнить въ общемъ ходѣ событій». «Останься всего одинъ подобный, положимъ хоть Шометь, достаточно и его для предводительства этою ордою», такъ какъ предводительствуетъ сама она. Она, презирая всякое уваженіе къ бывшимъ своимъ вожакамъ, пойдетъ всего охотнѣе за тѣмъ, кто станетъ болѣе другихъ уступать ей и льстить ея кровожаднымъ и хищническимъ инстинктамъ. Люди эти любятъ Марата, Робеспьера до тѣхъ поръ, пока тѣ твердятъ имъ: «будемъ убивать, грабить!» но едва лишь вожакъ попытается удержать общее теченіе, они разобьютъ его, какъ препятствіе, или отбросятъ, какъ ненужный хламъ. Судите сами, захотятъ ли они впутываться въ тѣ паутины, которыми стремиться окутать ихъ партія Жиронды. Взамѣнъ той метафизической конституціи, которую имъ готовятъ, у нихъ въ головѣ своя, давно готовая и исключительно несложная, приспособленная къ ихъ способностямъ, къ ихъ инстинктамъ. Припомните только одного изъ ихъ корифеевъ, съ которымъ мы уже имѣли случай встрѣчаться—Соля, «маленькаго, невзрачнаго стараго толстяка, горькаго пьяницу, бывшаго когда-то обойщикомъ, затѣмъ странствующимъ разнощикомъ-шарлатаномъ, предлагавшимъ жестянки въ четыре су съ жиромъ повѣшенныхъ, излечивающимъ боли въ поясницѣ», сдѣланнаго впоследствии начальникомъ клакеровъ на галереяхъ учредительнаго собранія, изгнаннаго оттуда за мошенничество, вновь водвореннаго тамъ съ законодательнымъ собраніемъ и получившаго, черезъ покровительство какого-то придворнаго конюха, позволеніе устроить у самаго входа въ собраніе патриотической кафе, затѣмъ удостоеннаго вознагражденія въ 600 ливровъ и дароваго національнаго помѣщенія, и назначеннаго инспекторомъ трибунъ, сдѣлавшагося регуляторомъ общественнаго настроенія и состоявшаго теперь «однимъ изъ изступленныхъ хлѣбнаго рынка» (la Halle au Blé). Подобный человѣкъ изображаетъ собою типъ средняго уровня партіи, не только по своему воспитанію, характеру и поведенію, но также по своимъ стремленіямъ, по своимъ принципамъ, по своей логикѣ и по своему успѣху. «Онъ поклялся, что составитъ себѣ состояніе и положеніе, и добился своей цѣли. Онъ постоянно кричалъ объ уничтоженіи дворянъ и духовенства, и они уничтожены. Онъ не переставалъ ратовать за уничтоженіе *liste civile*—и тотъ уничтоженъ. Наконецъ, помѣщенный въ домъ, гдѣ жилъ Людовикъ XVI, онъ прямо, не стѣсняясь, говоритъ послѣднему въ глаза, что слѣдуетъ отрубить ему голову—и голова Людовика XVI падаетъ».

Вотъ, вкратцѣ, исторія и портретъ всѣхъ остальныхъ. И такъ ничего нѣтъ удивительнаго, если истые якобинцы понимаютъ революцію, какъ понимаетъ ее Соль ¹⁾; если для нихъ единственная законная конституція это окончательное утверждение ихъ всемогущества; если они величаютъ общественнымъ порядкомъ и справедливостью безграничный произволъ, относительно жизни и собственности; если ихъ инстинктъ, звѣрскій и ограниченный, подобный кровожадному инстинкту какого нибудь бѣя, признаетъ лишь крайнія разрушительныя мѣры, аресты, высылки, конфискаціи, казни, и совершаетъ все это торжественно, радостно, какъ истинное служеніе патриотизму, какъ священнодѣйствіе во имя нравственности, во имя народа, и совершаетъ это или непосредственно и звѣрски своими собственными руками, или же, посредственно и правильно, руками своихъ покорныхъ избранниковъ. Къ этому сводится вся ихъ политика; ничто не въ состояніи сдвинуть ихъ съ нея, такъ какъ они уцѣпились за нее всею силою и всею тяжестью своей безнравственности, своего невѣжества и своей глупости.

¹⁾ Бюше и Ру, XXV, 156 (извлеченіе изъ «Французскаго Патриота», отъ 30 марта 1793 г.) Рѣчь Шала въ якобинскомъ клубѣ 27 марта: «Мы объявили всѣмъ гражданамъ, сельскимъ жителямъ, что, посредствомъ военнаго налога, бѣдныхъ будутъ содержать богатые и что первые найдутъ въ карманахъ эгоистовъ достаточно денегъ для удовлетворенія своихъ нуждъ». — Тоже, 269. Рѣчь Розы Лакомъ въ якобинскомъ клубѣ: «Слѣдуетъ обезпечить себя относительно аристократовъ, слѣдуетъ выслать ихъ противъ враговъ, которыхъ Демурье ведетъ на Парижъ; мы объявили имъ, что, въ случаѣ ихъ измѣны, жены и дѣти ихъ будутъ зарѣзаны, а имущество и дома преданы огню. Я не хочу, чтобы патриоты уходили отсюда; пусть они оберегаютъ Парижъ; и если насъ разобьютъ, то пусть первый изъ среды нашей, который не рѣшится поджечь города, будетъ немедленно заколотъ. Я хочу, чтобы собственники, все отнявшіе у народа, все себѣ забравшіе, убили тирановъ или сами погибли». (Рукоплесканія. — 3 апрѣля). — Тоже, 302 (Конвентъ, 8 апрѣля): «Марать требуетъ, чтобы 100,000 родныхъ и друзей эмигрантовъ были заточены, какъ заложники, отвѣтственные за комиссаровъ, выданныхъ врагу». — Баллейде, 117, 122. Въ Лионѣ, 26 января 1793 г. Шалье говорилъ въ центральномъ клубѣ: «Радуйтесь, санкюлоты, кровь тигра-короля пролилась передъ самымъ его логовищемъ; но народъ не порѣшилъ еще со всѣми виновными; между вами еще 500 головъ, заслуживающихъ участь тирана». Онъ предлагаетъ (5 февраля) учредить революціонное судилище, чтобы судить заточенныхъ революціоннымъ закономъ: «Это единственное средство, могущее устрашить всѣхъ мятежниковъ-роялистовъ и аристократовъ, единственная разумная мѣра, могущая утвердить владычество храбрыхъ и честныхъ санкюлотовъ, принадлежащее намъ по праву». — Гидансъ, національный комиссаръ, прибавляетъ: «Пусть лучше сто тысячъ разъ погибнутъ эти 25,000,000 французовъ, нежели хоть единый разъ единая и нераздѣльная республика»

Ихъ господствующая мысль, сквозъ лицемѣрство обязательныхъ прикрасъ и вывѣсовъ, неизмѣнно внушается ими оратору—чтобы ею прониклась его рѣчь, законодателю—чтобы онъ изложилъ ее въ декретѣ, администратору—чтобы онъ примѣнилъ ее къ дѣлу, и, съ самаго дня выступленія своего до окончательной заключительной побѣды, они допускаятъ лишь одно незначительное отступленіе, одинъ небольшой вариантъ. Въ сентябрѣ 1792 г. постановки ихъ гласили: «Всѣ, которые не раздѣляютъ нашихъ мнѣній, будутъ убиты, и золото ихъ, драгоценности, вся ихъ собственность станетъ нашимъ достояніемъ». Въ ноябрѣ 1793 г. они скажутъ устами официально утвержденного революціоннаго правленія: «Всѣ, не раздѣляющіе нашихъ убѣжденій, будутъ гильотинированы и мы сдѣлаемся ихъ законными наследниками». При существующихъ обстоятельствахъ нетрудно рѣшить, которая изъ данныхъ программъ возьметъ верхъ: программа ли, проповѣдываемая якобинскою чернью, «или же программа жирондистовъ, поддерживаемая большинствомъ конвента; конституція ли Кондорсе, или же несложное законоположеніе Соля». «Эти дрянные парижане, говоритъ одинъ изъ жирондистовъ,—смотрѣли на насъ какъ на своихъ лакеевъ», а лакей знаетъ, что его прогонять, если онъ вздумаетъ противорѣчить своему господину. Съ перваго же дня, когда конвентъ всѣмъ своимъ составомъ проходилъ по улицамъ, отправляясь на засѣданіе, онъ, по нѣкоторымъ многозначительнымъ фразамъ, хорошо понялъ, въ какія ужасныя и бессмысленныя руки попалъ. «Зачѣмъ, раздавалось по его проходѣ,—зачѣмъ собирать отовсюду такъ много лишнихъ людей для управленія Франціею? Развѣ въ Парижѣ у насъ не довольно своихъ?»¹⁾

¹⁾ Мишле, IV, 6 (по язвстному разсказу Дону).—Бюше и Ру, XXVШ, 101. Письмо Луже къ Ролану: «Въ то самое время, какъ подставные комиссары 48 парижскихъ секцій предъявили свою петицію противъ вооруженной силы (департаментской), я слышалъ какъ выходявшій изъ собранія Сантеръ обратился къ окружающимъ его, приблизительно, съ слѣдующими словами: «Вы видите сами, что депутатамъ никогда не подняться на высоту революціи. Все это какіе-то пришельцы, явившіеся изъ-за 50, 100 или изъ-за 200 миль; они неспособны по нать и оцѣнить ваши слова».

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

«Гражданинъ Дантонъ, писалъ ему депутатъ Томасъ Пайнъ, — опасеніе возможнаго разрыва между Парижемъ и департаментами возрастаетъ съ каждымъ днемъ; департаменты прислали своихъ депутатовъ въ Парижъ не для того, чтобы ихъ оскорбляли, и каждое оскорбленіе, наносимое депутатамъ, есть оскорбленіе самимъ департаментамъ, ихъ избравшимъ и пославшимъ въ столицу. Я вижу лишь одно дѣйствительное средство, могущее устранить этотъ разрывъ, а именно: перенесеніе конвента и будущихъ собраній на нѣкоторое разстояніе отъ Парижа... Я, во время американской революціи, достаточно убѣдился въ огромнѣйшихъ неудобствахъ, соединенныхъ съ мѣстопробываніемъ конгресса въ центрѣ вѣдомства какого либо муниципалитета. Конгрессъ сперва засѣдалъ въ Филадельфіи, но послѣ четырехлѣтняго пребыванія тамъ, оказался принужденнымъ покинуть этотъ городъ. Онъ на время расположился въ штатѣ Джерсей. Затѣмъ онъ переселился въ Нью-Йоркъ. Наконецъ, покинувъ Нью-Йоркъ, онъ вернулся въ Филадельфію и, испытавъ въ каждомъ изъ этихъ городовъ огромное неудобство, происходящее вслѣдствіе нахождения одного правленія въ другомъ, онъ составилъ проектъ основанія для будущей резиденціи конгресса города, который бы не входилъ въ предѣлы какого-либо муниципального вѣдомства. Въ каждомъ изъ мѣстъ, гдѣ дотолѣ засѣдалъ конгрессъ, муниципальная власть противилась, вообще или въ частности, его власти, а жители каждаго изъ этихъ мѣстъ, вслѣдствіе пребыванія у нихъ конгресса, признавали за собою большія права, нежели принадлежавшія имъ по закону, какъ одной изъ равныхъ частей цѣлаго соединеннаго государства. Тѣ же неудобства, только въ несравненно сильнѣйшей степени, ощущаются теперь во Франціи». Дантону это было хорошо извѣстно и онъ былъ достаточно дальновиденъ, чтобы понять опасность; но обстоятельства уже приняли извѣстный оборотъ, извѣстное направленіе, данное имъ же самимъ. Съ 10 августа Парижъ поработилъ Францію и какая нибудь горсть революціонеровъ тиранизировала ее¹⁾).

¹⁾ Муръ, I, 185 (20 октября): «Очевидно, что хотя въ теоріи всѣ департаменты Франціи имѣютъ равную долю въ дѣлахъ управленія, на дѣлѣ, парижскій департаментъ присвоилъ себѣ всю правительственную власть. Парижъ, при помощи бунтовъ, предписываетъ законъ конвенту и черезъ него всей Франціи».—

I.

Благодаря составу и образу дѣйствій секціонныхъ собраній, существенный источникъ власти остался якобинскимъ, и вода его не перестаетъ окрашиваться все въ болѣе и болѣе кровавый цвѣтъ; въ послѣдствіи, новые избирательные приемы, при помощи которыхъ составилось во время дѣйствія законодательнаго собранія насильственное городское правленіе (комуна) 10 августа, стали непрерывно возобновляться и значительно усложняются съ водвореніемъ конвента ¹⁾. Во всѣхъ почти секціяхъ предсѣдательское кресло занимаютъ санкюлоты; они же завѣдываютъ внутреннимъ порядкомъ въ самомъ залѣ, разставляютъ часовыхъ, назначаютъ цензоровъ и ревизоровъ. Пять или шесть шпіоновъ, завсегдатаевъ секціи, оплачиваемыхъ по 40 су въ день, остаются тамъ съ начала до конца засѣданія; подобные люди ни передъ чѣмъ не остановятся. Ихъ же употребляютъ на то, чтобы передавать приказания одного комитета общественнаго надзора другому... такъ что если оказывается, что санкюлоты одной секціи недостаточно сильны, то немедленно призываются на подмогу санкюлоты одной изъ сосѣднихъ секцій. Въ подобныхъ собраніяхъ выборы рѣшаются заранее, и потому нетрудно убѣдиться, что всѣ мѣста, дающіяся по выборамъ, насильственно остаются или переходятъ въ руки якобинской партіи. Совѣтъ комуны удержался сперва втеченіи четырехъ мѣсяцевъ, не смотря на безсильное противодѣйствіе законодательнаго собранія и

Муръ, II, 534 (во время процесса короля): «Всѣ департаменты, не исключая и самаго парижскаго, въ дѣйствительности, часто принуждены покоряться вопиющей тирании шайки продажныхъ негодяевъ, присвоивающихъ себѣ въ трибунахъ имя и права владыки-народа, и которые, подъ руководствомъ самаго ограниченнаго числа демагоговъ, управляютъ этою несчастною націею». — Тоже, II (13 ноября).

¹⁾ Шмидтъ, I, 96. Письмо Лошу президенту конвента отъ 11 октября 1792 г.: «Секція 1792 года постановила, въ силу своей неотъемлемой власти, 5 числа сего мѣсяца, что люди, находящіеся въ частномъ услуженіи, имѣютъ право голоса на нашихъ предварительныхъ собраніяхъ... Было бы желательно, чтобы національный конвентъ отыскалъ средство внушить жителямъ Парижа, что не одни они составляютъ республику. Какъ бы ни было безумно подобное понятіе, оно къ сожалѣнію, осуществляется ежедневно». — Тоже, 99. Письмо Дамура, вице-президента пантеонской секціи, отъ 29 октября: «Гражданинъ Парисъ сказалъ... что не слѣдуетъ брать во вниманіе закона, если онъ оскорбляетъ общественное мнѣніе... Всѣ эти смутники, насильственно добивающіеся мѣсть въ муниципалитетѣ и въ иныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, производятъ несмолкаемый шумъ и безпрестанные безпорядки».

конвента; затѣмъ, въ декабрѣ, когда онъ, наконецъ, принужденъ разойтись, онъ немедленно опять возсоздается, утвержденный большинствомъ голосовъ, усиленный и дополненный подходящими членами, съ тремя начальниками, старшимъ прокуроромъ, помощникомъ его и мэромъ во главѣ — всѣ трое главные руководители и виновники сентябрьскихъ событій, съ Шометомъ, прозывающимся Анаксагоромъ, бывшимъ сперва юнгою, потомъ прикащикомъ, затѣмъ писцомъ, не выходящимъ изъ долговъ, болтуномъ и гулякою; съ Геберомъ, прозваннымъ Рёге Duchesne, чтд достаточно краснорѣчиво говорить за него; съ Пашемъ, заискивающимъ и ничтожнымъ сладкорѣчивымъ интриганомъ, эксплуатировавшимъ свою добродушную и безобидную наружность, чтобы добиться мѣста военнаго министра, усердно грабившемъ и предоставлявшемъ своимъ подчиненнымъ слѣдовать своему примѣру, родившимся въ конурѣ привратника и отправлявшимся туда же обѣдать, вслѣдствіе ли расчета, или по естественному влеченію. Помимо власти гражданской, якобинцы сумѣли захватить и власть военную. Національная гвардія была переформирована немедленно вслѣдъ за 10 августа и раздѣлена на количество баталіоновъ, равнявшееся всему количеству секцій, и каждый баталіонъ сталъ, такимъ образомъ, «вооруженною секціею»; ясно, изъ какихъ людей составлялся подобный баталіонъ и какихъ демагоговъ онъ избиралъ себѣ въ офицеры и въ унтеръ-офицеры. «Невозможно болѣе, писать одинъ изъ депутатовъ — назвать національною гвардіею это скопище пикинеровъ и подставныхъ солдатъ, перемѣшанныхъ съ нѣсколькими буржуа и продолжающихъ исполнять съ 10 августа военную службу въ Парижѣ». И дѣйствительно, въ списки внесено 110,000 именъ; при общемъ сборѣ, въ важныхъ случаяхъ, могли бы явиться всѣ записанные, если они не были обезоружены; но обыкновенно почти всѣ предпочитаютъ оставаться дома и нанимаютъ санкюлота, идущаго за нихъ въ караулъ и несущаго на себѣ ихъ воинскую повинность. Въ сущности, всю ежедневную службу исполняетъ какая нибудь сотня неизмѣнно тѣхъ же наемниковъ, образующихъ резервы каждой секціи. Всѣ эти сотни составляютъ вмѣстѣ отъ четырехъ до пяти тысячъ головорѣзовъ, въ числу которыхъ принадлежатъ всѣ отдѣльныя шайки, фигурировавшія въ сентябрѣ, какъ то: Мальяръ и его 68 сподвижниковъ, расправлявшихся въ Аббей; Готье и его 40 разбойниковъ, подвизавшихся въ Шантильи; Одуинъ, прозванный саперомъ кармелитовъ (*sapeur des Carmes*) и его 350 бродягъ, набранныхъ по всѣмъ парижскимъ предмѣстьямъ; Фурнье,

Лазовскій и 1,500 человекъ ихъ достойныхъ помощниковъ, отличившихся въ Орлеанѣ и въ Версалѣ. Что же касается уплаты имъ и ихъ гражданскимъ пособникамъ, то это не представляетъ для якобинцевъ особаго затрудненія; они вмѣстѣ съ властью завладѣли и деньгами. Не считая всей сентябрьской добычи¹⁾, безчисленныхъ доходныхъ мѣстъ, которыми они располагаютъ, четырехсотъ, розданныхъ однимъ Пашемъ, четырехсотъ другихъ, розданныхъ Шометомъ, комуна распоряжается еще 850,000 франками въ мѣсяцъ, въ видахъ содержанія своей военной полиціи. Другіе надрѣзы и кровопусканія которымъ подвергаются государственное казначейство, переливаютъ общественныя суммы въ карманы ихъ сторонниковъ. Они употребляютъ миліонъ въ мѣсяцъ на уплату празднымъ и неумѣлымъ рабочимъ, собраннымъ ими отовсюду для сооруженія укрѣпленнаго лагеря подъ Парижемъ. Пять миліоновъ франковъ идутъ на уплату мелкимъ парижскимъ торговцамъ, въ виду пополненія убытка, претерпѣваемаго ими вслѣдствіе паденія новыхъ кредитныхъ билетовъ. Каждодневно выдается 12,000 франковъ, какъ субсидія хлѣбнымъ торговцамъ, въ видахъ пониженія цѣны на хлѣбъ въ пользу бѣдныхъ Парижа. Прибавьте къ этимъ суммамъ, выдаваемымъ регулярно, всѣ тѣ, которыя они похищаютъ или вымогаютъ. Съ одной стороны, въ военномъ министерствѣ, Пашъ, издавна ихъ сообщникъ, установилъ систему полнѣйшаго расточенія и расхищенія; у него, послѣ трехмѣсячнаго управленія, окажется дефицитъ въ 130 миліоновъ и приэтомъ никакихъ форменныхъ бумагъ или росписокъ¹⁾. Съ

¹⁾ «Национальный архивъ», F⁷, 3249. Письмо администраторовъ сенлискаго округа отъ 31 октября 1792 года. Два администратора сенлискаго госпиталя были арестованы парижскими комисарами и приведены въ мнимый комитетъ общественной безопасности Парижа со всеми деньгами, драгоценностями и аягнациями, найденными на нихъ. Тѣ же комисары уводятъ изъ госпиталя двухъ сестеръ милосердія, забирая въ то же время все госпитальное серебро; сестеръ отпустили, но серебра не вернули.—Бюше и Ру, XXVI, 209 («Французскій Патриотъ»), засѣданіе 30 апрѣля 1793 года, окончательный отчетъ комисіи, которой былъ порученъ пересмотръ отчетовъ бывшаго комитета общественного надзора: «Пани и Сержанъ уличены въ сорваніи государственныхъ печатей»... «Пропали 67,580 ливровъ, найденные впоследствии у Септеяля», а также множество драгоценныхъ предметовъ.

¹⁾ Де-Зибель, «Исторія Европы во время французской революціи», II, 76.—Мадамъ Роланъ, II, 152: «Не представлялось ни малѣйшей возможности не только составить отчета объ истраченныхъ 130 миліонахъ, но даже вообразить себѣ такого... Въ послѣдніе 24 часа, предшествовавшіе его отставкѣ, онъ успѣлъ роздать шестьдесятъ мѣстъ... и въ числѣ прочихъ мѣсто своему зятю въ 19,000

другой стороны, герцогъ орлеанскій, сдѣлавшійся Филиппомъ-Эгалите, эксплуатируемый до-нельзя всѣми своими многочисленными стипендіатами и наемниками, теперь, подъ угрозой смерти, принуждается выплачивать болѣе, нежели когда нибудь; разь, если ради спасенія собственной жизни, онъ согласился вотировать за смерть короля, то онъ, естественно, не остановится передъ другими жертвами¹⁾. Вѣроятно, большая часть его 74-миліоннаго долга, найденнаго послѣ него, истекаетъ изъ этого источника. Мятѣжная партія, имѣя, таимъ образомъ, въ своемъ распоряженіи государственныя мѣста, вооруженіе и деньги, и безгранично властвуя въ Парижѣ, должна теперь позаботиться лишь объ одномъ, какъ бы побороть одиноко стоящій конвентъ, который она усердно и настойчиво осаждаетъ со всѣхъ сторонъ.

II.

Партія уже успѣла выслать противъ конвента свой авангардъ, въ лицѣ избранныхъ ею пятидесяти депутатовъ, и, благодаря своему неотразимому обаянію на природы бѣшенныя и деспотическія, на грубые и звѣрскіе темпераменты, на слабые и извращенные умы, на безумныя воображенія, на сомнительную честность, на старинную религіозную и гражданскую вражду, ей удастся, по прошествіи шести мѣсяцевъ, удвоить это число. Коренное ядро сентябрьскихъ героевъ притягиваетъ къ себѣ на скамьи крайней лѣвой, вокругъ Робеспьера, Дантона и Марата, людей своего же закала, сперва гнусныхъ, подобно Шабо, Тальену и Барра, изверговъ, подобно Фуше, Гюфруа и Жавогу, гора-

ливровъ содержанія и своему парикмахеру, 19-ти-лѣтнему мальчишкѣ, котораго онъ назначаетъ военнымъ комисаромъ». «Между прочимъ, было доказано, что на полки, насчитывавшіе самое незначительное количество людей, все содержаніе выдавалось сполна».—Мейланъ, 20: «Мятѣжная партія завладѣла Парижемъ при помощи разбойниковъ, состоявшихъ у ней на жаловань, и вѣзми миліонами, предоставившимися по ея требованію въ распоряженіе муниципалитета, подъ предлогомъ обезпеченія продовольствія».

¹⁾ Болье, I, 445: «Я видѣлъ на перекресткахъ и на углахъ улицъ объявленіе, подписанное Маратомъ, въ которомъ онъ требовалъ отъ герцога орлеанскаго 15,000 ливровъ, въ награду за все сдѣланное имъ для послѣдняго».—Губернаторъ Марисъ, I, 260, письмо отъ 21 декабря 1792 года. Трибуны принуждаютъ конвентъ отзывать свой декретъ, опредѣляющій изгнаніе Вурбововъ.—22 декабря секціи представляютъ петицію въ той же формѣ, и по всѣмъ предметамъ возбуждается волненіе въ пользу Филиппа-Эгалите.

чешныхъ и бѣсноватыхъ, подобно Давиду, изступленныхъ и кровавадныхъ, подобно Каррье, полусумашедшихъ и злобныхъ, подобно Жозефу Лебону, обыкновенныхъ фанатиковъ, подобно Левассеру, Бодо, Жанъ-Бонъ-Сэнтъ-Андрѣ, Ромму и Лебѣ, затѣмъ и преимущественно будущихъ представителей грубой силы, людей авторитетныхъ, но ограниченныхъ, отличныхъ рядовыхъ въ политической милиціи, каковы Бурботъ, Дювенуа, Ревбель, Бентаболъ, «сброда безсмысленныхъ скотовъ», какъ говорилъ про нихъ Дантонъ, «лишенныхъ всякаго здраваго смысла, и проявляющихъ патриотизмъ лишь въ минуты опьяненія.. Марать ничто иное какъ лаяльщикъ; Лежандръ не ушелъ дальше своей мясной лавки; остальные только и годны на то, чтобы вотировать способомъ сидящихъ и встающихъ, но они не лишены извѣстной силы и энергіи». Изъ среды этихъ энергическихъ ничтожностей выдѣляется молодое чудовище, съ лицомъ спокойнымъ и красивымъ, Сэнь-Жюсть, нѣчто въ родѣ скороспѣлаго Суллы, въ двадцать пять лѣтъ едва лишь показался и немедленно завоевалъ себѣ видное положеніе силою своей гнусной жестокости ¹⁾. Первые жизненные шаги его ознаменовались, шесть лѣтъ тому назадъ, кражею въ домѣ родительскомъ: пріѣхавъ погостить къ матери, онъ убѣгаетъ ночью, унося серебро и драгоценности, которые онъ проматываетъ въ какихъ-то меблированныхъ комнатахъ, въ улицѣ Фроманто, въ самомъ центрѣ парижской проституціи ²⁾; затѣмъ, вслѣдствіе просьбы его семейства, его приговариваютъ къ шестимѣсячному тюремному заточенію. По освобожденіи, онъ посвящаетъ все свое время сочиненію грязной поэмы, въ родѣ «Орлеанской Дѣвы» (la Pucelle) Вольтера; послѣ этого, онъ яростно, какъ бѣшеный, бросается въ

¹⁾ Онъ первый, во время процесса короля, говоритъ отъ имени монтаньяровъ, и немедленно становится президентомъ якобинцевъ. Речь его противъ Людовика XVI очень знаменательна. «Людовикъ—второй Катилина»: онъ достоинъ смерти, во первыхъ, какъ измѣнникъ, пойманный на мѣстѣ преступленія, во вторыхъ, какъ король, т. е. какъ естественный врагъ и хищный звѣрь, пойманный въ тенета.

²⁾ Ватель, «Шарлота Корде и Жирондисты», I, предисловіе, СХLI (со всеми надлежащими документами, съ письмами мадамъ де-Сэнь-Жюсть, съ допросомъ 6 октября 1786 и т. д.). Къ числу украденныхъ вещей принадлежали слѣдующія: шесть различныхъ предметовъ изъ серебряной посуды, дорогое кольцо, выложенные золотомъ пистолеты, свертки серебрянаго галуна, и др.—Молодой человекъ заявляетъ, что долженъ былъ поступить въ полкъ графа д'Артуа, въ ожиданіи возраста, дозволившаго бы ему вступить въ лейбъ-гвардію. Онъ также имѣлъ намѣреніе поступить въ Ораторію.

волны революціи. «Человѣкъ съ кровью, пережатною ученіемъ», съ гордостію колоссальною, съ распатанною совѣстію, съ напряженнымъ и разнуданнымъ воображеніемъ, преслѣдуемый кровавыми воспоминаніями Спарты и древняго Рима, съ умомъ до того искаженнымъ и извращеннымъ, что онъ легко уживается съ привычкою вдаваться въ чудовищнѣйшіе парадоксы, въ самыя наглые софизмы и въ убійственнѣйшую ложь¹⁾. Въ немъ долго таились и кипѣли всѣ эти опасныя снадобья, слившіяся въ горнилѣ концентрированнаго и неосуществленнаго самолюбія, чтобы наконецъ излиться неудержимымъ и непрерывнымъ потокомъ вполне рассчитаннаго безсердечія, автоматической жестокости, и всей несложной политики утописта-диктатора и истребителя. Очевидно, что подобное меньшинство не покорится правиламъ парламентскихъ дебатовъ, и, не желая уступить большинству, внесетъ въ пренія крики, ругательства, угрозы, кулачную расправу, и прибѣгнетъ наконецъ къ кинжаламъ, пистолетамъ, саблямъ и «мушкетонамъ», какъ въ настоящемъ сраженіи.

«Подлые интриганы, клеветники, злодѣи, чудовища, убійцы, изверги, идіоты, свиньи», вотъ ихъ обычныя ругательства, и это еще ничтожнѣйшіи изъ всѣхъ ихъ насилій. На нѣкоторыхъ засѣданіяхъ предсѣдателю приходится накрываться до трехъ разъ и онъ, наконецъ, разбиваетъ свой колокольчикъ. Они осыпаютъ его оскорбленіями, они принуждаютъ его повинуть предсѣдательское кресло, они требуютъ, «чтобы его смѣнили». Базиръ порывается вырвать у него изъ рукъ постановленіе, которое тотъ хочетъ прочесть; Бурдонъ-де-л'Уазъ кричитъ ему, что «если онъ осмѣлится это сдѣлать, онъ его зарѣжетъ». Залъ превратился въ арену гладіаторовъ. Иногда всѣ монтаньяры срываются съ своихъ мѣстъ, и на эту человѣческую волну, надвигающую со стороны лѣвыхъ, наступаетъ другая, подобная ей, ударяющая со стороны ихъ противниковъ: обѣ налетаютъ другъ на друга въ центрѣ

¹⁾ Тоже. Рѣчь его противъ короля, докладъ его о Дантовѣ, рѣчь его отъ 8 термидора, и т. д. Чтобы понять характеръ Сень-Жюста, слѣдуетъ прочесть письмо его къ Добиньи, отъ 20 іюля 1792 года: «Съ той поры какъ я здѣсь, мнѣ гложетъ республиканская лихорадка, свѣдающая и сжигающая меня... Крайне сожалею, что не могу оставаться въ Парижѣ. Я чувствую въ себѣ достаточно силы, чтобы быть однимъ изъ дѣятелей этого столѣтія... Всѣ вы трусы и подлецы, не сумѣвшіе оцѣнить меня. Но слава моя возрастаетъ и, быть можетъ, затмитъ васъ всѣхъ. Вы гнусные, презрѣнные люди, считаете меня плутомъ и извергомъ только потому, что мнѣ нечѣмъ платить вамъ? Вырвите мое сердце и пожрите его, тогда вы станете тѣмъ, чѣмъ вы никогда не были: великими».

зала, и во время одной изъ подобныхъ свалокъ, одинъ изъ монтаньяровъ выхватываетъ пистолеть, а жирондистъ Дюперре обнажаетъ шпагу. Выступающіе члены правой стороны, принужденные, «вслѣдствіе постоянныхъ преслѣдованій, угрозъ и оскорбленій», проводить всѣ ночи внѣ дома, теперь должны къ тому же носить при себѣ оружіе въ видахъ самозащиты, «и послѣ казни короля, почти всѣ они» иначе и не являются на засѣданія конвента. И дѣйствительно, поджидая ежедневно окончательнаго нападенія, они хотятъ умереть, по крайней мѣрѣ отомстивъ за себя; «въ ночь съ 9 на 10 марта, находясь всего въ числѣ сорока трехъ, они дали другъ другу слово напасть дружно на противниковъ при первомъ ихъ враждебномъ движеніи и, погибая, перебить возможно большее ихъ число».

Средство отчаянное, но вмѣстѣ съ тѣмъ единственное, такъ какъ, помимо изступленныхъ зала, противъ нихъ всѣ изступленные трибуны, а тамъ также немалое количество сентябрьскихъ героевъ. Вся худшая якобинская сволочь намѣренно и крѣпко оцѣпила ихъ, сперва въ старомъ залѣ манежа, а затѣмъ въ новомъ залѣ Тюльерійскаго дворца. Они видятъ ежедневно надъ собою и вокругъ себя двойной кругъ непреклонныхъ, тѣсно сплоченныхъ враговъ, «отъ восьми до девятисотъ головъ, наполняющихъ большую среднюю галерею», надъ которою высится глубокой и мрачный сводъ, и сверхъ того, по сторонамъ, еще отъ тысячи до полуторы тысячи человѣкъ, двѣ огромныя, переполненныя трибуны ¹⁾. Въ сравненіи съ настоящими, галереи учредительнаго и законодательнаго собраній были безмолвными. «Ничто не унижаетъ такъ конвента, пишетъ одинъ изъ наблюдателей-иностранцевъ,—какъ дерзость присутствующихъ слушателей; и дѣйствительно, существуетъ декретъ, воспрещающій всякое проявленіе одобренія или порицанія, а между тѣмъ «декретъ этотъ нарушается ежедневно и никто еще не былъ наказанъ за подобное нарушеніе закона». Большинство тщетно негодуетъ противъ «шайки подкупленныхъ мерзавцевъ», докучающей ему и его притѣсняющей; оно, не переставая жаловаться и протестовать, выноситъ однако эту докузу и это притѣсне-

¹⁾ Добанъ, «Демагогія», въ 1793 году ст. 181. Описаніе зала, сочиненіе Прудона, изданіе иллюстрированное.—Тоже, 199. Письмо Бриссо къ его избираемымъ: «Разбойники и выханки нашли средство завладѣть и новымъ заломъ». — По разсказу Прудона, на трибунахъ помѣщались лишь тысяча четыреста человѣкъ, Дюлоръ же утверждаетъ, что онѣ могли вмѣстѣ отъ двухъ до трехъ тысячъ.

ніе. «Это борьба отчаянная, ужасная, говоритъ одинъ изъ депутатовъ, — несмолчаемые крики, угрозы, топанье, свистки... Трибуны изрыгаютъ самыя грязныя ругательства». «Уже давно, говоритъ другой, нѣтъ никакой возможности добиться здѣсь слова, если не заручиться заранѣе ихъ позволеніемъ». Когда наконецъ Бюзо получаетъ позволеніе говорить противъ Марата, «трибуны приходятъ въ ярость, ревуть, стучать и угрожаютъ»; всякій разъ, какъ Бюзо начинаетъ свою рѣчь, вопли и ропотъ покрываютъ его слова, и онъ втеченіи получаса стоитъ на трибунѣ, не имѣя возможности окончить своей вступительной фразы. «При поименной переключкѣ въ особенности, крики подходятъ на тѣ, которые испускаетъ обезумѣвшая толпа, слѣдующая въ испанскомъ циркѣ и сердцемъ и глазами за боемъ быка съ пикадорами»: раздаются вопли канибаловъ, каждый разъ какъ одинъ изъ депутатовъ не вотируетъ за смерть короля, или же вотируетъ въ пользу апелляціи къ народу; «нескончаемое шиканье и свистки», если какой-либо депутатъ подаетъ голосъ за обвиненіе Марата. «Мы заявляемъ, говорятъ съ трибуны нѣкоторые изъ депутатовъ, — что здѣсь мы несвободны; мы заявляемъ, что насъ принуждаютъ высказываться подъ ножомъ». «При входѣ въ залъ, Шарлю Вильѳу объявляютъ, что умертвятъ его, если онъ откажется вотировать за смерть короля». И это далеко не пустыя угрозы. 10 марта, предупреденныя трибуны, въ ожиданіи обѣщаннаго бунта, уже заряжали свои пистолеты. «Въ маѣ мѣсяцѣ, оборванныя и подеупленные женщины, образовавшія клубъ, именующійся клубомъ «Дамъ Братства» (Dames de la Fraternité), являются ежедневно вооруженныя и наполняютъ собою коридоры и проходъ зданія конвента; они разрываютъ впускные билеты, выданные тѣмъ, кто не принадлежитъ къ ихъ шайкѣ; они завладѣваютъ всѣми мѣстами, угрожаютъ кинжалами и пистолетами и кричатъ, что слѣдуетъ свести тысячу восемьсотъ головъ для того, чтобы возстановить порядокъ».

За этими двумя передовыми линіями нападающихъ есть и третья, несравненно многочисленнѣйшая и тѣмъ болѣе грозная, что она темна и неопредѣленна; я говорю о той смутной массѣ, составляющей свиту и дополненіе анархистовъ, разбросанной по всему Парижу и всегда готовой возобновить противъ сопротивляющагося большинства 10-е августа и 2-е сентября. Зажигательныя подстрекательства и призывъ къ бунту непрестанно раздаются въ комунѣ, въ якобинскомъ клубѣ, у францисканцевъ (Cordeliers), въ

епископскомъ дворцѣ (Evêché), въ секціонныхъ собраніяхъ и, наконецъ, во всѣхъ группахъ, образующихся въ тюльерійскомъ саду, или на улицахъ. «Вчера, пишетъ предсѣдатель секціи Тюльери, — въ то же время и на различныхъ пунктахъ Парижа, какъ-то: въ улицѣ дю-Бакъ, въ Маре, въ церкви Сэнтъ-Эсташъ, во дворцѣ Революціи, на терасѣ фельянтинцевъ, злодѣи проповѣдывали грабежъ и убійство». На слѣдующій день опять на терасѣ фельянтинцевъ, т. е. подъ самыми окнами конвента, «побуждаютъ къ убіенію Луве, за обвиненіе имъ Робеспьера». «Теперь только и слышно, пишетъ министръ Роланъ, — что о заговорахъ и о планахъ избіеній». Три недѣли спустя, объявляютъ въ теченіи нѣсколькихъ послѣдовательныхъ дней о намѣреніи возбудить въ Парижѣ бунтъ; министра предупреждаютъ о томъ, «собираются подать сигналъ къ возстанію пушечными выстрѣлами», и заранѣе обозначаютъ тѣ головы, на которыя обрушится этотъ мятежъ, непрестанно грозящій разразиться. Избирательное собраніе, въ послѣдующемъ затѣмъ мѣсяцѣ, печатаетъ и раздаетъ бесплатно списокъ лицъ, принадлежащихъ къ клубамъ Сэнтъ-Шапель и фельянтинскому; оно также приказываетъ печатать и раздать списокъ восьми тысячъ и двадцати тысячъ, а также клубовъ 1789 г. и Монтэю Въ январѣ мѣсяцѣ газетчики выкрикиваютъ на улицахъ имена аристократовъ и роялистовъ, вотировавшихъ въ пользу апелляціи къ народу. Имена нѣкоторыхъ изъ апеллировавшихъ выставляютъ на особыхъ объявленіяхъ и Тибо, епископъ кантальскій, читающій на улицѣ подобное объявленіе, касающееся его, слышитъ за собою слова: «Хотѣлось бы мнѣ поймать этого епископа кантальскаго: я бы его мигомъ уковомилъ». Эти разговорѣзы пальцами указываютъ на депутатовъ, выходящихъ изъ зала засѣданія, и кричатъ имъ вслѣдъ: «Нужно изрубить этихъ мерзавцевъ!» Съ недѣли на недѣлю продолжаютъ проявляться и быстро возрастаютъ всевозможныя явленія, предвѣстники возстанія, подобно молніи, безпрестанно сверкающей въ небѣ, покрытомъ грозowymi тучами. 1 января распространяется слухъ о томъ, что въ эту же ночь закроютъ всѣ заставы и возобновятъ домашніе обыски. 7 января, коммуна, вслѣдствіе заявленія секціи Гранвиле, требуетъ у министра разрѣшенія забрать всѣ 132 пушки, находящіяся въ складахъ Сэнтъ-Дени, съ тѣмъ, чтобы раздать ихъ секціямъ. 15 января, секція Гранвиле предлагаетъ сорока семи остальнымъ назначить, какъ было 10 августа, особыхъ комисаровъ, которые бы собирались въ епископскомъ дворцѣ (Evêché) для наблюденія за обществен-

ною безопасностью. Въ тотъ же день, какъ бы въ видахъ того, чтобы конвентъ не сомнѣвался относительно этихъ намѣреній, въ трибунахъ его говорятъ громко, ни мало не стѣсняясь, что пушки привезены въ Парижъ «съ цѣлью возобновить 10-е августа противъ него же, конвента». И опять въ тотъ же день приходится прибѣгнуть къ вооруженной силѣ для того, чтобы помѣшать бандитамъ ворваться въ тюрьмы и «возобновить тамъ избіенія». 28 января, Палэ-Рояль, средоточіе людей праздныхъ и ищущихъ развлечения, окруженъ Сантеромъ въ восемь часовъ вечера и «около шести тысячъ человѣкъ, не имѣющихъ при себѣ бумаги, удостовѣряющей въ ихъ патриотизмъ», арестуются и подвергаются одинъ за другимъ суду своихъ секцій. Теперь на горизонтѣ не одна только молнія: отъ времени до времени раздаются глухіе раскаты грома. 31 декабря, нѣкоего по имени Лувенъ, еще прежде обвиненнаго Маратомъ въ томъ, что онъ агентъ Лафайета, зарѣзываютъ въ Сэнтъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ и трупъ его тащатъ по улицамъ до самаго Морга (домъ, гдѣ выставляютъ мертвыя тѣла). 25 февраля совершается разграбленіе лавокъ колониальныхъ торговцевъ, по проiscaмъ Марата, съ согласія или, по крайней мѣрѣ, при потворствѣ комуны. 9 марта происходитъ раззореніе типографіи Горзаса шайкою въ двѣсти человѣкъ, вооруженною саблями и пистолетами. Въ тотъ же вечеръ и на другой день начинается и продолжается бунтъ, подготовленный и возбужденный противъ самаго конвента; якобинскій комитетъ приглашаетъ всѣ парижскія секціи «вооружиться, возстать» и избавиться отъ апелирующихъ депутатовъ и отъ министровъ; общество францисканцевъ (Cordeliers) приглашаетъ представителей парижской власти «взять въ свои руки и верховное владычество, подвергнувъ при этомъ аресту всѣхъ депутатовъ-измѣнниковъ»; Фурнье, Варле и Шампионъ требуютъ отъ комуны, «чтобы она объявила себя возставшею и заперла всѣ заставы»; всѣ входы въ конвентъ наполнены «диктаторами избіеній»; Петиона и Бернонвила узнаютъ при выходѣ изъ собранія, преслѣдуютъ ихъ и едва не убиваютъ; на фельянтинской терасѣ собираются бѣшенныя сходки съ цѣлью «судить всенародно», «рубить головы» и затѣмъ «отсылать ихъ департаментамъ». Къ счастью начинаетъ лить дождь, что всегда охлаждаетъ непомерно расходившееся народное волненіе, и Кервелегану, одному изъ депутатовъ Финистера, удается собрать въ предмѣстьѣ Сэнтъ-Марсо баталіонъ брестскихъ волонтеровъ, только что пришедшихъ и еще преданныхъ конвенту; они подоспѣваютъ во-время, чтобы освободить

его. Таково положеніе большинства, находящагося подъ тройнымъ давленіемъ монтаньяровъ, трибунъ и уличной черни, и съ каждымъ мѣсяцемъ гнетъ этотъ все возрастаетъ и становится особенно ощутителенъ, начиная съ 10 марта.

III.

Большинство, находясь подъ этимъ гнетомъ, съ каждымъ мѣсяцемъ уступаетъ и поддается все болѣе и болѣе. Нѣкоторыхъ окончательно побѣждаетъ уже одинъ физическій страхъ: во время процесса короля, при третьей поименной переключкѣ, когда съ высоты трибуны раздавались одинъ за другимъ голоса въ пользу смерти, одинъ изъ депутатовъ, сидѣвшій рядомъ съ Дону, выражалъ свое неудовольствіе при помощи самыхъ энергическихъ жестовъ. Приходитъ его чередъ; трибуны, вѣроятно замѣтившія его видимое сопротивленіе, раздражаются такимъ неудержимымъ потокомъ угрозъ, что втеченіи нѣсколькихъ минутъ нѣтъ возможности слышать его словъ; «наконецъ, спокойствіе восстановлено и онъ вотируетъ за смерть»¹⁾. Другіе, предупрежденные, подобно Дюранъ-Мальяну, Робеспьеромъ о томъ, «что умнѣе придерживаться сильнѣйшей партіи», убѣждаютъ себя «въ существенной необходимости не раздражать взволнованнаго народа, и потому рѣшаются «оставаться неизмѣнно въ сторонѣ, подъ защитою своего безмолвія и своего ничтожества». Между пятьюстами депутатами центра находится немало подобныхъ, ихъ уже начинаютъ обзывать «болотными жабами», а черезъ какіе-нибудь шесть мѣсяцевъ они сознательно дойдутъ до положенія нѣмыхъ статистовъ или, скорѣе, манекеновъ-убійцъ и отъ одного лишь взгляда Робеспьера, душа ихъ, захулавшая отъ ужаса, уйдетъ окончательно въ пятки. Они, ошеломленные происходя-

¹⁾ Тайландъ, «Біографическіе документы о Дону». (Разсказъ Дону), ст. 38.—Дульсе-де-Понтегуанъ, «Мемуары», I, 139: «Тогда-то монтаньяры стали пускать въ ходъ застрачиванія и всѣ тѣ средства, которыми они обладали: они наполнили трибуны своими наемными клеветами, громко выкликаящими имя каждаго депутата, который поднимался къ президентской кафедрѣ для подачи голоса, и преслѣдовали злобнымъ ревомъ всѣхъ тѣхъ, которые не вотировали въ пользу смерти немедленной и безусловной».—Карно, «Мемуары», I, 293. Карно поддалъ голосъ за смерть короля, а между тѣмъ, онъ сознается, что «Людовикъ XVI былъ бы спасенъ, если-бы конвентъ не вотировалъ по принужденію, подъ угрозою смерти».

щимъ и не находя въ сердцѣ своемъ никакой поддержки, еще задолго до паденія жирондистовъ проявить на лицѣ своемъ «смертельную блѣдность трусости и беспомощность отчаянія». Камбасересъ сперва лавируетъ и, наконецъ, укрывается подъ сѣнь своего законодательнаго комитета ¹⁾. Барреръ, рожденный съ лакейскою душою, способной на всякія подлости, отдаетъ свою словоохотливость и словообиліе юзанина на служеніе вожущагося большинства до тѣхъ поръ, пока онъ не предоставитъ своей лютой риторики на служеніе восторжествовавшаго меньшинства. Сіэсъ, подавъ голосъ за смерть, впадаетъ въ настойчивое молчаніе, столько же изъ чувства отвращенія, сколько изъ предосторожности: «Что можетъ значить одинъ мой стаканъ вина, говоритъ онъ,—въ этомъ потоцѣ водки?» Многие, даже изъ числа жирондистовъ, успокаиваютъ себя различными софизмами, въ виду своей уступчивости. Есть и такіе, которые воображаютъ, что пользуются нѣкоторою популярностію, и боятся потерять ее. Иногда же выставляютъ, какъ предлогъ, необходимость сохранить свое вліяніе при болѣе важныхъ случаяхъ. Случается, что говорятъ искренно или съ намѣреніемъ прикрыться: «Оставьте безумцевъ дѣйствовать; они этимъ выдаютъ себя и такимъ образомъ сами готовятъ свою гибель». Приводимые предлоги иногда безобразны и дики. По мнѣнію Барбару, слѣдуетъ вотировать за немедленную казнь, въ виду того, что это лучшее средство оправдать Жиронду и заставить замолчать ея клеветниковъ-якобинцевъ. По мнѣнію Берлье, лучше вотировать за смерть, такъ какъ не стоитъ прибѣгать къ ссылке: Людовика XVI разорвать раньше, чѣмъ онъ успѣетъ добраться до гранацы. Верньо, наканунѣ приговора, говорилъ де-Сегюру: «Чтобы я подалъ голосъ за смерть! Вы оскорбляете меня, если думаете, что я способенъ на такой недостойный поступокъ»; и онъ упиралъ на всю преступность, бесполезность и даже опасность подобнаго исхода. «Останься я хоть одинъ этого мнѣнія, но я все-таки не измѣню его»; а на другой день, подавъ голосъ за смерть, онъ извиняется, говоря, «что не считалъ себя вправѣ идти противъ общаго желанія изъ-за сохраненія жизни одного только человѣка». Отъ пятнадцати до двадцати депутатовъ, увлеченные его примѣромъ, поступили также, и этой под-

¹⁾ «Мониторъ», XV, 187. Слова Камбасереса: «Людовикъ заслужилъ наказанія, опредѣленнаго уставомъ противъ заговорщиковъ. Но слѣдуетъ отложить казнь до прекращенія военныхъ дѣйствій; въ случаѣ же вторженія враговъ на французскую территорію, приговоръ этотъ будетъ приведенъ въ исполненіе».

держки было достаточно, для перенесения большинства на враждебную сторону. Та же слабость проявлялась и в другие решительные минуты. Верньо, на которого возлагают расследование заговора 10 марта, приписывает его аристократам и сознается Луве, «что боялся назвать настоящих заговорщиков, чтобы не озлобить еще больше людей и без того яростных и не останавливающихся ни перед какими насилиями». Дело в том, что жирондисты, как бывало члены конституционного собрания, были слишком цивилизованы, в сравнении с своими противниками, и покорялись грубой власти, так как сами не решались прибегнуть к ней.

«Противную партию можно было победить, лишь умертвив ее, говорил один из них, Мейлань, — что, может быть, и не представляло особых затруднений. Весь Париж не менее нас самих тяготился ее игом, и будь мы любители и сторонники мятежей, мы очень скоро порешили бы с нею. Но как заставить прибегнуть к таким ужасным мерам людей, упрекавших своих противников в их употреблении? А между тем мэры эти спасли бы государство». Впоследствии, неспособные действовать, не зная чего придерживаться, принужденные лишь протестовать, мешать по возможности утверждению революционных декретов и апеллировать к департаментам против Парижа, они являются препятствием людям практическим и всецело отдавшимся раз предпринятому делу. Карно, без сомнения, честен не менее их, но честен как ненаходчивый и неумный фанатик. Конечно, Камбонь безкорыстен не менее Ролана, и открыто, как последний, заявил протест против 2 сентября, против коммуны и анархии. Но для Карно и для Камбона, проводящих ночи, первый в составлении бюджетов, второй в изучении карт, прежде всего нужно правительство, могущее снабдить их миллионами и войском, конвент единоклассный и ничем не стесняющийся, т. е., в виду неимения иного исхода, конвент окончательно очищенный от его неудобных ораторов-отщепенцев¹⁾; другими словами, нужна диктатура парижской черни. Камбонь

¹⁾ «Маршалъ Даву», сочиненіе мадамъ де-Блоквиль. Письмо баталіоннаго командира Даву отъ 2 іюня 1793 года: «Душа Лепельтье перешла въ наши; этого достаточно, чтобы указать вамъ на наши мнѣнія и на то, каково будетъ поведеніе наше во время кризиса, которому, быть можетъ, снова подвергнетъ насъ мятежная партія, стремящаяся возжечь между департаментами и Парижемъ междоусобную войну... Предательское краснорѣчіе... Умѣренные Тартюзы».

примирился съ этою мыслью уже съ 15 декабря 1792 года и даже возвелъ терроризмъ низшей черни на степень европейской системы; съ этого времени ¹⁾ онъ не перестаетъ проповѣдывать всеобщую санкюлотерию (*une sans-culotterie universelle*), т. е. порядокъ вещей, при которомъ администраторами явятся бѣдныя, а плательщиками налоговъ — исключительно только богатые, другими словами, восстановление привилегій въ обратномъ смыслѣ; уже осуществляется будущее изрѣченіе Сіуса: теперь дѣло не въ примѣненіи революціонныхъ принциповъ, а въ спасеніи людей. Большая часть депутатовъ, увлеченная этою существенною необходимостью, перестаетъ сопротивляться теченію, не мѣшаетъ больше монтаньярамъ осуществить ихъ намѣренія и окончательно отпадаетъ отъ жирондистовъ. Но несравненно важнѣе всѣхъ этихъ отпаденій, въ частности, то, что Жиронда непосредственно вредитъ себѣ и умаляетъ себя. Она не только не умѣетъ сплотиться въ лигу, составить сильный отрядъ; ее не только возмущаетъ «одна лишь мысль объ общемъ, коллективномъ усилии, такъ какъ каждый изъ ея членовъ, желая быть вполне независимымъ и поступать по своему личному усмотрѣнію», хочетъ предлагать свои проекты, не предупреждая объ этомъ другихъ, и даже при случаѣ намѣревается вотировать противъ своей партіи; но еще, помимо того, она, въ силу своего отвлеченнаго принципа, согласна съ своими противниками, и скользя съ роковой крутизны, на которой ее кое-какъ удерживаютъ ея инстинкты чести и человѣколюбія, увлекается все быстрѣе и неудержимѣе, подталкиваемая силою этого общаго догмата, тяготѣющаго надъ нею, и, наконецъ, достигаетъ той страшной бездны, въ которой государство, согласно изрѣченію Жанъ-Жака Руссо, будучи всемогущимъ, философомъ, антика-

¹⁾ «Мониторъ», XIV, 758. Докладъ Камбона отъ 15 декабря, «относительно поведенія, котораго должны придерживаться французскіе генералы въ иѣстахъ, занятыхъ войсками республики». Этотъ достоверный документъ является какъ-бы манифестомъ революціи.— Бюше и Ру, XXVII, 140, засѣданіе 20 мая, и XXVI, 177, засѣданіе 27 апрѣля, рѣчь Камбона: «Департаментъ Геро объявилъ такой то личности: «Ты богатъ, твои убѣжденія причиняютъ намъ извѣстныя траты... Ты противъ своей же воли хочешь примкнуть къ революціи; я хочу, чтобы ты ссудилъ республику своимъ сосогоніемъ, а когда твердо установится свобода, республика вернетъ тебѣ твой капиталъ». «Было бы желательнo, чтобы конвентъ, слѣдуя примѣру, данному департаментомъ Геро, открылъ патристическій заемъ въ миллиардъ, который бы покрыли эгоисты и люди безучастные».— Декретъ отъ 20 мая, утвержденный почти единогласно: «Заемъ въ миллиардъ, насильственно взимаемый съ богатыхъ гражданъ».

только, антихристианином, авторитетным, уравнителем, нетерпимым и пропагандистом, насилует воспитание, нивелирует состояние, преследует церковь, гнетет свободу совести, давит каждую отдельную личность и, при помощи военной силы, заставляет и чужеземцев признать свои воззрения¹⁾. А в сущности, жирондисты, исходя из тех же принципов, что и монтаньяры, и не проявляя лишь их непомерного эгоизма и их неудержимой стремительности, идут к той же цели, что и первые; вот почему севтаторское предубеждение смягчает в них нравственное отвращение; они чувствуют в тайниках своей души, как революционный инстинкт влечет их к врагам, и во многих случаях сами выдают себя. Вследствие этих многочисленных и разнообразных отпадений, с одной стороны, большинство доходит, наконец, до размера 279 голосов против 228; с другой стороны, оно, постепенно отступая, отдает осаждающим одну за другою все выдающиеся позиции общественной твердыни, так что при первом штурме ему останется лишь два исхода: бегство, или мольба о пощаде.

IV.

Большинство конвента, в силу принципа, требовало охранной стражи, собранной из департаментов, но, сдаваясь перед протестом монтаньяров, не посмело осуществить этого принципа на деле. Его охраняли в течение шести месяцев и спасли 10 марта при помощи добровольного содействия, оказанного про-

¹⁾ Речь Дюко, 20 марта: «Следует избрать между домашним воспитанием и свободой. До тех пор, пока вы, посредством равного воспитания, не приблизите бедного к богатому, ваши законы будут тщетно провозглашать святое равенство».—Рабо-Сент-Этьенн: «В каждом кантоне соорудить национальный храм, в котором муниципальные чиновники будут по воскресеньям поучать нравственности собравшихся граждан. Урок этот будет извлекаться из книг, одобренных законодательным корпусом, и будет сопровождаться пением гимнов, также одобренных законодательным собранием. Затем будут обучать весьма несложному и краткому катехизису, составленному законодательным же корпусом, и каждый мальчик будет обязан заучить его наизусть».—Бюше и Ру, XXIII, 467.—Кондорсе в своем «Tableau des progrès de l'esprit humain» выставляет нивелировку сословий, как конечную цель всякого общества.—По поводу заграничной пропаганды следует прочесть проект Камбона (15 декабря). Проект этот проходит огромнейшим большинством голосов и Бюзо усиливает его своею поправкою («Монитор», XIV, 761).

винціальными федералистами, а между тѣмъ, нимало не заботясь о томъ, чтобы составить изъ этихъ временныхъ пособниковъ постоянный отрядъ вѣрныхъ защитниковъ, оно даетъ имъ возможность разбрестись, или же допускаетъ Паша и якобинцевъ развратить ихъ. Оно опредѣляло неоднократно подвергнуть наказанію виновниковъ сентябрьской рѣзни, и откладывало преслѣдованіе на неопредѣленное время, вслѣдствіе грозной петиціи своихъ противниковъ. Оно призвало къ отчету Фурнье, Лазовскаго, Дефье и остальныхъ вожаковъ, хотѣвшихъ 10 марта окончательно вытѣснить его, и выслушавъ ихъ безстыдную защиту, оправдываетъ ихъ, предоставляетъ имъ свободу и возможность возобновить свою попытку. Оно поочередно назначаетъ военными министрами двухъ скрытныхъ и коварныхъ якобинцевъ, Паша и Бушота, которые не перестанутъ работать противъ него. Оно допускаетъ удаленіе Ролана, министра внутреннихъ дѣлъ, самую твердую свою опору, и назначаетъ на мѣсто его Гара, завятаго идеолога, котораго умъ, составленный изъ бессодержательныхъ обобщеній, и характеръ, сложившійся изъ самыхъ противорѣчивыхъ попользованій и стремленій, недодуманныхъ, неувѣренныхъ, окончательно разрушаются подъ напоромъ упущеній, обмановъ, полу-предательства, удрученные тяжестью непосильной обязанности. Оно вотируетъ убіеніе короля, что образуетъ непросыхаемый потокъ крови между нимъ и всѣми честными людьми. Оно вовлекаетъ націю въ борьбу изъ-за принциповъ¹⁾ и возбуждаетъ противъ Франціи европейскую лигу, что, возобновляя на границѣ опасность сентябрьскихъ дней, еще болѣе способствуетъ поддержанію сентябрьскаго режима внутри государства. Оно заранѣе заготовляетъ ужаснѣйшія орудія будущаго террора слѣдующими мѣрами: декретомъ, учреждающимъ революціонное судилище, съ Фулье-Тэнвилемъ во главѣ и съ обязательствомъ для каждаго присяжнаго громко произносить свой вердиктъ; декретомъ, приговаривающимъ къ гражданской смерти и къ конфискаціи имущества всѣхъ эмигрантовъ, «обоихъ половъ», даже простаго бѣглеца, или, наконецъ, вернувшись втеченіи послѣднихъ шести мѣсяцевъ; декретомъ, ставящимъ выѣ закона аристократовъ и враговъ революціи; декретомъ, налагающимъ въ каждомъ округѣ особую контрибуцію на бога-

¹⁾ Муръ, II, 44 (октябрь 1792 года). Дантонъ объявляетъ съ трибуны, что «конвентъ долженъ изобразить собою инсurreкціонный комитетъ противъ всѣхъ королей вселенной». По поводу этого Муръ замѣчаетъ, что это равносильно объявленію войны всей Европѣ, за исключеніемъ Швейцаріи.

тыхъ, дабы уравнять относительно дохода или заработка цѣну на хлѣбъ; декретомъ, по которому каждый мѣшокъ зерна подвергается объявленію и опредѣленію извѣстной цѣны; декретомъ, наказывающимъ шестигодичнымъ тюремнымъ заключеніемъ продажу или вывозъ звонкой монеты; декретомъ, утверждающимъ насильственный заемъ, покрываемый богатыми; декретомъ, набирающимъ въ каждомъ городѣ войско изъ санкюлотовъ, состоящихъ на жалованьи, чтобы «держать въ страхѣ аристократовъ»; наконецъ, декретомъ, учреждающимъ комитетъ общественной безопасности, т. е. центрального двигателя, непрестанно и быстро вращающаго всѣ острия косы, срѣзывающія жизни и состоянія. Оно, не довольствуясь этими механизмами, способствующими общему разрушенію, устроило одинъ, совершенно специальный, для себя. Оно не только снабжаетъ своихъ соперниковъ, представителей комунъ, всѣми миліонами, необходимыми имъ для содержанія своихъ шабешъ; оно не только выдаетъ, въ видѣ займа, различнымъ севціямъ сотни тысячъ франковъ, идущихъ на уплату ихъ горлодерамъ; но еще, въ послѣднихъ числахъ марта, въ ту самую минуту, какъ оно, какъ-бы случайно, спасается отъ перваго якобинскаго вторженія, оно предоставляетъ каждой секціи избрать свой комитетъ общественнаго надзора, которому дается право совершать домашніе обыски и обезоруживать ненадежныхъ людей; оно не противится арестамъ и денежнымъ взысканіямъ, опредѣляемымъ комитетомъ; наоборотъ, въ видахъ облегченія ему подобной операціи, оно приказываетъ, чтобы на каждомъ домѣ былъ выставленъ полный и отчетливо написанный списокъ всѣхъ его обитателей, «съ ихъ фамиліями, именами, прозвищами, ихъ лѣтами и ихъ профессією»; оно требуетъ копій этихъ списковъ и подвергаетъ ихъ своему контролю. Въ заключеніе, оно само подчиняется этому контролю и, «упуская изъ виду законъ о неприкосновенности представителя французской націи», оно порѣшаетъ, что, въ случаѣ политическаго доноса, собственные члены его подлежатъ обвиненію и наказанію.

V.

«Большинство это, замѣчаетъ съ пронику одинъ тонкій наблюдатель,—какъ-бы говоритъ враждебной партіи: Вы видите, что мы располагаемъ значительными средствами, но мы не желаемъ употребить ихъ противъ васъ; у насъ не достало бы присутствія духа напасть на васъ, пока вы бессильны. Сила

общественная проистекаетъ изъ двухъ началъ: изъ власти законной, и изъ вооруженной силы. И вотъ мы создаемъ комитетъ общественнаго надзора, управление которымъ вручаемъ вамъ, такъ какъ, обладая подобнымъ бичемъ, нетрудно справиться со всѣми честными людьми Парижа и руководить общественнымъ духомъ. Мы сдѣлаемъ и больше того, а иначе жертва будетъ неполная; мы хотимъ подарить вамъ нашу вооруженную силу, предоставивъ вамъ право обезоруживать людей, для васъ неблагонадежныхъ. Что же касается насъ самихъ, то мы готовы отдать вамъ все оружіе, не исключая даже карманныхъ ножей; пусть добродѣтель и таланты наши будутъ нашими единственными защитниками. Но, берегитесь! Если, презирая долгъ благодарности, вы осмѣлитесь коснуться нашихъ священныхъ особъ, мы найдемъ себѣ мстителей въ департаментахъ». Но какое имъ было дѣло до департаментовъ, направленныхъ одинъ на другой, разъ какъ конвента уже не станеть? Ничто не можетъ быть вѣрнѣе этого краткаго изложенія фактовъ и основательнѣе подобнаго предсказанія. Якобинцы съ этой поры, въ силу декретовъ самого же конвента, приобрѣтаютъ не только всю исполнительную власть, каковою она существуетъ въ странахъ цивилизованныхъ, но даже неограниченную власть древняго тирана, или современнаго паши, эту вполнѣ произвольную силу, выбирающую по личному усмотрѣнію жертву, чтобы отобрать у нея оружіе, деньги и свободу. Начиная съ 28 марта, въ Парижѣ возобновляется порядокъ вещей, установленный 10 августа и окончившійся 2 сентября. Съ утра бьютъ тревогу; въ двѣнадцать часовъ закрываютъ всѣ заставы, загораживаютъ мосты и проходы, разставляютъ часовыхъ на углахъ каждой улицы, всѣмъ строго воспрещается «выходить за предѣлы своей секціи»; даже и въ своей секціи никто не смѣетъ показаться на улицѣ, не предъавивъ своего свидѣтельства въ патриотизмѣ; врываются въ дома, арестуютъ множество лицъ, и операція эта непрестанно возобновляется втеченіи двухъ послѣдующихъ мѣсяцевъ, благодаря полнѣйшему произволу комитетовъ общественнаго надзора. А между тѣмъ, по всѣмъ почти секціямъ «комитетъ этотъ составленъ изъ санкюлотовъ, не изъ отцовъ семействъ, людей лѣтъ сорока и давно проживающихъ въ кварталѣ, но изъ «пришлецовъ или молодыхъ людей, стремящихся чѣмъ вибудь выдвинуться и привлечь на себя вниманіе»¹⁾), изъ второразрядныхъ

¹⁾ Шмидтъ, I, 223 (Дюгарь, 14 мая).—Тоже, 224: «Если конвентъ предоставитъ свою власть комитетамъ общественнаго надзора, то онъ не просуществуетъ»

честолюбцевъ, изъ невѣжественныхъ проходимцевъ, втершихся деспотовъ, новичковъ-инвизиторовъ, злобныхъ и недовѣрчивыхъ.

Во первыхъ, производится обезоруженіе всѣхъ неблагонадежныхъ. Достаточно одного высказаннаго подозрѣнія, чтобы комитетъ прибѣгъ къ подобной мѣрѣ, или даже нахожденія у подозрѣваемаго удостовѣрительнаго свидѣтельства не болѣе мѣсяца; немедленно является къ нему делегатъ съ десятью вооруженными для совершенія обыска. Въ одной только секціи собранія (Réunion) въ первый же день обезоруживаютъ такимъ образомъ до 57 обвиненныхъ «въ неимѣніи патріотизма или въ произнесеніи словъ и выраженій, противныхъ республикѣ», и не только повѣренныхъ, нотаріусовъ, архитекторовъ и другихъ значительныхъ гражданъ, но также мелкихъ торговцевъ и лавочниковъ, шляпочниковъ, красильщиковъ, слесарей, механиковъ, золотильщиковъ и лимонадчиковъ. Иныя секціи, вопреки закону, прибавляютъ къ вышеназваннымъ еще огуломъ всѣхъ подписавшихся на петиціяхъ восьми и двадцати тысячъ. «При помощи подобныхъ приѣмовъ, говоритъ Дютаръ,—всѣ имѣющіяся въ Парижѣ ружья, числомъ болѣе ста тысячъ, перейдутъ въ руки якобинской партіи». Для ихъ соперниковъ ружей больше не имѣется даже у оружейныхъ мастеровъ, такъ какъ, по приказу комунны, никто не имѣетъ права купить ружья, не получивъ на то свидѣтельства, выданнаго ему комитетомъ общественнаго надзора его секціи. «Съ другой стороны, благодаря праву выдавать или отказывать въ свидѣтельствахъ о патріотизмѣ, каждый комитетъ располагаетъ исключительно по своему усмотрѣнію жизнью общественною и частною всѣхъ обитателей своего квартала. Тотъ, кому отказываютъ въ свидѣтельствѣ, естественно, не получаетъ и паспорта, слѣдовательно, позволенія путешествовать, если онъ торговецъ; если же онъ чиновникъ какого-либо общественнаго вѣдомства, повѣренный или нотаріусъ, онъ неминуемо теряетъ свое мѣсто; этимъ также отнимается всякая возможность поздно вечеромъ уѣзжать изъ Парижа, или же возвращаться въ него. Всякій гуляющій рискуетъ быть схваченнымъ и приведеннымъ двумя фузелерами въ комитетъ своей секціи; не выходящіе же изъ дома подвергаются опасности домашняго обыска въ качествѣ укрывателей священниковъ или дворянъ. Парижанинъ, откры-

болѣе какойнибудь недѣли».—Мейланъ, III: «Агитаторы секцій были болѣею частью люди пришлые; ореографія и стиль ихъ достаточно свидѣтельствуютъ о степени ихъ развитія и ихъ образованія».

важціи поутру свои окна, рискуеть увидѣть свой домъ, окруженный цѣлымъ вооруженнымъ отрядомъ, если у него не имѣется обязательнаго свидѣтельства¹⁾. По мнѣнію же якобинскаго комитета, патриотизмъ присущъ исключительно якобинцамъ, и потому легко вообразить, охотно-ли онъ надѣляется подобными патентами своихъ противниковъ, или хотъ людей равнодушныхъ и непрічастныхъ къ какой-либо партіи; нетрудно себѣ представить, какимъ онъ ихъ подвергаетъ допросамъ и экзаменамъ, сколько разъ принуждаетъ ихъ приходиться и возвращаться, просить и дожидаться, съ какою настойчивостью онъ отсрочиваетъ выдачу этого свидѣтельства и съ какимъ удовольствіемъ вовсе отказывается въ немъ. Бюзо являлся четыре раза въ комитетъ четырехъ націй (Quatre-Nations), чтобы добыть свидѣтельство своему слугѣ, и все-таки ничего не добился. Имѣется еще одно болѣе дѣйствительное средство, чтобы обуздать злонамѣренныхъ. Въ каждой секціи самъ комитетъ назначаетъ, при содѣйствіи одного изъ членовъ комуны, милиціонеровъ для вандейской экспедиціи, и назначаетъ ихъ поименно, одного за другимъ, руководствуясь при этомъ исключительно своимъ усмотрѣніемъ; это очистить Парижъ отъ двѣнадцати тысячъ анти-якобинцевъ и усвоить секціонныя собранія, на которыхъ опоненты представляютъ нерѣдко крайне неудобное явленіе. Съ этою цѣлью комитетъ набираетъ ихъ во первыхъ, и преимущественно, между писцами нотаріусовъ и страпчихъ, между конторщиками и чиновниками въ банкахъ, въ торговлѣ и въ разныхъ администраціяхъ, между мелкими приващиками и сторожами, короче, между холостяками буржуазіи и полу-буржуазіи, а такихъ въ Парижѣ насчитывалось болѣе двадцати пяти тысячъ; согласно постановленію, на каждаго двухъ возьмутъ одного, и возьмутъ несомнѣнно пользу-

¹⁾ Бюше и Ру, XXVI, 402 (статья изъ «Patriote français» отъ 8 мая): Аресты за послѣдніе дни возрастають до ужасающихъ размѣровъ. Мѣрѣя переполнена заключенными и невозможно себѣ представить, какому дерзкому и жестокому обращенію подвергаются граждане. Только и рѣчи, что объ избіеніяхъ, объ ожидаемой второй Вароломеевской ночи.—Мейланъ, 55: «Если кто-либо въ собраніи или въ частномъ кругу выражалъ мнѣніе, несогласное съ воззрѣніями муниципалитета, онъ могъ быть увѣренъ, что его арестуютъ въ слѣдующую же ночь».—Губернаторъ Морисъ, 29 марта 1793 года: «Вчера меня задержали на улицѣ и привели въ секцію Бють-де-Миленъ... Вчера ко мнѣ на домъ пришли вооруженные люди».—Отвѣтъ министра Лебрена отъ 3 апрѣля: «Домашніе обыски были общепринятою мѣрою, отъ которой не было изъятъ ни одинъ домъ во всемъ Парижѣ».

цагося худшею репутаціею, что сдѣлаетъ другаго осторожнѣе, сдержаннѣе и молчаливѣе¹⁾.

Въ то время, какъ одна рука держитъ челоѡка за воротъ, другая роется въ его карманахъ. Комитетъ общественнаго надзора каждой секціи, при обязательномъ содѣйствіи одного изъ членовъ комун²⁾ выбираетъ людей зажиточныхъ, оцѣниваетъ ихъ доходъ по своему усмотрѣнію или по общественной репутаціи, и приказываетъ имъ платить, сообразуясь съ ихъ излишкомъ, по слѣдующей прогрессивной таксѣ. Главѣ семейства допускается на содержаніе ежегодная сумма въ 1,500 франковъ, помимо 1,000 франковъ на его жену и по 1,000 франковъ на каждого изъ дѣтей; если излишекъ равняется 15,000 или 20,000 франковъ, то изъ нихъ вычитаютъ 5,000; если же онъ простирается до 40,000 или 50,000 франковъ, то отбираютъ 20,000; ни въ какомъ случаѣ оставляемый избытокъ не долженъ превышать 30,000; все же, превышающее эту цифру, составляетъ государственную собственность. Первая треть этого внезапнаго, неожиданнаго налога взимается по прошествіи первыхъ сорока восьми часовъ, вторая треть черезъ двѣ недѣли, и наконецъ, послѣдняя черезъ мѣсяць, причемъ всякая неисправность со стороны плательщиковъ влечетъ за собой тяжкія наказанія. Тѣмъ хуже для плательщика, если налогъ оказывается несоразмѣрнымъ; если доходъ его временной, случайный, или даже воображаемый; если онъ ожидаетъ взносовъ лишь въ будущемъ; если онъ не въ состояніи добыть чистыхъ денегъ; если онъ, подобно оперному

¹⁾ Шмидтъ, I, 301 (Дюгаръ, 25 мая): «Лучшіе граждане нашихъ секціи подвергаются опасности быть арестованными или обезоруженными; обо всемъ рѣшительно говорить неохотно и со страхомъ». — Тотъ же разсчитъ революціонеровъ въ Лионѣ («Національный архивъ», АЕ, II, 43). Письмо администраторовъ Ронскаго департамента къ представителямъ народа отъ 4 іюня 1793 года. Революціонный комитетъ «назначилъ для похода въ Вандею самыхъ достаточныхъ гражданъ или же самыхъ ему ненавистныхъ; всевозможны же уступки и послабленія дѣлались исключительно людямъ заинтересованнымъ въ общественной дезорганизаціи». — Гюльонъ-де-Монлеонъ, I, 235.

²⁾ Бюше и Ру, XXVI, 399. Постановленіе городского общественнаго правленія (комуны) о насильственномъ займѣ въ 12 миліоновъ, статья 6: «Списки контрибуцій поступать въ революціонные комитеты въ качествѣ справочныхъ листовъ и безъ прямого обязательства руководиться исключительно ими». — Статья 14: «Все движимое и недвижимое имущество лицъ, неудовлетворившихъ патріотической реквизиціи, будетъ описано и продано въ видахъ уплаты по иску революціонныхъ комитетовъ, а сами они будутъ объявлены состоящими въ подозрѣніи».

антрепренеру Франверу, «имѣть только долги». «Въ случаѣ отказа, пишетъ ему комитетъ секціи Бонъ-Консейля,—все твое движимое и недвижимое имущество будетъ продано революціоннымъ комитетомъ и самъ ты будешь считаться въ подозрѣніи»¹⁾). А между тѣмъ все это одинъ только зачетъ: «Въ настоящую минуту комитетъ ограничивается требованіемъ лишь части твоего излишка; остальное же захватятъ позднѣе. Банкротъ Деффѣ, съ якобинской трибуны, оцѣниваетъ въ 640 миліоновъ состояніе ста самыхъ богатыхъ финансистовъ и нотариусовъ Парижа; списокъ ихъ именъ былъ отосланъ секціямъ для его пополненія и принятія къ свѣдѣнію; такимъ образомъ отобраніе одной десятой всей этой суммы составитъ уже 64 миліона; если же хорошенько поприжать, то можно выжать, несомнѣнно, гораздо больше. «Не слѣдуетъ, говоритъ Робеспьеръ, чтобы богатѣйшій изъ французовъ имѣлъ болѣе 3,000 ливровъ годового дохода». При помощи же контрибуціи, собранной съ этихъ «господъ», можно будетъ вооружить санкюлотовъ «платить ремесленникамъ за присутствіе ихъ на секціонныхъ собраніяхъ, наконецъ, кормить рабочихъ и мастеровыхъ лишонныхъ работы»²⁾). Такимъ образомъ, все дѣлается добычей новаго ревизиціоннаго закона: забираютъ въ конюшняхъ выѣздныхъ лошадей, и у старыхъ великосвѣтскихъ женщинъ, по большей части вдовыхъ, отнимаютъ послѣдніе берлины и парадные экипажи, еще имѣющіеся въ Парижѣ. Секція, снабженная подобнымъ полномочіемъ, волю эксплуатируетъ древнюю и уоре-

¹⁾ Бюше и Ру, XXVII, 17 («Patriote français», № 14 мая). На Франкера налагаютъ контрибуцію въ 3,600 франковъ.—Та же операція въ Лионѣ (Балландье, 174, и Гильонъ-де-Монлеонъ, I, 238). Весь налогъ, дозволенный комиссаромъ конвента, равнялся шести миліонамъ, между тѣмъ революціонный комитетъ собираетъ отъ 30 до 40 миліоновъ, съ строжайшимъ приказомъ выплатить ихъ въ сорока-восьми-часовой срокъ (13 и 14 мая). Контрибуція на нѣкоторыхъ лицъ доходитъ до 80,000 и до 100,000 ливровъ и самое требованіе изложено въ враждебно-ироническомъ тонѣ.

²⁾ Бюше и Ру, XXVI, 463, засѣданіе якобинцевъ 11 мая. Рѣчь Гассенератца.—Тоже, 455, засѣданіе якобинцевъ 10 мая. Рѣчь Робеспьера: «Всѣ богатые сильно желаютъ контръ-революціи; только одни убогіе, нищіе, только черный народъ способенъ спасти отечество».—Тоже 453, Ibid. «Слѣдуетъ составить въ каждомъ департаментѣ нѣсколько революціонныхъ баталіоновъ и содержать ихъ на счетъ богатыхъ, не имѣющихъ мужества.—Тоже, Петиція Свѣтъ-Антуанскаго предмѣстья, 11 мая.—Шмидтъ, I, 315. Докладъ Дютара отъ 13 мая: «Изъ жителей предмѣстствъ не выбираютъ никого, такъ какъ они необходимѣ здѣсь, нежели въ Вандеѣ. Они предоставляютъ болѣе зажиточнымъ и богатымъ идти на войну, а сами остаются для охраны Парижа».

нившуюся вражду бѣднаго къ богатому¹⁾; она заручается содѣйствіемъ неимущихъ и бродягъ, и благодаря крѣпкимъ мускуламъ и здоровымъ кулакамъ своихъ дѣятельныхъ кліентовъ, она разламываетъ послѣднія, слабыя, плохо сооруженныя преграды, какія противопоставляютъ ея могуществу національный конвентъ и парижское населеніе.

Марать, со дня на день становившійся все дерзновеннѣе и возмутительнѣе въ своихъ рѣчахъ и статьяхъ, обвиняемый уже втеченіи трехъ мѣсяцевъ, наконецъ, 13 апрѣля, признается негодующимъ большинствомъ подлежащимъ суду, и 24 онъ является передъ революціонное судилище. Но судилище это, подобно всѣмъ тогдашнимъ учрежденіямъ, состояло изъ чистѣйшихъ явобинцевъ, и къ тому же партія взяла всѣ нужныя предосторожности. Марата сопровождаютъ на аудіенцію «муниципальные комиссары, представители различныхъ секцій и делегаты всѣхъ патріотическихъ обществъ»; сверхъ того, «множество истинныхъ патріотовъ» успѣли предварительно занять залъ; «съ самаго утра всѣ остальные залы суда, коридоры, дворы, сосѣднія улицы», переполнены санкюлотами, «готовыми мстить за оскорбленія, которыя могутъ быть причинены ихъ вѣрному защитнику». Понятно, что при своей безграничной самоувѣренности, онъ говоритъ не какъ обвиняемый, но какъ «апостоль и мученикъ»; слова его вызываютъ громъ рукоплесканій; его оправдываютъ единогласно, возлагаютъ на него лавровый вѣнокъ и несутъ его съ триумфомъ по залѣ конвента; онъ запѣваетъ тамъ побѣдную пѣснь, и жирондистское большинство принуждено терпѣть его присутствіе въ ожиданіи его смертоносныхъ обвиненій. Умѣренные обитатели улицы, столь же безсильные, какъ и умѣренные законодательнаго корпуса, поднимаются лишь для того, чтобы ихъ окончательно придавили. 4 и 5 мая, отъ пятисотъ до шестисотъ хорошо одѣтыхъ молодыхъ людей, не имѣющихъ при себѣ никакого оружія, собираются въ Люксамбургъ и въ Елисейскихъ поляхъ, съ цѣлью заявить протестъ противъ постановленія комуны, выбравшей ихъ для Вандейской экспедиціи; они кричатъ: «да здравствуетъ республика! да здравствуетъ законъ!

¹⁾ Шмидтъ, I, 327. Докладъ Перрьера отъ 28 мая: «Повидимому и наша партія повиновалась старинной ненависти бѣднаго противъ богатаго. Самый поверхностный наблюдатель могъ, по тысячѣ различныхъ симптомовъ, убѣдиться, что эти прирожденные враги совсѣмъ наготовѣ и ждутъ лишь сигнала или случая, чтобы начать сраженіе».

долой анархистовъ! въ чорту Марата, Дантона, Робеспьера!» Понятно, что наемныя полчища Сантера разгоняють этихъ щеголей; они арестуютъ около тысячи человѣкъ, вслѣдствіе чего остальные будутъ впредь воздерживаться отъ какихъ-либо шумныхъ манифестацій въ публичномъ мѣстѣ. Тогда они, за неимѣніемъ лучшаго, отправляются неоднократно въ секціонныя собранія, въ особенности же въ первыхъ числахъ мая; тамъ они представляютъ большинство и усердно совѣщаются о томъ, какъ отдѣлаться отъ якобинской тирани: въ секціяхъ Бонъ-Консейля, Марсельской и Единства (de l'Unité) освистываютъ Люлье, угрожаютъ Марату, обвиняютъ Шомета. Но всѣ эти заявленія не ведутъ ни къ чему серьезному; умѣреннымъ, для прочнаго преобладанія въ этихъ постоянныхъ собраніяхъ, слѣдовало-бы, подобно санкюлотамъ, являться ежедневно; по вечерамъ же, при надобности, прибѣгать и къ кулачной расправѣ. Къ сожалѣнію, молодежь 1793 года еще не прошла черезъ горестный опытъ, не приобрѣла того глубокаго озлобленія, той атлетической грубости, какія она выважетъ въ 1795 году. «Вслѣдъ за однимъ вечеромъ, во время котораго почти вездѣ всѣ стулья были переломаны на спинахъ соперниковъ, они, чувствуя свое безсиліе, больше не возвращаются, и недѣли черезъ двѣ головорѣзы по профессіи торжествуютъ по всей линіи. Для того, чтобы лучше поборотъ сопротивленіе, избиватели сплотились въ одну общую лигу, и отправляются изъ секціи въ секцію другъ къ другу на помощь ¹⁾). Отрядъ

¹⁾ «Мортимьеръ-Терно», VII, 218. Протоколъ соединенія секціи Ломбардовъ и Бонъ-Консейльской (12 апрѣля), «въ силу котораго обѣ означенныя секціи поклялись наблюдать союзъ, братство и оказывать другъ другу всякую помощь и содѣйствіе, въ случаѣ, если аристократія задумаетъ уничтожить свободу. «Вслѣдствіе чего, говоритъ секція Бонъ-Консейля, къ намъ явилось множество гражданъ изъ секціи Ломбардовъ, встревоженные безпокойствами, причиненными намъ злонамѣренными, съ цѣлью пособить и посодѣйствовать намъ». — Бюше и Ру, XXVII, 138, (статья изъ «Французскаго Патриота», отъ 19 мая): «И насиліе это прозывается собраніемъ соединенныхъ секцій». — Тоже, 236, 26 мая, засѣданіе городского общественнаго правленія (комуну). «Депутаціи отъ секцій Монтрельской, Кенъ-Вентъ (Quinze-Vingts) и правъ человека (des Droits-de-l'Homme) явились на помощь патриотамъ Арсенала (de l'Arseнал); аристократы разбѣжались, оставивъ свои шляпы». — Шмидтъ, I, 213, 313. (Дютаръ, 13 и 27 мая). Насилія противъ умѣренныхъ въ секціяхъ Бонъ-Консейля и Арсенала: «пустили въ ходъ стулья, ранили многихъ, одного капитана увесли на престлѣ; писцы и приважики разбѣжались и побѣда осталась за санкюлотами». — Мейланъ, III. — Бюше и Ру, XXVII, 237, засѣданіе якобинскаго клуба, 26 мая: «Въ секціи Бютъ-де-Муланъ (Butte-des-Moulins), патриоты, видя, что ихъ меньшинство, схватили стулья и съ помощью ихъ изгнали аристократовъ».

здоровых удалцовъ, посланный сосѣднею секціей въ качествѣ депутатовъ, или же подъ предлогомъ предотвращенія смуты, врывается въ залъ и, моментально, обращаетъ меньшинство въ большинство, или, наконецъ, беретъ неистовствомъ и криками. Иногда, въ поздній часъ, когда залъ почти пустъ, какихъ нибудь пятнадцать-двадцать человѣкъ, оставшихся тамъ, объявляютъ себя общимъ собраніемъ и измѣняютъ рѣшеніе дня. Имѣя, черезъ посредство муниципалитета, въ своемъ распоряженіи и полицію, они, иногда, призываютъ вооруженную силу и обращаютъ сопротивляющихся въ бѣгство. Необходимы и примѣры строгости въ видахъ окончательнаго усмиренія, и потому тѣ пятнадцать или двадцать человѣкъ, которые придали себѣ значеніе общаго собранія, тѣ пять или шесть, которые именуется комитетомъ общественнаго надзора, издаютъ приказы объ арестованіи самыхъ выдающихся и самыхъ значительныхъ изъ своихъ противниковъ. Уже сидя въ муниципальных тюрьмахъ, вице-президентъ секціи Бонъ-Консейля (Bon Conseil) мировой судья секціи Единства (Unitè) убѣждаются, что опасно представлять конвенту адресъ противъ анархистовъ, или подписать прошеніе противъ Шомета. Такимъ образомъ, къ концу мая, въ секціонныхъ собраніяхъ никто уже не смѣетъ возражать якобинцамъ и противиться ихъ намѣреніямъ; иногда все присутствіе состоитъ исключительно изъ якобинцевъ; въ Гранвиллье, на примѣръ, они изгнали всѣхъ, кто не принадлежалъ къ ихъ бандѣ, и съ той поры ни одинъ «интриганъ» не осмѣлится туда явиться. Ставши народомъ, разсуждающимъ, рѣшающимъ и снабженнымъ неограниченнымъ полномочіемъ относительно обезоруженія, запрещенія, отрѣшенія, обложенія контрибуціею, высылки въ армію и заточенія всѣхъ, такъ или иначе мѣшающихъ имъ, они могутъ, имѣя сообщникомъ и руководителемъ муниципалитетъ, обратить противъ Конвента имъ же самимъ данное оружіе; могутъ напасть на жирондистовъ въ послѣднемъ ихъ убѣжищѣ и завладѣть единственнымъ, еще не сданнымъ имъ фортомъ.

VI.

Для достиженія этой цѣли имъ остается лишь предпринять во всѣхъ секціяхъ заразъ то, что они имѣютъ обыкновеніе дѣлать въ каждой изъ нихъ отдѣльно, и замѣнивъ собою, способомъ насилія и обмана, дѣйствительный народъ, имъ удастся устрашить конвентъ призракомъ народнаго неодобренія. Изъ

муниципалитета, заседающаго въ городской думѣ, и изъ самовольнаго центрального совѣта, собирающагося въ Епископскомъ дворцѣ (Evêché) рассылаются эмиссары, представляющіе тотчасъ нужную петицію по всѣмъ парижскимъ секціямъ. «Вотъ петиція, которую слѣдуетъ подписать. — Прочтите ее. — Это бесполезно, такъ какъ она уже принята большинствомъ секцій». Въ отношеніи нѣкоторыхъ изъ нихъ ложь эта удается какъ нельзя лучше, и многіе подписываютъ чистосердечно, даже не читая. Въ другихъ, читаютъ и отказываются подписать, или же читаютъ и ограничиваются тѣмъ, что просто переходятъ къ очереднымъ дѣламъ. Что же происходитъ? Интриганы и вожаки остаются до тѣхъ поръ, пока не уйдутъ всѣ честные граждане; тогда, распоряжаясь по своему усмотрѣнію, они рѣшаютъ, что слѣдуетъ подписать петицію и подписываютъ ее. На слѣдующій день, когда граждане собираются въ секцію, имъ предлагаютъ подписать петицію, ссылаясь приэтомъ на свое вчерашнее рѣшеніе. Если тѣ пытаются что-либо возразить, имъ отвѣчаютъ этими ужасными словами: «подпишите, иначе вы не получите свидѣтельства въ патриотизмъ». И въ виду подтвержденія этой угрозы, многія секціи, въ которыхъ всецѣльными владыями являются составители списковъ подозрительныхъ, рѣшаютъ, что надлежитъ возобновить выданныя свидѣтельства въ патриотизмъ, и отказываютъ въ выдачѣ таковыхъ всѣмъ, не подписавшимъ петицію. Но этимъ далеко не ограничиваются: разставляютъ вездѣ по улицамъ людей, вооруженныхъ пизами, съ тѣмъ, чтобы принуждать и прохожихъ подписывать эту петицію¹⁾.

Употребили въ дѣло все вліяніе муниципальной власти.

¹⁾ «Бюше и Ру», XXVI, 83. Рѣчь Верньо въ Конвентѣ, заседание 20 апрѣля: «Всѣ факты эти вполне достовѣрны и никто не можетъ отрицать ихъ; ихъ могли бы подтвердить 10,000 свидѣтелей». — Тѣ же приемы въ Лионѣ, 13 января 1792 года, чтобы заставить подписать петицію противъ апелліаціи къ народу. (Гильонъ-де-Монлеонъ, I, 145, 155). Якобинцы въ своемъ протоколѣ доказываютъ, что петиція собрала 40,215 подписей: Сперва петиція была подписана двумястами клубистами, выдававшими себя за народъ... Они распространили въ народѣ слухъ о томъ, что всѣ, неподписавшіе этой петиціи, будутъ внесены въ списокъ осужденныхъ. Затѣмъ они устроили подписку на всѣхъ площадяхъ, хватая всѣхъ прохожихъ и насильно заставляя ихъ подписываться. Въ виду же того, что подобный способъ оказался недостаточнымъ, они заставляли подписываться шести и семилѣтнихъ дѣтей, женщинъ, безграмотныхъ крестьянъ. «Последнихъ увѣряли что это дѣлается съ цѣлью пониженія цѣны на хлѣбъ...» Кланусъ вамъ, что адресъ этого дѣла рукъ какой-нибудь сотни человекъ; огромное большинство лионскихъ гражданъ желаетъ сохранить за собою право судить Людовика». (Письмо Давида изъ Лиона къ президенту Конвента отъ 16 января).

«Комиссары городского общественнаго правленія (комуны) разгуливают по Парижу со столами, чернилами, бумагой и регистрами, въ сопровожденіи муниципальных секретарей, при барабанномъ боѣ, предшествуемые отрядомъ милиціи». Они, отъ времени до времени, «торжественно останавливаются» и ораторствуютъ противъ Бриссо, Верньо и Гаде, «затѣмъ требуютъ подписей и собираютъ ихъ». Такимъ образомъ, эта повелительная петиція, насильственно собравшая подписи и принесенная въ конвентъ маромъ отъ имени общаго совѣта комуны и тридцати пяти секцій, обвиняетъ въ измѣнѣ двадцать двухъ жирондистовъ и дерзко требуетъ ихъ изгнанія. Оказывается, что другая подобная же петиція, представленная отъ имени сорока восьми секцій, въ дѣйствительности была признана лишь тринадцатую или четырнадцатую. Прибѣгаютъ къ еще болѣе смѣлымъ и наглымъ политическимъ манифестаціямъ. Мнимые депутаты Сэнтъ-Антуанскаго предмѣстья являются въ конвентъ съ заявленіемъ революціонной программы. «Если вы ее не примете, говорятъ они,— то мы объявляемъ себя возставшими; насъ здѣсь у дверей 40,000 человекъ». Въ сущности же, какіе нибудь пятьдесятъ бандитовъ, почти неизвѣстные въ предмѣстьѣ и предводительствуемые бывшимъ обойщикомъ, сдѣлавшимся полицейскимъ комиссаромъ, «подобрали по дорогѣ все, что попалось имъ изъ обычнаго контингента мастерскихъ и лавокъ», между тѣмъ, какъ толпа, собравшаяся на Вандомской площади, не знаетъ, что сказали отъ ея имени. Полезно прибѣгать даже къ такимъ поддѣльнымъ смутамъ; подобный способъ вселяетъ въ конвентѣ страхъ и уваженіе и въ то же время подготавливаетъ путь къ болѣе дѣйствительному вторженію. Въ тотъ день, когда оправдываютъ Марата, послѣдній является въ сопровожденіи всей своей отвратительной свиты, состоящей изъ мужчинъ и женщинъ; подъ предлогомъ дефилированія передъ конвентомъ, свита эта наполняетъ залъ, размѣщается по скамейкамъ и, поддерживаемая галереями, водворяетъ вновь, посреди цѣлой бури рукоплесканій и шумныхъ криковъ, своего главнаго зачинщика всѣхъ бунтовъ, грабежей и убійствъ. Впрочемъ, конвентъ, не взирая на всю энергію и на всю неотступность этихъ нападеній и на свои уступки по всѣмъ пунктамъ, не соглашается на подобное самоувѣче. Онъ объявляетъ, что петиція, представленная противъ двадцати двухъ, неосновательная клевета; онъ назначаетъ особенную комисію изъ двѣнадцати членовъ для стѣисканія между бумагами городского общественнаго правленія

(комуны) и секцій законныхъ доказательствъ непрерывающагося заговора, который якобинцы открыто предпринимаютъ противъ представителей націи; мэръ Пашъ призывается передъ его петила; отдается приказъ арестовать Гебера, Добсона и Варле. Теперь, въ виду того, что для конвента оказалось недостаточно однихъ заявленій воли народной и что вмѣсто послушанія онъ выказываетъ сопротивленіе, остается лишь одно—прибѣгнуть къ силѣ.

Съ 10 марта, говоритъ Верньо съ трибуны, — «не перестаютъ открыто побуждать къ убійству противъ насъ». — «Настоящая минута ужасна, пишетъ 12 мая одинъ наблюдатель, — «и очень походить на ту, которая предшествовала 2 сентябрю». Въ тотъ же вечеръ, въ якобинскомъ клубѣ, одинъ изъ его членовъ «предлагаетъ не расходиться раньше, чѣмъ не будутъ уничтожены всѣ злодѣи». — «Я изучилъ конвентъ, говоритъ онъ: — онъ отчасти составленъ изъ злодѣевъ, которыхъ слѣдуетъ умертвить. Пусть погибнутъ всѣ сторонники Дюмурье и всѣ заговорщики; надо пушечными выстрѣлами поднять тревогу и закрыть заставы». На слѣдующее утро «всѣ стѣны Парижа покрыты афишами», приглашающими парижанъ поспѣшить избіеніемъ всѣхъ государственныхъ людей». — «Пора раздѣлаться съ ними!» таковы слова саньколотовъ. На слѣдующей затѣмъ недѣлѣ и въ якобинскомъ клубѣ, и въ другихъ мѣстахъ, «только и рѣчи, что о ежеминутно ожидаемомъ возстаніи. То, что мы прежде называли святымъ энтузіазмомъ свободы, патріотизма, превратилось теперь въ ярость и изступленіе, проявляемья взбѣсившимся народомъ, котораго нельзя больше сдержать и обуздать, иначе какъ силою. Всѣ эти безумцы согласны на контръ-революцію, но только съ условіемъ, чтобы имъ позволили раздавить, растоптать подъ ногами всѣхъ выдающихся противниковъ. И въ заключеніе, для возстанія выберутъ именно тотъ день, часъ и минуту, когда мятежная партія будетъ въ состояніи безъ риска и съ пользою употребить въ дѣло всѣхъ парижскихъ разбойниковъ», для чего бѣсноватые низшаго разряда усердно готовятъ планъ избіенія и въ мэріи, и въ Епископскомъ дворцѣ, (l'Evêché) и въ якобинскомъ клубѣ.

Съ этою цѣлью предполагалось избрать уединенно лежащій домъ, съ комнатами въ нижнемъ этажѣ, расположенными амфиладой, и съ небольшимъ дворомъ, лежащимъ непосредственно за ними; ночью захватятъ всѣхъ двадцать двухъ означенныхъ жирондистовъ и приведутъ ихъ на эту бойню, приготовленную заранѣе; ихъ будутъ поочередно проталкивать въ послѣднюю комнату; тамъ

ихъ убьютъ и затѣмъ свалятъ ихъ тѣла въ яму, вырытую посреди двора, которую и зальютъ негашеною известью; всѣ непосвященные будутъ предполагать, что они эмигрировали, и якобинцы, для подтвержденія этого слуха, напечаюотъ подложныя корреспонденціи. Одинъ изъ членовъ муниципальнаго комитета полиціи объявляетъ, что операція эта не представитъ особыхъ затрудненій. «Мы умертвимъ ихъ не сами, но поручимъ это дѣло людямъ преданнымъ, которымъ хорошо заплатимъ». Присутствующіе монтаньяры Леонаръ Бурдонъ и Лежандръ не дѣлаютъ ни малѣйшаго возраженія; только послѣдній замѣчаетъ, что не слѣдуетъ касаться жирондистовъ въ самомъ конвентѣ; внѣ же конвента, они не болѣе какъ злодѣи, смерть которыхъ спасетъ республику; «самъ же актъ ихъ убіенія исполнѣн законенъ; пусть избиваютъ вмѣстѣ съ ними всѣхъ мерзавцевъ враждебной стороны, онъ, конечно, не воспротивится ихъ уничтоженію». Многіе, вмѣсто двадцати двухъ депутатовъ, требуютъ тридцать или тридцать два, другіе же доходятъ до трехсотъ; къ нимъ присоединяютъ неблагонамѣренныхъ всѣхъ секцій, въ виду чего уже составлено десять или двѣнадцать списковъ всѣхъ, подлежащихъ осужденію. Ихъ захватятъ всѣхъ при помощи общаго нападенія, произведеннаго въ одну ночь и въ означенный часъ; всѣхъ ихъ приведутъ въ вармелитскій монастырь, находящійся около Люксамбургскаго дворца, и если помѣщеніе окажется недостаточнымъ, «то переведутъ остальныхъ въ Бисетръ»; тамъ «ихъ окончательно сотрутъ съ лица земли»¹⁾. Нѣкоторые изъ числа вожаковъ хо-

¹⁾ У Лионскихъ якобинцевъ тѣ же проекты забиваній. (Гюльонъ-де-Монлеонъ, I, 248). Шалье говорилъ въ клубѣ: «Мы безъ труда наберемъ до трехсотъ виновныхъ головъ. Захватимъ всѣхъ членовъ департаментскаго совѣта, президентовъ и секретарей секцій; сдѣлаемъ изъ нихъ одну связку, которую мы положимъ подъ гильотину, и омоемъ свои руки въ ихъ крови». Засимъ, въ ночь съ 28 на 29 мая, революціонный муниципалитетъ завладѣваетъ арсеналомъ и окружаетъ пушками городскую думу. Однако Лионскія секція, болѣе энергичная, нежели парижскія, вооружаются и, послѣ страшнаго боя, завладѣваютъ городскою думою. Нравственное различіе обѣихъ партій прекрасно характеризовано въ письмахъ Гонсона. («Національный архивъ», II, 43. Письма Гонсона къ Гара, отъ 31 мая, 1 и 3 июня): «Успокойте конвентъ; пусть онъ не тревожится. Граждане Лиона покрыли себя славой; они выказали величайшее мужество во всѣхъ битвахъ, происшедшихъ въ различныхъ кварталахъ города, и въ тоже время безграничное великодушіе относительно враговъ, которые вели себя какъ злодѣи». —Муниципалитетъ выслалъ сперва трубача съ знаменосцемъ, какъ-бы для переговоровъ, и вдругъ, измѣнивъ своимъ пушками колону секціонеровъ и побросавъ раненыхъ въ рѣку: «Лионскіе граждане, которыхъ тыгъ оклеветали, первые подали примѣръ свойствъ истиннаго республиканца; посмотрите

тѣли бы поручить дѣло очищенія Парижа народной проникаемости и его инстинкту. Они обращаются къ народу съ слѣдующими отрывистыми и неопредѣленными рѣчами: «возстань и дѣйствуй согласно внушеніямъ твоего сердца, такъ какъ я на могу давать тебѣ совѣтовъ, заставившихъ бы бѣжать тѣхъ, которыхъ ты долженъ уничтожить». Варле, наоборотъ, предлагаетъ проѣзъ общественнаго спасенія, очень подробный и опредѣленный, заключающійся въ пятнадцати статьяхъ: «захватить всѣхъ депутатовъ «равнины» (de la Plaine) и другихъ депутатовъ учредительнаго и законодательнаго собраній, всѣхъ дворянъ, священниковъ, всѣхъ приказныхъ (gobins) и т. д.; извести все это племя, вмѣстѣ съ Бурбонами, и окончательно уничтожить всѣхъ министровъ». Геберъ, съ своей стороны, говоря о жирондистахъ, пишетъ въ своей газетѣ, «что скоро пробьетъ ихъ смертный часъ», и что, «когда прольется ихъ нечистая кровь, всѣ защитники аристократіи попрячутся по своимъ вертепамъ, какъ было 10 августа». Понятно, что предупреждаютъ о затѣвующемся всѣхъ избивателей по профессіи. Нѣкто Ляфоре, ветошникъ, жившій на Луврской набережной и уже вмѣстѣ съ женой отличившійся 2 сентября, насчитываетъ, «что всѣхъ санкюлотовъ, готовыхъ совершить избіеніе при первомъ сигналѣ, наберется въ Парижѣ до шести тысячъ, что они немедленно примутся за измѣнниковъ-депутатовъ и за восемь тысячъ петиціонеровъ», безъ сомнѣнія тѣхъ, которые подписали адреса конвенту противъ городскаго общественнаго правленія (комуны). Другой сентябрьскій избиватель Генрію, командиръ батальона Ботаническаго сада (Jardin-des-Plantes), встрѣтивъ портовыхъ работниковъ, говоритъ имъ своимъ грубымъ, сильнымъ голосомъ: «Здорово, товарищи; скоро намъ понадобится ваша помощь, и для работы почище вашей обыденной; вамъ придется перевозить на вашихъ телѣгахъ не дрова, а человѣческіе трушы.—Хорошо, хорошо, отвѣчаетъ одинъ изъ поденщиковъ полу-пьянымъ голосомъ:—мы потрудимся, какъ трудились 2 сентября, и заработаемъ кое-что». «Выдѣлываютъ

исторію революцій и найдите мнѣ второй подобный примѣръ, чтобы побѣдители не пролили на единой капли крови». Они ухаживали за ранеными, собирали по подпискѣ вспомоществованіе вдовамъ и дѣтямъ убитыхъ, не беря въ соображеніе партіи, къ которой послѣдніе принадлежали.—Ловерьнъ, Исторія Вара, 175. Тоже зрѣлище въ Тулонѣ (возмущеніе умѣренныхъ 12 и 13 іюля 1793 года). Въ Тулонѣ, какъ въ Ліонѣ, не совершилось послѣ побѣды ни единого убійства, и было лишь приступлено къ правильному суду, вслѣдствіе котораго произошла казнь двоихъ или троихъ убійцъ, преступленія которыхъ были законно доказаны.

кинжалы въ мастерской слесарнаго мастера Шейнара, машиниста на монетномъ дворѣ; женщинамъ—посѣтительницамъ трибунъ уже роздали двѣсти подобныхъ кинжаловъ». Наконецъ, 29 мая, въ клубѣ якобинцевъ, Геберъ предлагаетъ «открыто напасть на членовъ комисіи двѣнадцати», а другой якобинецъ объявляетъ, что «насильственно захватившіе диктаторскую власть», т. е. жирондисты, «стоятъ внѣ закона».

Но все это чрезмѣрно, неумѣло, бесполезно, опасно, или, по крайней мѣрѣ преждевременно, и представители монтаньяровъ, Дантонъ, Робеспьеръ и даже самъ Маратъ, люди болѣе свѣдущіе и не настолько ограниченные, понимаютъ, что звѣрское избіеніе лишь окончательно возстановитъ противъ нихъ уже и безъ того взволнованные департаменты. Не слѣдуетъ ломать законодательнаго инструмента, но слѣдуетъ сумѣть воспользо-ваться имъ: его употребятъ въ дѣло, подвергнувъ его при этомъ потребному искаженію; такимъ образомъ операція эта сохранить хоть видъ легальности, и будетъ сдѣлана при помощи нѣкоторыхъ декоративныхъ, обычныхъ фразъ, достаточно внушительныхъ для провинціаловъ. Робеспьеръ, неизмѣнно осмотрительный и приличный, уже 3 апрѣля въ якобинскомъ клубѣ напередъ опредѣлялъ и ограничилъ готовящееся возмущеніе. «Пусть хорошіе граждане, говоритъ онъ—соберутся въ своихъ секціяхъ и принудятъ насъ подвергнуть аресту депутатовъ измѣнниковъ». Ничто, повидимому, не можетъ быть умѣреннѣе и по принципу правильнѣе, такъ какъ народъ сохраняетъ всегда и во всякомъ случаѣ право принимать непосредственное участіе въ дѣйствіяхъ своихъ уполномоченныхъ, что онъ и дѣлаетъ каждодневно на трибунахъ. Робеспьеръ, изъ особой предосторожности, прекрасно его характеризующей, отказывается отъ дальнѣйшаго вмѣшательства. «Я рѣшительно неспособенъ предписывать народу средствъ въ его же спасенію; для одного человѣка работа эта непосильна, и мнѣ это не дано, мнѣ, истощенному четырехлѣтней революціей и раздрающимъ зрѣлищемъ торжества тираніи; мнѣ, истощенному изнурительной горячкой, въ особенности же горячкой патріотизма. Я уже сказалъ, что для меня нѣтъ въ эту минуту иной обязанности». Впрочемъ онъ совѣтуетъ муниципалитету «примкнуть къ народу и составить съ нимъ тѣсный союзъ». Другими словами, онъ желаетъ поручить дѣло вѣдѣнію городского общественнаго правленія (комуны), монтаньяры же пусть, повидимому, останутся въ сторонѣ. А между тѣмъ они вполне

посвящены въ эту тайну¹⁾); вожди ихъ держать въ своихъ рукахъ нить, руководящую всѣми движеніями грубыхъ паяцовъ, жестикулирующихъ на общественныхъ подмосткахъ городской думы. «Дантонъ и Лякруа написали собственноручно на самомъ столѣ комитета общественной безопасности» оскорбительное требованіе, которое ораторъ комуны прочтетъ 31 мая конвенту, и въ теченіи семидневнаго кризиса, Дантонъ, Робеспьеръ, Маратъ, совѣтники, вожаки, руководители всѣхъ различныхъ частей партіи, будутъ вести, наталкивать, а при надобности и удерживать въ границахъ своей программы статистовъ возстанія.

VII.

Это трагикомическая драма въ трехъ актахъ, каждый изъ которыхъ оканчивается все тѣмъ же вполне предвидѣннымъ театральнымъ эффектомъ; одинъ изъ главныхъ машинистовъ, Лежандръ, позаботился о заблаговременномъ объявленіи предстоящаго представленія. «Если дѣло слишкомъ затянется, говорить онъ въ клубѣ,—если монтаньяры не довольно сильны, я призову народъ и скажу трибунамъ: Сойдите къ намъ и будемъ совѣщаться вмѣстѣ». Для начала, 27 мая, монтаньяры, по поводу арестованія Гебера и его сообщниковъ, поддерживаемые галереями, доходятъ до изступленія. Большинство тщетно высказываетъ свое мнѣніе и повторяетъ его неоднократно. «Если насъ

¹⁾ Барреръ, Мемуары, II, 91, 94. Какъ бы ни были вообще живы свѣдѣтельства Баррера, однако настоящее небезосновательно; я не вижу въ данномъ случаѣ для него причины гдѣ, и къ тому же свѣдѣнія его могли быть точны, такъ какъ онъ былъ членомъ комитета общественной безопасности. Къ тому же все увѣренія его относительно сообщничества монтаньяровъ и роли Дантона подтверждаются всею общностью фактовъ.—Бюше и Ру, XXVIII, 200. Рѣчь Дантона въ конвентѣ 13 іюня: «Не будь пушечныхъ выстрѣловъ 31 мая, не будь возстанія, заговорщики бы торжествовали и предписывали намъ законъ. Пусть ответственность въ этомъ возстаніи всецѣло падетъ на насъ! Я возбудилъ это возстаніе... Пусть конвентъ объявитъ, что не будь возстанія 31 мая, погябла бы и свобода».—Тоже, 220. Рѣчь Деклера въ клубѣ францисканцевъ (Cordeliers) отъ 27 іюня: «Ни Лежандръ ли способствовалъ уничтоженію всѣхъ мудрыхъ мѣръ, къ которымъ мы такъ часто прибѣгали, дабы уничтожить враговъ нашихъ? Онъ вмѣстѣ съ Дантономъ, вслѣдствіе своего преступнаго сопротивленія, довелъ насъ до умѣренности въ дни 31 мая; Лежандръ и Дантонъ сопротивлялись революционнымъ мѣрамъ къ которымъ мы прибѣгли въ эти великіе дни, чтобы уничтожить всѣхъ парижскихъ аристократовъ».

всего сотня честныхъ гражданъ, мы все таки не перестанемъ сопротивляться, говорить Дантонъ». — «Президентъ, кричитъ Маратъ Изнару, — вы тиранъ, гнусный тиранъ!» — «Я требую, восклицаетъ Кутонъ, — чтобы президентъ былъ смѣненъ. — Въ Аббей президента!» — Монтаньяры рѣшили, что онъ больше не будетъ предсѣдательствовать; они спускаются со своихъ скамеекъ и бросаются на него, собираются даже умертвить его, криками заглушаютъ его голосъ, заставляютъ его сойти съ кресла, что онъ и дѣлаетъ, вслѣдствіе усталости и истощенія; они тѣмъ-же способомъ изгоняютъ Фонфреда, замѣнившаго его, и водворяютъ наконецъ на предсѣдательскомъ креслѣ одного изъ своихъ сообщниковъ, Геро-де-Сешеля. Между тѣмъ, вопреки приказу, множество вооруженныхъ людей ворвалось въ конвентъ и «наполнило собою всѣ проходы и коридоры»; арестуютъ депутатовъ Мейлана, Шиаппа и Лидона, хотѣвшихъ выйти, и къ груди послѣдняго приставляютъ обнаженную саблю; «а вожаки, засѣдающіе въ самомъ залѣ конвента, возбуждаютъ своихъ уличныхъ сторонниковъ, покровительствуютъ имъ и оправдываютъ ихъ поступки. Маратъ, узнавъ, что комендантъ Раффе приказываетъ очистить коридоры и проходы, съ обычною ему дерзостью подходитъ къ нему съ пистолетомъ въ рукѣ и приказываетъ арестовать его», ссылаясь на то, что слѣдуетъ уважать народъ, священное право подавать петиціи, и петиціонеровъ. Изъ нихъ «отъ пятисотъ до шестисотъ вооруженныхъ» уже въ теченіи трехъ часовъ стоятъ у самыхъ дверей въ залъ; въ послѣднюю минуту присоединяются къ нимъ еще два отряда, посланные секціями Гранвилле и Круа-ружъ. Усиленные такимъ образомъ, они заходятъ дальше назначенныхъ имъ скамеекъ, расходятся по всему залу и садятся рядомъ съ оставшимися еще депутатами. Уже болѣе полуночи; многіе представители ушли, измученные и негодующіе; Петіонъ, Ласурсъ и еще нѣкоторые, хотящіе послѣдовать ихъ примѣру, «не могутъ пробраться черезъ грозную толпу». Между тѣмъ петиціонеры замѣняютъ отсутствующихъ, сами возлагая на себя обязанность представителей Франціи, вотируютъ заодно съ монтаньярами, и явобинець-предсѣдатель, нимало не порываясь изгнать ихъ, наоборотъ «приглашаетъ ихъ самъ» свергнуть всѣ преграды, мѣшающія осуществленію народнаго блага». Въ этой шумной жестикулирующей толпѣ, едва освѣщенной коптящими лампами, посреди гвалта трибунъ, трудно разобрать предметы голосованія; не отличишь и встающихъ отъ сидящихъ, и не смотря на то, проходятъ или повидимому утверждаются два декрета, изъ кото-

рыхъ первый освобождаетъ Гебера и его сообщниковъ; а второй отрѣшаетъ комисію двѣнадцати ¹⁾. Немедленно гонцы, поджидавшіе исхода, бѣгутъ съ доброю вѣстью въ городскую думу и комуна празднуетъ свое торжество дружнымъ и неудержимымъ взрывомъ рукоплесканій.

Однако, на слѣдующій день, большинство, не взирая на всѣ ужасы поименнаго голосованія и на всю ярость монтаньяровъ, снова прибѣгаетъ къ оборонѣ, отмѣняетъ декретъ, ее обезоруживающій, и издаетъ новый, снова утверждающій комисію двѣнадцати. Якобинцамъ придется приступить къ новой операціи, хотя часть ея и удалась, потому что Геберъ и остальные приговоренные остаются на свободѣ, такъ какъ большинство конвента, которое, изъ чувства ли стыда, или же благодаря инстинкту самосохраненія, вернулось къ исполненію своего долга, теперь, изъ слабости ли, или вслѣдствіе надежды на соглашеніе, рѣшается отпустить своихъ плѣнниковъ. Такимъ образомъ, не смотря на свой успѣхъ въ сраженіи, оно снова поощряетъ своихъ противниковъ, немедленно возобновляющихъ нападеніе, причемъ тактика ихъ, весьма несложная, представляетъ лишь воспроизведеніе той, которая имъ такъ удалась 10 августа.

Они хотятъ воззвать противъ врученныхъ и временныхъ правъ установленнаго правительства къ высшимъ и неотъемлемымъ правамъ народа, и замѣнить власти законныя, ограниченныя уже по самому своему происхожденію, властью революціонною, безграничною уже въ самой своей сути. Въ виду этого, секція Ситѣ, состоящая подъ вице-предсѣдательствомъ сентябрьскаго избивателя Мальяра, приглашаетъ остальныхъ сорать семь секцій избрать каждая двоихъ комисаровъ, снабженныхъ «неограничен-

¹⁾ Мейланъ, 44: «Я сидѣлъ напротивъ президента, всего шагахъ въ десяти отъ него, и не спускалъ съ него глазъ, такъ какъ, вслѣдствіе ужаснаго шума, увижаншаго собраніе, мы принуждены были прибѣгать къ этому единственному компасу, а между тѣмъ, я могу свидѣтельствовать о томъ, что я не видѣлъ и не слышалъ, чтобы подвергали утверженіе этого декрета большинству голосовъ».

Бюше и Ру, XXVII, 278. Рѣчь Осселъна, засѣданіе 28 мая: «Я представилъ сегодня изложенный декретъ на подпись секретарямъ. Одинъ изъ нихъ, прочитавъ его, замѣтилъ, что послѣдняя статья совсѣмъ не была утверждена, но что всѣ предыдущія действительно подвергались голосованію.—«Мортиеръ-Терно, VII, 562. Письмо депутата Мишея отъ 29 мая. «Разогнали всѣхъ часовыхъ, ворвались въ святилище законовъ и оставались тамъ отъ четырехъ часовъ дня и до одиннадцатаго часа; никому не дозволялось выходить даже въ видахъ удовлетворенія самыхъ безотлагательныхъ потребностей».

ными правами». Въ тридцати трехъ секціяхъ, очищенныхъ, запуганныхъ или почти повинутыхъ, якобинцы, являясь единственными или почти единственными представителями¹⁾, избираютъ самыхъ рѣшительныхъ изъ всей своей банды и преимущественно иностранцевъ²⁾ или негодаевъ, всего шестьдесятъ шесть комисаровъ, которые, вечеромъ 29-го, собираются въ епископскомъ дворцѣ (Evêché)³⁾ и выбираютъ изъ своей среды девять членовъ для составленія, подъ предсѣдательствомъ Добсона, центрального революціоннаго исполнительнаго комитета. Всѣ эти девять—личности совершенно темныя, подставныя манекены и жалкія маріонетки; недѣлю спустя, когда они сыиграютъ свою роль и когда больше не представится въ нихъ надобности, ихъ снова запрячутъ за кулисы. А пока они изображаютъ уполномоченныхъ владыки-народа, имѣющихъ неограниченныя права, такъ какъ онъ вручилъ имъ свое всемогущество; они единственные представители его власти, въ виду только что состоявшагося ихъ избранія, и парадируютъ въ качествѣ таковыхъ, подобно статистамъ, облеченнымъ въ золото и пурпуръ и представляющимъ на оперной сценѣ соборъ кардиналовъ или сеймъ священной римской имперіи. Никогда еще политическая комедія не опускалась до такого безстыднаго фарса. 31-го, въ половинѣ седьмаго утра, Добсонъ съ товарищами является въ совѣтъ коммуны, указываетъ имъ на свои права и приказываетъ разойтись. Совѣтъ съ почтительнѣйшею любезностью немедленно признаетъ себя касированнымъ и выходитъ изъ зала. Тогда Добсонъ, съ столь же поспѣшною благодарностью, зоветъ его обратно, водворяетъ въ его обязанностяхъ именемъ народа и объявляетъ благодарность отъ

¹⁾ Мортимеръ-Терно, VII, 308. Извлеченіе изъ протоколовъ патріотическаго общества Бюль-де-Мульенъ, 30 мая: «Въ виду того, что большинство секціи, извѣстной отсутствіемъ патріотизма и своимъ анти-революціоннымъ духомъ, откажется отъ подобнаго назначенія, или же изберетъ комисаровъ, не пользующихся довѣріемъ патріотовъ», патріотическое общество беретъ на себя дѣло избранія обоихъ требуемыхъ комисаровъ.

²⁾ Дюранъ-Мальянъ, 297. «Отрывокъ» Ланжуине: «Комуна назначила членами инсурекціоннаго комитета семерыхъ иностранцевъ, семерыхъ агентовъ, не принадлежащихъ къ секціямъ, какъ то: Дессье, Проли, Перейра, Дюбюссона, Гусмана, обоихъ братьевъ Фрей и др.» Большинство изъ нихъ негодаи, и болѣе всѣхъ Варле, Добсонъ, Гассенератцъ, Русселанъ, Дессье и Гусманъ.

³⁾ Буше и Ру, XXVIII, 176: Комисія, составленная предварительно изъ девяти членовъ, насчитывала вскорѣ одиннадцать.—Тоже, XXVII, 316. Протоколы коммуны отъ 31 мая, затѣмъ 25 рѣчь Паша въ комитетѣ общественной безопасности, 1 іюня.

всего отечества. Въ то же время другой демагогъ, Варле, продѣлываетъ ту же операцію надъ совѣтомъ департамента; и оба совѣта, освященные новымъ крещеніемъ, присоединяются къ шестидесяти шести комисарамъ, чтобы совмѣстно исправлять диктатуру. Ничто не можетъ быть законнѣе, и конвентъ не имѣетъ права этому противиться, тѣмъ болѣе, что самъ онъ былъ назначенъ исключительно въ видахъ произнесенія суда надъ тираномъ и пересмотра конституціи; владыка-народъ предоставилъ ему лишь эти права», поэтому всѣ остальные его дѣйствія, его приказы, арестованія—акты насилія и деспотизма. Къ тому же Парижъ лучше его представляетъ Францію, такъ какъ «онъ какъ-бы экстрактъ всѣхъ департаментовъ, зеркало общественнаго мнѣнія»¹⁾, передовой отрядъ патриотизма. «Припомните 10 августа²⁾; до этой эпохи республика представляла много различныхъ мнѣній; но лишь только вы прибѣгли къ рѣшительному шагу, какъ все внезапно смогло. Не опасайтесь ничего со стороны департаментовъ; мы, при помощи извѣстной доли террора и нѣкоторыхъ инструкцій, обрабатываемъ по своему всѣ умы». Нѣкоторые придирщики упорствуютъ въ своемъ требованіи созванія предварительныхъ собраній. «Да развѣ 10 августа была какая-либо надобность въ нихъ? И развѣ департаменты не одобрили тогда дѣйствій Парижа? Они сдѣлаютъ тоже и теперь; Парижъ спасаетъ ихъ»³⁾. Соображаясь съ этимъ, новое правительство вручаетъ главное командованіе военною силою вѣрному человеку, Генрію, одному изъ сентябрьскихъ убійцъ; затѣмъ, совершая дѣяніе, признаваемое закономъ тяжкимъ уголовнымъ преступленіемъ, оно приказываетъ бить тревогу, стрѣлять изъ вѣстовой пушки, звонить въ набатъ и закрывать заставы; всѣхъ почтовыхъ администраторовъ и чиновниковъ подвергаютъ аресту, всѣ письма перехватываютъ и вскрываютъ; отдается приказъ обезоружить всѣхъ неблагонадежныхъ и передать ихъ оружіе патриотамъ; всѣмъ недостаточнымъ гражданамъ опредѣляется по сорока су въ день до тѣхъ поръ, пока они будутъ нести военную службу. «Еще наканунѣ предупредили объ этомъ всѣхъ своихъ приверженцевъ, вслѣдствіе чего въ якобинскихъ секціяхъ комитетъ общественнаго надзора уже съ утра избралъ «новые отряды изъ среды самыхъ бѣдныхъ, для того,

¹⁾ Бюше и Ру, XXVII, 274. Рѣчь Гассенератца въ якобинскомъ клубѣ, 27 мая.

²⁾ То же, 302, засѣданіе конвента 30 мая. Слова, произнесенныя Гассенератцомъ, Варле, Шабо, переданныя Ланжуине.

³⁾ Мадамъ Роланъ, «Appel à l'impartiale postérité». Разговоръ мадамъ Роланъ вечеромъ 31 мая на площади Карусель съ однимъ канониромъ.

чтобы вооружить людей, дѣйствительно достойныхъ сражаться за свободу», а всѣ ружья свои онъ роздалъ мастерамъ—хорошимъ республиканцамъ». Съ часу на часъ, по мѣрѣ того какъ истекалъ день, во всѣхъ неповорныхъ секціяхъ власть постепенно переходитъ на сторону сильнѣйшихъ; въ Финистерѣ, въ Бють-де-Мулэнъ, въ Ломбардахъ, въ Фратерните, въ Маре ободренные санкюлоты одерживаютъ верхъ, отменяютъ рѣшенія умѣренныхъ, и къ вечеру делегаты ихъ являются въ городскую думу для принесенія присяги.

Между тѣмъ комуна, влеча за собою жалкое подобіе народнаго единодушія, осаждаетъ конвентъ учащенными и грозными петиціями. Кадъ и 27 мая, петиціонеры врываются въ залъ и братски смѣшиваются съ членами лѣвой стороны. Тогда, по предложенію Левассера, монтаньяры, зная, «что мѣста ихъ хорошо охраняемы», оставляютъ ихъ и переходятъ на правую сторону. Правая сторона, въ свою очередь переполненная вторгшимися, отказывается принимать участіе въ совѣщаніяхъ; Верньо требуетъ, «чтобы собраніе присоединилось къ вооруженной силѣ, расположенной на площади, и отдало бы себя подъ ея покровительство; «онъ выходитъ въ сопровожденіи своихъ друзей и большинство, лишенное такимъ образомъ вождя, впадаетъ въ свою обычную нерѣшительность. Вокругъ него страшнѣйшій шумъ и суета. Въ залѣ, крики монтаньяровъ, петиціонеровъ и галерей смѣшиваются въ одинъ общій и неумолчный ревъ. Въ залѣ, на улицахъ, отъ двадцати до тридцати тысячъ человѣкъ едва не вступаютъ въ бой другъ съ другомъ; батальонъ Бють-де-Мулэнъ съ нѣсколькими отрядами, посланными изъ сосѣднихъ секцій, заперся въ Палэ-Роялѣ, и Генріо, крича повсюду о томъ, что богатые центральныя секціи украсились бѣлою кокардою, посылаетъ противъ нихъ санкюлотовъ предмѣстья Сэнтъ-Антуанъ и Сэнтъ-Марсо; съ обѣихъ сторонъ уже наведены пушки. А между тѣмъ нужно помѣшать этимъ убійственнымъ пушечнымъ залпамъ; не слѣдуетъ подавать сигнала къ междоусобной войнѣ, «слѣдуетъ предупредить послѣдствія движенія, могущаго быть лишь пагубнымъ для свободы», необходимо возстановить и упрочить общественное спокойствіе. Вотъ почему большинство думая, что поступаетъ мужественно, отказывая комунѣ въ арестѣ двадцати двухъ и министровъ Лебрена и Клявъера, взамѣнъ того, соглашается закрыть свою комисію двѣнадцати; оно утверждаетъ приказъ, по которому комуна назначаетъ по 40 су ежедневно всѣмъ мастерамъ и рабочимъ, состоящимъ на военной службѣ; оно объявляетъ свободнымъ входъ въ свои трибуны и,

выражая свою благодарность всѣмъ секціямъ, какъ желавшимъ защитить его, такъ и собиравшимся напасть на него, оно держитъ всю національную гвардію на боевой ногѣ; оно объявляетъ на 10 августа общую федерацію; оно братается въ Палэ-Роялѣ съ баталіонами, которыхъ влеветы комуны вооружили одинъ противъ другаго и которые, будучи выведены изъ заблужденія въ послѣднюю минуту, обнимаются, вмѣсто того, чтобы убивать другъ друга.

И на этотъ разъ вся выгода на сторонѣ комуны. Не только многія изъ ея требованій были обращены въ декреты, но еще сверхъ того окончательно утверждается ея революціонное крещеніе; ея исполнительный комитетъ признанъ всеобщимъ безмолвнымъ соглашеніемъ; новое правительство остается дѣйствующимъ; всѣ захваты и насилія его освящены; его генералъ, Генрію, остается главнокомандующимъ; всѣ его диктаторскія мѣры безпрекословно приводятся въ исполненіе. Тѣмъ болѣе причинъ продолжать изданіе таковыхъ и усиливать ихъ. «Вы одержали лишь полу-побѣду, пишетъ Геберъ въ своемъ «Père Duchesne». — такъ какъ всѣ эти прохвосты интриганы еще существуютъ». Уже вечеромъ 31 мая комуна издала приказъ арестовать министровъ Клявьера и Лебрена, Ролана и жену его. Въ тотъ вечеръ, впродолженіи всего слѣдующаго дня, всей послѣдующей ночи и всего втораго слѣдующаго затѣмъ дня, комитеты общественнаго надзора во всѣхъ сорока восьми секціяхъ перечитываютъ, согласно инструкціямъ городской думы, списки жителей своихъ кварталовъ¹⁾, отмѣчаютъ новыя имена, посылаютъ комиссаровъ для обезоруженія и арестованія подозрительныхъ лицъ. Слѣдуетъ забирать всѣхъ тѣхъ, кто дурно говорилъ о революціонныхъ комитетахъ, кто сопротивлялся насиліямъ 31 мая, кто

¹⁾ «Національный архивъ», F⁷, 2494, секція собранія, протоколъ отъ 1 іюня. — Тоже, 2 іюня. Втораго іюня арестуютъ гражданина Робена «за то, что онъ, будучи членомъ законодательнаго собранія, выражалъ мнѣнія, противныя народному владычеству». Въ тотъ же день, въ предѣлахъ этой же секціи, совершается прокламація депутатами городского правленія (комуны), сопровождаемыми членомъ комитета и двумя барабанщиками, «стремящимися объявить народу, что отечество будетъ спасено, ожидая мужественно утвержденія декрета о томъ, чтобы измѣнники больше не вступали въ сенатъ». — Тоже, 4 іюня. Комитетъ постановляетъ выбрать новыхъ членовъ, увеличивающихъ его составъ, но которыхъ онъ будетъ избирать между «хорошими санкюлотами, а никакъ не между нотаріусами, ихъ писцами, стряпчими, банкирами и крупными собственниками»; выборъ можетъ пасть на послѣднихъ только въ случаѣ полнѣйшаго доказательства ихъ безупречнаго патриотизма съ 1789 года.

выказалъ себя съ неблагопріятной стороны 10 августа, или, наконецъ, дурно вотировалъ въ бывшемъ законодательномъ собраніи; производится всеобщій и одновременный опустошительный набѣгъ; по всѣмъ улицамъ только и встрѣчаешь что захваченныхъ людей, которыхъ ведутъ въ комитетъ секціи, или въ тюрьму, подъ конвоемъ, и на первомъ планѣ фигурируютъ журналисты «анти-патріоты»; сверхъ того, всѣ напечатанные номера ихъ газетъ конфискуются, да и самыя журналы и газеты заканчиваютъ свое существованіе; типографія Горза разграблена, станки его опечатаны; засаживаютъ самого Прюдома. Наконецъ, уничтожены послѣднія попытки сопротивленія въ секціяхъ Общественнаго Договора, Братства, Маре и Марсельской, и городское общественное правленіе (комуна), успокоенное относительно улицы, можетъ возобновить свое нападеніе на конвентъ.

Оно приказало составить въ каждой секціи списокъ «санкюлотовъ-рабочихъ» и назначаетъ имъ по 6 франковъ на каждого, которые обязаны выслать имъ конвентъ, въ видахъ вознагражденія за ихъ временное воздержаніе отъ работы. Это премія предлагаемая возстанію; и такъ какъ ничто не можетъ быть дѣйствительнѣе наличныхъ денегъ, то Паншъ заготовляетъ фондъ, начиная съ того, что удерживаетъ въ своемъ распоряженіи 150,000 франковъ, назначенныхъ сэнь-домингскимъ колонистамъ; втораго іюня, довѣренныя лица будутъ ходить между рядами собравшагося народа и раздавать пятифранковыя асигнаціи. Для того, чтобы успѣшнѣе удержать людей въ боевомъ порядкѣ, каждый баталіонъ сопровождается обозомъ съ продовольствіемъ; желудокъ необходимо наполнить, а стаканъ крѣпкаго вина наилучшее средство для поддержанія патріотизма. Генрію вернулъ изъ Курбеуа нѣсколько баталіоновъ волонтеровъ, которые незадолго передъ тѣмъ сформировались для похода въ Вандею; «они состоятъ исключительно изъ авантюристовъ, негодяевъ и грабителей, которыхъ прозовутъ современемъ «героями 500 ливровъ». У него еще подъ рукою розентальскіе гусары, старые солдаты, нѣмцы, непонимающіе французскаго языка и потому непризнающіе никакихъ законныхъ требованій. Наконецъ, вокругъ самаго конвента онъ образуетъ цѣпь изъ своихъ отборныхъ санкюлотовъ, въ особенности же изъ канонировъ, лучшихъ якобинцевъ¹⁾, везущихъ за собою гровнѣйшій изъ всѣхъ

¹⁾ Бюше и Ру, XXVII, 359. Протоколы комуны отъ 1 іюня: «Одинъ изъ членовъ совѣта, отправившійся въ секцію Бореперь, заявляетъ, что его тамъ дурно приняли, что президентъ этой секціи обратился къ нему съ суровыми словами и принялъ его за воображаемаго члена муниципалитета, что ему угро-

артилерійскихъ аппаратовъ, 163 пушки, съ желѣзными рѣшетками и углемъ для накаливанія ядеръ. Такимъ образомъ, Тюльери окруженъ шайкою головорѣзовъ и изступленныхъ; національная гвардія, вѣнгеро или вѣнгеро сильнѣйшая, и которую созвали, «чтобы придать предпріятію этихъ четырехъ или пяти тысячъ бандитовъ видъ народнаго движенія», не можетъ защитить конвента; ее намѣренно удалили за подъемный мостъ, который поднять, передъ деревянной оградой, отдѣлявшей площадь Карусель отъ дворца. Прикованная къ своему посту, вслѣдствіе строгаго приказа, сведенная на степень неподвижной декораціи, употребленная безъ своего вѣдома противъ себя же самой¹⁾, она бессильна противъ мятежниковъ, составляющихъ ея авангардъ. Уже съ самаго утра входы, лѣстницы и коридоры конвента переполнены завсегда-таями трибунъ и нанятыми женщинами; «люди съ большими усами», вооруженные саблями и пистолетами, смѣнили начальника охраны и его офицеровъ; законная стража оказалась замѣненной стражею противозаконною, и депутаты оказываются плѣнниками. Если кому-либо изъ нихъ необходимо выйти на минуту, то его выпускаютъ лишь подъ прикрытіемъ четырехъ фузелей, «которые ведутъ его, дожидаются и приводятъ обратно». Въ другихъ, которые подходятъ къ окнамъ, прицѣливаются; стараго Дюссо бьютъ, Буасси д'Англя хватаютъ за горло и онъ возвращается съ разорванными въ лохмотья галстукомъ и рубашкою. Конвентъ остается, такимъ образомъ, подъ арестомъ втеченіи цѣлыхъ семи часовъ, и когда онъ постановляетъ удаленіе вооруженной силы, его осаждающей, Генрію отвѣчаетъ экзекутору, которому поручено объявить ему объ этомъ рѣшеніи: «Скажи твоему скоту президенту, что я плюю на него и на все его собраніе, и что если оно черезъ часъ не выдастъ мнѣ всѣхъ двадцати двухъ, я прикажу разгромить весь вашъ конвентъ».

Въ самомъ залѣ конвента, большинство, покинутое своими признанными вождями и своими любимыми ораторами, слабѣетъ съ часу на часъ. Брюссо, Петіонъ, Гаде, Жансонне, Бюзо, Салль, Гранжневъ и еще многіе, почти двѣ трети всѣхъ двадцати двухъ,

жали отправить его на гауптвахту и что, наконецъ, онъ обязанъ своею свободою исключительно заступничеству храбрыхъ гражданъ секціи Санкюлотовъ и канонировъ секціи Бореперъ, сопровождавшихъ его».

¹⁾ Мортимеръ-Терво, VII, 566. Письмо депутата Люазо: «Я хожу по всему баталіону; всѣ рѣшительно солдаты говорятъ мнѣ, что не знаютъ причины этого движенія, что оно извѣстно только однимъ ихъ начальникамъ» (1 іюня).

остались дома, удержанные своими друзьями. Верньо, явившійся, сперва молчитъ, затѣмъ вскорѣ уходитъ; надо полагать, что монтаньяры, выигрывающіе вслѣдствіе его отсутствія, намѣренно пропустили его. Другіе четыре жирондиста, Изнаръ, Дюссо, Лантена и Фоше, соглашаются сложить съ себя свою должность; а когда генералы сдаютъ свою шпагу, то солдаты недолго задумаются передъ тѣмъ, чтобы сложить оружіе. Единственный изъ всѣхъ, Ланжуине, говоритъ смѣло и неустрашимо противъ насилія, какому подвергаются представители націи; онъ не жирондистъ, но католикъ и бретонецъ; на него бросаются со всѣхъ сторонъ; мясникъ Лежандръ, дѣлая обѣими руками «жестъ, изображающій ударъ мясничьяго молота», кричитъ ему: «Сходи сейчасъ-же или я разможу тебѣ голову!» Толпа монтаньяровъ бросается на подмогу Лежандру; къ горлу Ланжуине приставляютъ пистолеть; онъ тщетно противится, хватается за трибуну; вся его партія, всѣ его окружающіе, окончательно падаютъ духомъ.— Въ эту минуту Барреръ, человѣкъ находчивый, предлагаетъ конвенту прервать засѣданіе и идти продолжать его «посреди вооруженной силы, и подъ ея покровительствомъ». Большинство, за неимѣніемъ лучшаго исхода, хватается за эту послѣднюю смутную надежду. Оно встаетъ, не взирая на крики и протесты съ трибунъ, сходить съ большой лѣстницы и останавливается у входа на площадь Карусель. Тамъ, президентъ-монтаньяръ, Геро-де-Сешель, читаетъ Генрію декретъ, приказывающій ему удалиться, причемъ повторяетъ ему свои требованія официально, по всѣмъ правиламъ. Но множество монтаньяровъ послѣдовало за большинствомъ и старается всѣми силами содѣйствовать возстанію; Дантонъ жметъ руку Генрію и говоритъ ему въ полголоса: «Стой на своемъ и не бойся ничего, мы хотимъ лишь доказать, что собраніе свободно; не уступай-же». Вслѣдствіе чего, эта неуклюжая дубина набирается самоувѣренности и говоритъ президенту своимъ сильнымъ отъ пьянства голосомъ: «Геро, народъ собрался не затѣмъ, чтобы выслушивать твою болтовню; но ты хорошій патриотъ... ручаешься-ли ты своею головою, что всѣ двадцать два будутъ выданы намъ не далѣе, какъ черезъ двадцать четыре часа?»—Нѣтъ.—«Въ такомъ случаѣ я ни за что не отвѣчаю. Къ оружію, канониры, къ пушкамъ!» Канониры хватаются за свои зажженные фитили, «кавалерія обнажаетъ сабли, а пѣхота прицѣпляется въ депутатовъ». Несчастный конвентъ, отраженный отсюда, поворачиваетъ влѣво, проходитъ сводомъ, идетъ вдоль главной алеи сада, доходитъ до подъемнаго моста, стараясь отыскать себѣ проходъ. Но такого

не оказывается: мостъ поднять; ограда изъ тѣсно сплоченныхъ пивъ и штыковъ вездѣ равно непринимаема; кричатъ вокругъ депутатовъ: «Да здравствуютъ монтаньяры, да здравствуетъ Маратъ! На гильотину Бриссо, Верньо, Гаде, Жансонне! Очистимъ собраніе отъ этой испорченной крови!» и конвентъ, подобно стаду овецъ, тщетно кружится въ этомъ замкнутомъ пространствѣ. Тогда Маратъ, какъ лающій сторожевой песъ, бѣжитъ съ возможною поспѣшностію своихъ короткихъ ногъ, сопровождаемый толпою своихъ оборванцевъ, и кричитъ, чтобы поскорѣе загнать въ овчарню смущенное стадо: «Пусть депутаты вѣрные республикѣ возвращаются на свои мѣста!» И тѣ возвращаются машинально, съ понурой головой; немедленно залъ закрываютъ и они снова плѣнены. Множество постороннихъ вошли гурьбою съ ними, въ качествѣ добровольцевъ, чтобы поучаствовать въ ихъ совѣщаніяхъ, а санюлоты, вооруженные ружьями и штыками, жестикулируютъ и грозятъ съ верхнихъ галерей, наблюдая за ихъ работою и поощряя ихъ къ поспѣшности. Необходимость захватила ихъ своею желѣзною рукою со всѣхъ сторонъ, и здѣсь, и извнѣ, и крѣпко сдавливаетъ ихъ горло. Водворяется мрачное молчаніе. Разбитый параличомъ Кутонъ дѣлаетъ усиліе, чтобы приподняться съ своей скамейки: его друзья несутъ его на рукахъ до самой трибуны; это закадычный другъ Робеспьера, личность значительная и степенная; онъ садится и говоритъ своимъ тихимъ голосомъ: «Граждане, всѣ члены конвента теперь, конечно, болѣе не опасаются за свою свободу... Теперь вы убѣдились, что вы вполнѣ свободны въ вашихъ совѣщаніяхъ». — Вотъ заключительное слово комедіи; втораго подобнаго не найдешь даже у Мольера. Раздаются аплодисменты съ галерей и сентиментальный калѣва обанчивааетъ свою рѣчь требованіемъ, чтобы арестовали «двадцать двухъ», комисію двѣнадцати, и министровъ Клявьера и Лебрена. Никто не сопротивляется его предложенію, «такъ какъ всѣхъ начинаетъ одолевать физическое ослабленіе и надъ собраніемъ таготѣетъ впечатлѣніе ужаса. «Многіе успокоиваютъ себя тѣмъ, что всѣхъ вышеозначенныхъ лицъ подвергнуть лишь домашнему аресту, что у себя они будутъ въ безопасности, что лучше рѣшиться на небольшое зло, нежели подвергаться огромной опасности». Кто-то восклицаетъ: «Лучше совсѣмъ отказаться отъ своего права голоса, нежели измѣнить своему долгу!» Вотъ удобнѣйшій исходъ, успокаивающій всеобщую совѣсть. Двѣ трети собранія заявляютъ, что они отказываются принимать дальнѣйшее участіе въ совѣщаніяхъ, воздерживаются отъ голосованія и не встаютъ. За исключеніемъ

какихъ нибудь пятидесяти членовъ правой, встающихъ за жирондистовъ, всѣ остальные монтаньяры, увеличенные наплывомъ инсургентовъ или любителей, братски засѣдающихъ на-ряду съ ними, вотируютъ противъ нихъ и, наконецъ, утверждаютъ декретъ.

Теперь, когда конвентъ самъ себя искалѣчилъ, онъ окончательно разбитъ и становится исключительно правительственной машиной, находящейся въ распоряженіи извѣстной пайки; якобинцы торжествуютъ свою побѣду и рука побѣдителей можетъ отнынѣ свободно давать работу гильотинѣ.

VIII.

Взглянемъ на нихъ въ эту рѣшительную минуту; не думаю, чтобы въ какомъ либо государствѣ или столѣтіи существовалъ такой разительный контрастъ между націей и ея правителями. Партія якобинцевъ, вслѣдствіе цѣлаго ряда очищеній, совершаемыхъ навыворотъ, ограничивается исключительно однимъ осадкомъ; отъ громадной волны, поднятой въ 1789 году, у нея осталась лишь пѣна и тина; все-же остальное было отброшено или отстранилось само: сперва высшій классъ: духовенство, дворянство и сторонники парламента; затѣмъ средній классъ: промышленники, негоціанты и буржуа; наконецъ, всѣ лучшіе представители низшаго класса, какъ-то: мелкіе землевладѣльцы, фермеры, мастера, ремесленники, — короче, выдающіеся и значительные люди всѣхъ профессій, сословій, состояній, положеній или ремесль, все, что владело капиталомъ, доходомъ, заведеніемъ, или мастерской, что обладало порядочностью, что пользовалось значеніемъ или уваженіемъ, что не было лишено воспитанія и извѣстной умственной и нравственной культуры. Въ іюнѣ 1793 года весь контингентъ партіи состоитъ исключительно изъ праздныхъ рабочихъ, изъ городскихъ и сельскихъ бродягъ, изъ завсегдаевъ госпиталей, изъ грязнаго сброда, наполняющаго грязные приюты, изъ развращенной и опасной черни ¹⁾, изъ людей за-

¹⁾ Сіезъ (cité par Barante, «Histoire de la Convention», III, 169) характеризуетъ ее такимъ образомъ: «Этотъ мнимый, ложный народъ, смертельнѣйшій врагъ, котораго когда либо имѣлъ французскій народъ, безпрестанно наполнялъ всѣ дороги въ конвентъ... При входѣ и при выходѣ въ конвентъ, пораженный зритель какъ-бы невольно помышлялъ о внезапномъ вторженіи новыхъ ордъ варваровъ, о внезапномъ вторженіи цѣлой стаи алчныхъ и кровожадныхъ гарпій, слетѣвшихъ со всѣхъ сторонъ на революцію, какъ на обычную и вѣдомую для себя добычу».

пятнанныхъ, порочныхъ, безстыдныхъ, изъ всѣхъ свихнувшихся, испорченныхъ,—и въ Парижѣ, откуда они повелѣваютъ остальною Франціей, шайба ихъ, сама по себѣ ничтожнѣйшее меньшинство, вербуетъ именно въ этомъ отвратительномъ человѣчьемъ сбродѣ, тяготящемъ надъ столицами, въ эпилептической и золотушной сволочи, унаслѣдовавшей испорченную кровь, доведенную до послѣднихъ степеней злокачественности, вслѣдствіе грязной, порочной жизни, и вносящей въ цивилизацію вырожденіе, нравственное уродство, тупоуміе, разнузданные инстинкты распатаннаго темперамента, и животныя инстинкты слабого и неправильно сложившагося мозга ¹⁾. Возьмемъ три-четыре изъ существующихъ современныхъ свидѣтельствъ, чтобы показать, какое употребленіе сдѣлала эта партія изъ общественной власти, эта партія стоитъ къ намъ лицомъ къ лицу и сама по себѣ, и въ своихъ представителяхъ; посмотримъ же прямо въ лицо людямъ дѣла и инициативы, руководившимъ ея послѣднимъ предпріятіемъ и которые лучше всего ее представляютъ. «Въ конвентѣ, со втораго іюня», приблизительно половина депутатовъ отказывается принимать участіе въ совѣщаніяхъ; болѣе ста пятидесяти даже бѣжали и скрылись»; безмолвные, безучастные, бѣглецы, плѣнники, осужденные — вотъ результаты ея трудовъ, и вечеромъ 2 іюня, другъ ея по сердцу, ея духовникъ, ея руководитель, грязный выкидышъ, шарлатанъ, мономанъ и убійца, каждое утро насыщающій ее своимъ политическимъ ядомъ,—Марать, добился, наконецъ, неограниченной власти, къ которой онъ стремился уже четыре года, власти Марія, Суллы, Октавіа, Антонія и Лепида: права вносить въ списки или вычеркивать изъ нихъ имена осужденныхъ; «по мѣрѣ того, какъ читали списоки, онъ дѣлалъ указанія относительно сокращенія или прибавленія, и чтець вносилъ или вычеркивалъ имена, руководствуясь исключительно его простымъ указаніемъ, нисколько не заботясь о согласіи собранія» ¹⁾. Петіонъ и Гаде, арестованные 3 іюня въ городской думѣ, въ залѣ королевы, видятъ

¹⁾ Губернаторъ Морисъ, II, 241. Письмо отъ 23 октября 1792 года: «Чернь, которая, благодаря Богу, совсѣмъ неизвѣстна въ Америкѣ...»—Онъ нѣсколько разъ упираетъ на эту выдающуюся черту французской революціи. Относительно этого постоянно существующаго класса людей слѣдуетъ прочесть сочиненіе доктора Ломброво «l'Uomo delinquente», книгу замѣчательно точную, полную и составленную на основаніи подробнѣйшихъ документовъ.

¹⁾ Мейланъ, 51.—Бюше и Ру, XXVII, 356. Протоколы комунны, засѣданіе 1 іюня (вечернее). Марать приходитъ въ комунну, держать рѣчь общему совѣту и даетъ послѣдній толчокъ мятежу. Очевидно, что въ теченіи этихъ двухъ дней 1 и 2 іюня) ему принадлежала главнѣйшая роль.

своими глазами этотъ центральный комитетъ, только что возбудившій возстаніе, и который, въ силу особаго назначенія, царить надъ всѣми установленными властями. «Всѣ они храбрѣли, распростерты на скамьяхъ или уткнувшись локтями въ столъ; нѣкоторые были босы, у другихъ были стоптанные башмаки; почти всѣ были полу-одѣты, грязны, разстегнуты, съ всклоченными волосами, съ ужасными лицами, съ пистолетами за поясомъ, съ саблями и шарфами на перевязи. Тамъ и сямъ валялись бутылки; куски хлѣба, остатки говядины, обглоданныя кости покрывали полъ; стояла отвратительная вонь»; все это вмѣстѣ представляло зрѣлище какого-то грязнаго кабака. Тамъ предводителемъ шайки не Шометь, въ которомъ иногда проявляются поползновенія къ легальности, ни Пашъ, прикрывающійся маской своей швейцарской флегматичности, но второй Марать, только еще болѣе грубый и безусловно гнусный, Геберъ, пользующійся случаемъ, чтобы увеличить продажу своей газеты *Père Duchesne*; онъ издаетъ до 600,000 экземпляровъ, заставляетъ выдавать себѣ 135,000 ливровъ въ видѣ платы за нумера, высылаемые войскамъ, и наживаетъ на этомъ 75 процентовъ на 100. Уличный дѣйствующій персоналъ раздѣляется на двѣ банды: на военную и на гражданскую, изъ которыхъ первая одни лишь голову рѣзы, которые составятъ въ скоромъ времени главный контингентъ революціоннаго полчища. Полчище это¹⁾, повидимому, новое учрежденіе, существуетъ въ дѣйствительности съ 1789 года. Агенты герцога Орлеанскаго составили его первое ядро. Оно растетъ, организуется, получаетъ командировъ, опредѣляетъ свои сборные пункты, свои пароли, свое особое нарѣчіе... Всѣ революціи совершились при его пособіи; вездѣ, гдѣ оно не выступало массами, оно все-таки давало первый толчокъ народнымъ буйствамъ и насиліямъ. Оно разноситъ по городу бюстъ Неккера и закрываетъ театры 12 іюля 1789 года; оно 5 октября натравляетъ чернь на Версаль; по

¹⁾ Малле-Дюпанъ, II, 52 (8 марта 1794).—Дѣйствительнымъ предводителемъ революціонной арміи былъ Ронсень: «До революціи это былъ жалкій писакъ, смотрѣвшій на свое занятіе исключительно какъ на средство къ существованію, и добивавшійся лишь славы бульварныхъ подмостковъ. Однажды ему сказали: «Вашъ штабъ ведетъ себя очень дурно; онъ въ театрахъ и вездѣ позволяетъ себѣ всевозможныя безчинства; онъ бьетъ женщинъ, разрываетъ въ клочья ихъ чепцы. Войско ваше грабить, насилуетъ, рѣжетъ». Онъ отвѣчалъ: «Что-же мнѣ дѣлать? Я самъ отлично знаю, что это екониче разбойниковъ; но мнѣ нужны подобныя мерзавцы для моей революціонной арміи. Найдите-на мнѣ честныхъ людей, которые взяли-бы за такое ремесло». (Прюдомъ «Crimes de la Révolution», V, 130.)

его наущенію арестуютъ короля на Тюльерійскомъ дворѣ 20 апрѣля 1791 года... Оно же, подъ предводительствомъ Вестермана и Фурнье, и усиленное брестскими и марсельскими каторжниками, составило центральный батальонъ атаки 10 августа 1792 года; оно совершило сентябрьскія избіенія, оно взяло подъ свое покровительство маратистовъ 31 мая 1793 года. Его составъ вполнѣ отвѣчаетъ его обязанностямъ и его подвигамъ. Оно заключаетъ въ себѣ самыхъ рѣшительныхъ злодѣевъ, авиньонскихъ разбойниковъ, всю грязную накипь Марселя, Брабанта, Лютиха, Швейцаріи, берега Генуи. Полчище это, помощью усердной сортировки, провѣрять, усиливать, ухудшать и обратять его, наконецъ, въ законный корпусъ янычаръ, состоящихъ на тройномъ окладѣ; увеличенный, такимъ образомъ, наплывомъ праздныхъ парикмахеровъ, не имѣющихъ мѣста лакеевъ, уличныхъ бунтовщиковъ и всевозможныхъ негодяевъ, которые не въ состояніи заработать хлѣба честнымъ трудомъ, «онъ будетъ достаточно многочислененъ, чтобы снабдить гарнизонами Бордо, Ліонъ, Дижонъ, Нантъ, а на долю самой столицы останется еще около десяти тысячъ этихъ мамелюковъ». Что же касается гражданскаго персонала, то въ составъ его входятъ, во первыхъ, заведѣватели секцій, которымъ платятъ по 40 су за каждое засѣданіе, затѣмъ вся труппа статистовъ, обязанныхъ въ публичныхъ мѣстахъ изображать народъ, около тысячи клакеровъ и горлодеровъ, «двѣ трети которыхъ женщины». — «Все время, пока я находился на свободѣ, говоритъ Болье, — я зорко слѣдилъ за ихъ движеніями и приемами: они представляли какой-то вѣчно движущійся волшебный фонарь. Они безпрестанно ходили изъ конвента въ революціонный трибуналъ и оттуда въ явобинской клубъ или въ комуну, гдѣ засѣданія происходили вечеромъ... У нихъ едва едва доставало времени на удовлетвореніе ихъ потребностей; они часто обѣдали и ужинали на своемъ посту, особенно же въ случаѣ какой либо общей мѣры или важнаго убійства». Главнокомандующимъ этихъ обѣихъ полчищъ былъ Генрію, нѣвогда мошенникъ, затѣмъ полицейскій шпионъ, впоследствии заключенный въ Бисетръ за вражу и, наконецъ, сентябрьскій избиватель; онъ бывало парадировалъ въ переулкахъ на подмосткахъ площадныхъ лѣкарей, облаченный въ генеральскій мундиръ; вотъ отсюда происходитъ его воинственная осанка и его популярность; это нахальный хвастунъ, неизмѣнно пьяный или навеселѣ. У него бессмысленное лицо, сильный голосъ, вѣчно моргающіе глаза и нервныя подергиванія: однимъ словомъ, всѣ наружныя свойства его ремесла. «Когда онъ говоритъ, то раздаются неясныя завыванія, похожія на крики цинготныхъ; у него мрачный, погре-

бальный голосъ, и лицо его долго остается искаженнымъ и подергивается послѣ всякой его рѣчи; тогда онъ сильно моргаетъ глазами, пока, наконецъ, лицо его приходитъ въ нормальное состояніе. Маратъ, Геберъ и Генрію—это безумецъ, негодяй и звѣрь; не будь ножа Шарлоты Корде, весьма вѣроятно, что это тріо, распоряжавшееся прессой и вооруженной силой, съ помощью своихъ достойныхъ сподвижниковъ Жака Ру, Леклера, Винцента, Ронсэна и остальныхъ бѣсноватыхъ низшаго разряда, отстранило-бы Дантона, низложило Робеспьера и управляло бы Франціей. Таковы совѣтники, любимцы и руководители правящаго класса, и даже не зная того, что классъ этотъ предприметъ въ теченіи послѣдующихъ четырнадцати мѣсяцевъ, не трудно, судя по его свойству, представить себѣ его родъ правленія.

А между тѣмъ Франція принимаетъ это правленіе и покрывается ему, не взирая на весь его ужасъ. И дѣйствительно, хотя, въ порывѣ перваго отвращенія, Ліонъ, Марсель, Тулонъ, Нимъ, Бордо, Каенъ и еще нѣкоторые города, ощущавшіе себя подъ ножомъ, отталкиваютъ ударъ и встаютъ противъ своихъ мѣстныхъ яacobинцевъ, но это лишь инстинктивный жестъ самозащиты: они и не помышляютъ объ образованіи новыхъ государствъ въ самомъ государствѣ, чего желали монтаньяры, ни о захватѣ центральной власти, къ чему прибѣгаютъ монтаньяры. Ліонъ восклицаетъ: «Да здравствуетъ единая нераздѣльная республика!» Онъ съ почетомъ принимаетъ комиссаровъ конвента и спокойно пропускаетъ обозы оружія и партій лошадей, назначенныя въ альпійскую армію; лишь бессмысленнѣйшія требованія парижскаго деспотизма будутъ въ состояніи возбудить его противъ этого правительства, равно какъ и для возстанія Вандеи потребовалось звѣрское и упорное религіозное преслѣдованіе. Не будь продолжительнаго гнета, тяготѣющаго надъ общественной совѣстью, и неизбѣжной опасности, тяготѣющей надъ жизнью почти всѣхъ, не отложился бы навѣрное ни одинъ городъ и ни единая провинція. Даже, не взирая на это правленіе инвизиторовъ и палачей, за исключеніемъ Ліона и Вандеи, ни одна группа не дѣлаетъ упорнаго усилія, чтобы разорвать связь, сплотиться и жить отдѣльною жизнью. Національная связь уже слишкомъ окрѣпла, вслѣдствіе вѣковой централизаціи; здѣсь шла рѣчь только объ отечествѣ, и когда отечество въ опасности, когда вооруженный чужестранецъ нападаетъ на его границу, всѣ слѣдуютъ за знаменосцемъ, кто бы онъ ни былъ, узурпаторъ-ли, авантюристъ, негодяй, головорѣзъ, лишь-бы онъ шелъ впереди и крѣпко держалъ общее знамя. Тогда не время вырывать у него это знамя, оспари-

вать его мнимое право, изгонять его или замѣнять; въ этихъ передрагахъ могло-бы погибнуть общее дѣло. Честные люди жертвуютъ своими репутаціями общественному спасенію и, чтобы служить Франціи, служатъ ея недостойному правительству. Инженеры и офицеры главнаго штаба, засѣдающіе въ военномъ комитетѣ и проводящіе весь день за изученіемъ плановъ и географическихъ картъ, думаютъ исключительно о пользѣ, какую могутъ принести; одинъ изъ нихъ, д'Арсонъ, «руководилъ снятіемъ осады съ Дюнкирхена и блокады съ Мобежа; никто не превосходитъ его въ проникательности, въ практическихъ свѣдѣніяхъ, въ быстротѣ соображенія и въ силѣ воображенія; у него огненная душа и мозгъ, обогащенный обширнѣйшими познаніями.— «Я говорю о немъ, пишетъ Маллэ-Дюпанъ, — о человѣкѣ, съ которымъ я былъ тѣсно связанъ въ теченіи десяти лѣтъ, онъ такъ-же мало революціонеръ, какъ и я самъ.» Карно дѣлаетъ еще болѣе: онъ жертвуетъ своею честью, подписывая вмѣстѣ съ своими сотоварищами комитета общественной безопасности, съ Билло Варенномъ и Кутонномъ, съ Сэнъ Жжстомъ и Робеспьеромъ, приказы, которые не болѣе и не менѣе какъ убійства. Общее самоотверженіе руководить сотнями тысячъ рекрутовъ, добровольно идущими въ армию буржуа ¹⁾, и крестьянами, начиная отъ волонтеровъ 1791 года и до реквизиціонеровъ 1793; всѣ они сражаются не только за Францію, но еще и въ особенности за революцію.—Теперь, когда мечъ обнаженъ, взаимное и непрестанно возрастающее раздраженіе уничтожило всѣ партіи, кромѣ самыхъ

¹⁾ Слѣдующее письмо въ числѣ прочихъ документовъ указываетъ на общественное положеніе рекрутовъ, въ особенности-же взятыхъ въ 1791 году, которые оказались несравненно лучшими. (Письмо муниципальныхъ чиновниковъ Дора отъ 28 декабря 1792 года. Національный архивъ, F⁷, 3275): «Община Дора состоитъ изъ трехъ классовъ гражданъ. Первый, состоящій изъ людей, упрямо придерживающихся старыхъ порядковъ, былъ обезоруженъ. Второй, состоящій изъ людей зажиточныхъ, занимаетъ административныя мѣста, противъ него-то и была направлена вся ярость злонамѣренныхъ; къ тому-же все, что въ этомъ классѣ было способно выказать какое-либо сопротивленіе, пошло сражаться противъ вышняго врага. Третій, наконецъ, самый многочисленный, состоитъ частью изъ бунтовщиковъ, частью изъ рабочихъ, не осмѣливающихся принимать участіе въ мятежѣ, но лишь заботящихся объ уменьшеніи цѣны на хлѣбъ.— «Тулонжонъ, «Исторія Франціи со времени Революціи», IV, 94.» Не слѣдуетъ унижать націю, предполагая въ ней низкія побужденія и рабскую боязнь. Въ ней, напротивъ, совершенно инстинктивно пробудилось стремленіе къ сохраненію общественной безопасности, чувство, внутренно ощущаемое всѣми». — Гувьонъ Сэнъ-Сиръ, «Мемуары» I 56: «Каждый молодой человѣкъ устыдился-бы оставаться дома, когда угрожали національній независимости: всѣ повиновили свое ученье, свои занятія, свою профессію.

крайнихъ. Съ 10 августа и въ особенности съ 21 января, дѣло не въ договорахъ со старыми порядками, не въ отрѣзаніи ихъ отсохшихъ, мертвыхъ частей или острыхъ зловредныхъ колючекъ, не въ приспособленіи ихъ къ современнымъ потребностямъ, не въ введеніи гражданской равноправности, умѣренной, ограниченной монархіи, парламентскаго правленія. Дѣло въ отраженіи враговъ, въ предупрежденіи военныхъ эзекуцій герцога Брауншвейгскаго ¹⁾, въ избѣжаніи мести осужденныхъ эмигрантовъ, въ отстраненіи возможнаго возобновленія и усиленія стараго феодальнаго и фискальнаго права. А это старинное право было въ высшей степени ненавистно всей массѣ сельскаго населенія, и вслѣдствіи опыта, и по традиціи; оно его ненавидило всюю ненавистью накопившеюся вѣками, благодаря постоянному притѣсненію и гнету; оно ни за что не потерпѣло бы возвращенія сборщика податей, таможеннаго смотрителя надъ погребями; къ тому же, для него старый режимъ совсѣми повончилъ свое существованіе, такъ какъ со времени революціи оно не платило, или почти не платило никакихъ налоговъ. У него относительно этого укоренилось вполне сложившееся, твердое, непоколебимое понятіе; завидь оно, лишь хотя издали, въ будущемъ, восстановленіе податей, десятинныхъ поборовъ, владѣльческихъ правъ, оно не задумается на минуту, и будетъ бороться на смерть.— Что же касается ремесленниковъ и мелкихъ буржуа, то ихъ подтапливала и прельщала грандіозная перспектива широкой общественной карьеры, безграничнаго повышенія, чиновъ и почестей, выпадающихъ на долю достойныхъ; а главное то, что иллюзіи ихъ еще сохранились въ первобытной неприкосновенности. Тамъ, на полѣ битвы, лицомъ къ лицу съ врагомъ, великія общія идеи, превратившіяся въ рукахъ парижскихъ демагоговъ въ кровожадныхъ проституттокъ, оставались чистыми дѣвственницами въ воображеніи офицера и солдата. Свобода, равенство, права человѣка, царство разума,—всѣ эти смутныя и возвышенныя представленія витали передъ ихъ взорами, когда они подъ градомъ картечи взбирались по жемаппскимъ крутизнамъ, или когда они, босые, зимовали въ снѣгахъ Вогезовъ. Они не попирали эти понятія ногами, не волочили ихъ въ грязь, не низводили съ неба на землю; представленія эти не превратились въ ихъ рукахъ въ отвратительныя карикатуры. Сами они не

¹⁾ Гувьонъ Сэнъ-Сиръ, 1, 56: Брауншвейгскій манифестъ далъ Франціи болѣе ста батальоновъ, собранныхъ, вооруженныхъ и отправленныхъ въ походъ въ самое непродолжительное время (меньше трехъ недѣль).

погружались въ грязь ежедневной политики и гильотины. Они не изображали собой поддержку клуба, секціонныхъ горлодеровъ, комитетныхъ иъвизиторовъ, наемныхъ доносчиковъ, поставщиковъ эшафота. Находясь внѣ революціоннаго шабаша, возвращенные къ здоровымъ понятіямъ, вслѣдствіе непрестанной опасности, понявъ неравномѣрное распредѣленіе талантовъ и необходимость повиновенія, они мужественно несли свою сильную дань труда; они переносили лишенія, они голодали, они смѣло шли на встрѣчу пуль, они сознавали свое самоотверженіе и свои жертвы; они — герои, и были вправѣ считать себя освободителями. Они увлекались этою идеей до самовосхваленія. По мнѣнію одного великаго наблюдателя (Stendhal, «Memoires sur Napoléon») лично знавшаго иъвоторыхъ изъ уцѣлѣвшихъ въ этихъ бояхъ, «многіе изъ нихъ воображали, что одни только французы дѣйствительно разумныя существа... По нашему мнѣнію, жители всей остальной Европы, сражавшіеся за сохраненіе своихъ же цѣпей, были или жалкіе глупцы, или продажные мерзавцы, прислуживавшіе деспотамъ, нападавшимъ на насъ. Питтъ и Кобургъ казались намъ представителями этихъ мерзавцевъ и воплощеніемъ измѣны, продажности и тупоумія. Въ 1794 году всѣ наши завѣтныя и искреннѣйшія чувства сводились къ одной идее: быть полезнымъ отечеству. Все же остальное: одежда, пища, повышеніе, казалось намъ пустою, жалкою и призрачною подробностью. Такъ какъ не было общества, то не существовало для насъ этой, столь выдающейся черты въ характерѣ нашей націи, стремленія въ достиженію успѣха въ обществѣ. Мы собирались исключительно для общественныхъ праздниковъ и для трогательныхъ церемоній, поддерживавшихъ въ насъ любовь къ родинѣ. Глаза наши наполнялись слезами всякій разъ, какъ, идя по улицѣ, мы встрѣчали надпись въ честь молодаго барабанщика Барра... Чувство это было нашей единственной религіей», — но это было все-таки религія. Нація, обладающая сердцемъ, способнымъ на столь возвышенное настроеніе¹⁾, должна была спастись, не смотря на своихъ правителей, каковы бы ни были ихъ нелѣпость и ихъ проступки; она своимъ мужествомъ искупляла ихъ безумство, а геройскими подвигами — ихъ тяжкія преступленія.

К О Н Е Ц Ъ .

¹⁾ Гувьонъ-Свѣтъ-Сиръ, Мемуары, р. 43: «Патріотизмъ замѣнилъ все остальное ему единственно обязаны мы побѣдой, а побѣда удовлетворила необходимѣйшимъ потребностямъ».

Издатель и отвѣтственный редакторъ А. А. Навроцкій.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1882 г. НОВАГО ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА:

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

Журналъ выходитъ ежемѣсячно съ 1 января 1882 года, безъ предварительной цензуры, по програмѣ нашихъ большихъ литературныхъ журналовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	За годъ.		За полгода:
Безъ доставки.	12 р.	Безъ доставки.	7 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургъ. 13 >		Съ доставк. въ С.-Петербургъ 7 >	50 к.
Съ пер. въ другія мѣста Имперіи. 14 >		Съ пер. въ другія мѣста Россіи 8 >	
Съ пересылкою за границу. . . 16 >		Съ пересылкою за границу . 9 >	

Гг. служащимъ дѣлается разсрочка при посредствѣ казначеевъ. Книгопродавцамъ обычная уступка.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи (Поварской переулочъ, д. № 5, кв. № 5), а также во всѣхъ известныхъ книжныхъ магазинахъ. Иногородные подписчики адресуются *исключительно:* въ главную контору «Наблюдателя». Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ главной конторѣ журнала.

Редакторъ-издатель А. Пятковский.

Въ главной конторѣ «Наблюдателя» имѣются въ продажѣ слѣдующія изданія редакціи:

1) Полное собраніе сочиненій Д. В. Веневитинова, изд. подъ редакціею А. П. Пятковского, съ портретомъ автора, факсимиле и статьею о его жизни и сочиненіяхъ. Спб. 1862 г., 3-е изд. (Осталось небольшое количество). Ц. 1 р. 25 к., пер. за 1 ф.

2) Князь В. Ө. Одоевскій. Литературно-біографическій очеркъ въ связи съ личными воспоминаніями. А. П. Пятковского. Спб. 1880 г. (Печатано въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ). Ц. 75 к., вѣс. 1 ф.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

„КАРТИНЫ МИНУВШАГО“

СТИХОТВОРЕНІЯ И ДРАМАТИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ.

А. А. НАВРОЦКАГО (Н. А. ВРОЦКАГО).

СОДЕРЖАНІЕ.

Вмѣсто предисловія.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Изъ волжскихъ преданій: 1) Коромыслова башня.—2) Бняжья могила.—3) Утесъ Стеньки Разина.—Новгородъ.—Псковъ.—Архимандритъ Порфирій.—Иванъ Грозный подъ Псковомъ.—Иванъ разбойникъ.—Печальникъ Русской земли.—Бояринъ.—Патріархъ Никонъ.—Бояринъ Кляинъ.—Патріархъ Гермогенъ.—Смерть Петра Великаго.—Двѣ жертвы.—Картина грядущаго.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ДРАМАТИЧЕСКИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ.

Стенька Разинъ.—Царевна Софья.—Послѣдняя Русь.—Боярское правленіе.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Памяти Царя-Освободителя.—Примѣчаніе.

Цѣна два руб., съ пересылкою два р. 50 к.

Иногородныхъ просятъ адресовать требованія въ С.-Петербургъ, А. А. Навроцкому, до востребованія.

РЕДАКЦІЯ „РУССКОЙ РѢЧИ“

С.-Петербургъ, Средняя Подъяческая, 1.

Журналъ «Русская Рѣчь» выходитъ въ С.-Петербургѣ, безъ предварительной цензуры, ежемѣсячно, книжками отъ 25 до 30 и болѣе листовъ.

Подписная цѣна - на годъ:

безъ доставки	15 р.
съ доставкой въ Петербургъ	16—
съ пересылкой	17—
за границу: въ Европу	} 18—
Сѣверную Америку и Египеть	

Въ прочія мѣста—по соглашенію съ Редакціей.

Допускается разсрочка платы по третямъ:

	при подпискѣ	къ 1 Маю	къ 1 Сентябрю
безъ доставки	7 р.	5 р.	3 р.
съ доставкой	8 —	5 —	3 —
съ пересылкой	9 —	5 —	3 —

Отъ Редакціи.

Редакція отвѣчаетъ вполне за доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы журнала и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые получили билеты или выслали подписную сумму по почтѣ въ Редакцію «Русской Рѣчи» съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія, уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣста жительства; при перемѣнѣ адреса изъ петербургскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к., изъ иногородныхъ въ петербургскіе—50 к. и изъ петербургскихъ или иногородныхъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію и, притомъ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются только тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложить къ подписной суммѣ 16 к. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ А. Павроцкій.

Главная Контора «Русской Рѣчи»

Средняя Подъяческая, 1.

